

902.6

4-73

ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЕ

СЪ УЧАСТИЕМЪ: В. М. Вѣдрова, В. Н. Виноградскаго, Н. В. Закревскаго, Р. Г. Игнатьева, П. С. Казанскаго, А. К. Киркора, А. А. Котляревскаго, И. Д. Мансветова, Д. Предтечевскаго и
Гр. А. С. Уварова.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. ГѢРЦА,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ,

съ 3-мя литографированными снимками и 22-мя полиטיפажамн.

МОСКВА.

1869.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Монетное дѣло въ Литвѣ. Статья Дѣйств. Чл. А. К. Кир- кора (съ 3 литографированными таблицами).	87—119.
Двѣ битвы 1177 и 1216 годовъ по лѣтописямъ и по архео- логическимъ изслѣдованіямъ. Статья Предсѣдателя Общества Графа А. С. Уварова (съ 1 полиптикомъ).	120—131.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Надгробная надпись Аверкія, епископа Іерапольскаго. Статья Дѣйств. Чл. П. С. Казанскаго	132—135.
Древности въ имѣніи Заваянскомъ. Пер. съ финскаго.	136—138.
Древняя вышитая икона Персв. Богородицы въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ. Статья Д. Предтечевскаго	138—139.
О мѣстѣ кончины и погребенія думнаго дьяка Афанасія Власъ- ева. Статья Чл.-Кор. Р. Г. Игнатьева	139—141.
Золотая серьга, найденная въ Эльтигенѣ (съ 1 полипти- комъ).	141— —

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви А. Катанскаго . Статья И. Д. Мансветова	142—148.
Ravenna. Eine kunstgechichtliche Studie von D-r. R. Rahn. Статья В. Н. Виноградскаго (съ 4 полиптиками).	148—155.
Jthaque. Le Péloponèse. Troie. Par. H. Schliemann. Статья В. М. Ведрова	156—157.
Bibliographia geographica Palaestinae. Von Titus Tobler. Статья В. М. Ведрова	157—158.
Hertha. Von D-r. J. Rolle. Статья В. М. Ведрова	158—159.
Chronologie des Manetho. Von G. F. Unger. Статья В. М. Ведрова	160.
Philon d' Alexandrie. Par. F. Delaunay de Fontenay. Статья В. М. Ведрова	160—163.
Труды губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Статья Дѣйств. Чл. К. К. Герца	163—165.

IV. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ МОСКОВСКАГО АР- ХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА №№ 20, 21, 22, 23, 24 и 25.

ПРИЛОЖЕНІЯ. 1. Описаніе Кіева. Статья Дѣйств. Чл. Н. В. Захревскаго	165—188.
---	----------

1951

1957

1962 г.

1965 г.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

81
БИБЛИОТЕКА
И. И. Крашевской
и музейной работы

02. В - 325

МОНЕТНОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТВѢ.

А. К. Киркора.

I.

Большая часть лѣтописцевъ изображаютъ намъ языческую Литву страной дикою, варварскою, до крайности бѣдною; но новѣйшіе успѣхи археологій и этнографіи заставили измѣнить взгляды и уже во многомъ уяснили дѣйствительное тогдашнее состояніе этой любопытной страны. Ежели въ Литвѣ нѣтъ слѣдовъ древнихъ каменныхъ построекъ доисторическаго времени, то каменный періодъ оставилъ богатые памятники въ оружіи, свидѣтельствующіе о культурѣ ея аборигеновъ. Вѣковые курганы, подземелья, побоища разоблачаютъ передъ нами прошлое и самихъ Литовцевъ. Сосѣдство съ Чудью, богатою обширнымъ металлическимъ производствомъ, кажется, дало Литовцамъ возможность познакомиться съ желѣзомъ ранѣе, чѣмъ другимъ индо-европейскимъ племенамъ, довольствовавшимся еще употребленіемъ бронзоваго орудія. Могильныя выкопки убѣждаютъ въ знакомствѣ съ золотыми и серебряными издѣліями, бисеромъ и т. п.

Съ VI столѣтія начинаются побѣги варяговъ и продолжаются до IX столѣтія включительно. Многіе изъ нихъ селятся въ этой странѣ ⁽¹⁾. Въ

(1) Исландскій путешественникъ Снорро-Стурлезонъ, родившійся въ 1179 г., путешествовалъ по всему сѣверу, былъ въ окрестностяхъ г. Вильно и нашелъ своихъ соотечественниковъ, давно здѣсь поселившихся, съ которыми онъ однако могъ свободно говорить на своемъ нарѣчій. Сочиненіе Снорро-Стурлезона напечатано въ Стокгольмѣ въ 1697 году.

половинѣ XI ст. является здѣсь Ярославъ I съ своею ратью. Съ того времени, и особенно съ XII ст., Русины проникаютъ въ глубь Литвы и Жмуди. Литовцы, храбрые и мужественные въ сраженіи, кроткіе и чадолюбивые при семейномъ очагѣ, уже въ XII ст. имѣли значительныя торговые обороты. Въ XIII ст. начались болѣе близкія, то дружественныя, то враждебныя, но постоянныя сношенія съ Русью. Кіевъ, Новгородъ, Псковъ, а потомъ Рига, и, наконецъ всѣ ганзейскіе города ведутъ торговлю съ Литвою. Со временъ же Миндовга, и, въ особенности, Гедемина и Ольгерда, когда собственная небольшая Литва исчезла въ огромѣ русскихъ княжествъ, подвластныхъ одному великому князю литовскому, когда предѣлы государства распространились отъ Балтійскаго моря до рѣки Угры, а потомъ и до Чернаго моря, когда Черниговъ, Переяславль, Херсонесъ-тавричскій явились посредниками въ торговыхъ дѣлахъ съ Царьградомъ и съ цѣлымъ Востокомъ, — Литва еще ближе сливается съ Русью и образуетъ сильное государство.

Литовскій янтарь славился повсюду и игралъ важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ ⁽²⁾. Литовцы были богаты мѣхами. У нихъ были зубры, туры, медвѣди, олени, бобры, лисицы, волки, и водились большіе табуны дикихъ коней. Они имѣли ленъ, пеньку, льняное сѣмя, коноплю, медъ, воскъ, много рыбъ, имѣли даже сельди. Цѣлые караваны янтара ежегодно отправлялись въ Новгородъ, откуда его развозили по разнымъ мѣстамъ. Наконецъ лѣсъ составлялъ предметъ важнѣйшаго сбыта, особенно когда вспомнимъ, что тогда рѣки Вилія и Нѣманъ были судоходными. Все это промѣнивалось на необходимые предметы, а при умѣренности тогдашнихъ требованій и патріархальности обычаевъ, въ промѣнъ получались, большею частью, благородные металлы и звонкая монета. Въ древнемъ литовскомъ языкѣ были названія металловъ и денегъ, что самое уже доказываетъ знакомство жителей съ этими предметами ⁽³⁾. До сихъ поръ находятъ здѣсь въ землѣ монеты греческія, римскія, арабскія, монгольскія и др. У владѣтельныхъ кунигасовъ, или князей, былъ обычай награждать своихъ подданныхъ золотыми и серебрянными монетами, съ разными, преимущественно мифологическими, изображеніями, для ношенія на шеѣ.

Когда именно въ Литвѣ начали чеканить собственную монету, опредѣлить трудно.

(2) Кажется, самое названіе янтарь происходитъ отъ литовскаго генторасъ. Точно такъ же, какъ въ литовскомъ языкѣ сохранились слова, взятые конечно вмѣстѣ съ предметами отъ Русскихъ: жемчугасъ — жемчугъ; коура съ — ковры; шилтои — шелкъ.

(3) Золото по-литовски — аухас; серебро — sydabras, мѣдь — wagus, деньги — ризеос, противъ — skatikas.

Мы не имѣемъ литовской нумизматики. Польскіе писатели, занимавшіеся нумизматикою, какъ Чацкій, Лелевель, Бантдке, Загорскій и др., говорили о литовской нумизматикѣ вскользь, объясняя только отношенія ея къ польской и указывая на литовскія монеты едва со времени Ягайлы. Между тѣмъ монетное дѣло въ Литвѣ существовало ежели не ранѣе, то несомнѣнно съ XIV столѣтія и пользовалось, не смотря на разныя стѣсненія, самостоятельностью до 1660 г., т. е. 340 лѣтъ; слѣдовательно должно бы составлять предметъ отдѣльнаго изученія, представляющаго много интереса.

Нарбуттъ, въ своей исторіи Литвы, первый началъ говорить болѣе подробно о древнихъ литовскихъ монетахъ. Графъ Евстафій Тышкевичъ, съ 1835 г. постоянно собирая все относящееся къ литовской археологіи, тщательно слѣдилъ и за новыми пріобрѣтеніями древнихъ монетъ и описалъ нѣкоторыя изъ нихъ. Потомъ Кёне въ Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества напечаталъ нѣсколько общихъ замѣтокъ о древнихъ литовскихъ монетахъ, находившихся у Рейхеля, и о сообщенныхъ обществу графомъ Е. Тышкевичемъ. Тамъ же была напечатана и моя небольшая статья по этому предмету. Вишневскій, Дзялынскій, Рачинскій обнародованіемъ древнихъ литовскихъ печатей отчасти содѣйствовали уясненію литовской геральдики⁽⁴⁾. Вотъ почти и все собранное доселѣ по части литовской нумизматики. Но новые труженики не много имѣли данныхъ для обработки этого предмета и не могли составить ничего цѣльнаго и опредѣлительнаго.

Прошлое ничего для нихъ не пріуготовило. Странныя судьбы этого края! Здѣсь все, даже первенствующее ученое сословіе, дѣйствительно много сдѣлавшее для науки, нисколько не заботилось о сохраненіи древностей, и даже были случаи, когда и само посягало на ихъ разрушеніе. Поэтому неудивительно, что и самыя благородныя усилія такъ мало принесли пользы въ дѣлѣ историческаго разъясненія прошлаго литовской нумизматики. Замѣтки же г. Кёне могутъ даже ввести въ заблужденіе менѣе знакомаго съ мѣстною исторіею.

Настоящій трудъ, конечно, будетъ имѣть тоже много несовершенствъ, много недоконченнаго и неразъясненнаго. Мы имѣемъ только въ виду собрать въ одно цѣлое мнѣнія и указанія, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ, и представить общій сводъ свѣдѣній о литовскихъ монетахъ, чтобы такимъ образомъ проложить болѣе широкій путь будущему нумизмату.

(4) Сочиненія болѣе замѣчательныя и статьи, помѣщенные въ разныхъ изданіяхъ, приведены нами въ концѣ настоящаго труда.

Нарбуттъ полагаетъ, что начало монетнаго дѣла въ Литвѣ относится къ XII столѣтію. Другой изыскатель литовскихъ древностей (Волянскій) думаетъ, что еще ранѣе. Но эти предположенія не выдерживаютъ строгой критики. Мы укажемъ здѣсь на самыя древнія, извѣстныя намъ, литовскія монеты. Нарбуттъ описываетъ ⁽⁵⁾ монеты съ изображеніемъ Перуновъ. Что такія монеты существовали весьма давно, не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ упоминаютъ Кояловичъ, Бѣльскій и другіе лѣтописцы. Память о Перунахъ сохранялась даже въ XVI вѣкѣ. Въ старинныхъ записяхъ и документахъ XV столѣтія часто упоминается о старовичныхъ Перунахъ золотыхъ. Въ одномъ духовномъ завѣщаніи, явленномъ въ земскихъ актахъ г. Трокъ 6 апрѣля 1493 г., между прочимъ сказано: „и жъ сорока старовичныхъ Перуновъ золотыхъ, штукъ 20 женѣ моей Галенѣ Пѣтковнѣ, а штукъ 20 дѣтямъ моимъ, каждому по штукъ пять...“ По-литовски такія монеты назывались *Perkunas auksas*, т. е. золотые Перуны, но были Перуны и серебрянные. Лелевель говоритъ, что между 1492 и 1501 г. Перуны были еще въ общемъ употребленіи; въ это время ихъ даже поддѣлывали и во множествѣ распространяли въ народѣ. Нарбуттъ описываетъ монету, найденную въ Виленской губерніи, въ Троцкомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ м. Оранъ. На ней изображенъ Перунъ, или литовскій Перкунасъ, съ громовыми стрѣлами, съ жезломъ и въ коронѣ, а на оборотной сторонѣ всадникъ съ мечемъ. Впрочемъ дѣйствительно ли это всадникъ, опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ это одна изъ древнѣйшихъ литовскихъ монетъ. (См. табл. VII. N 1).

Полагаютъ, что были монеты съ изображеніями и другихъ боговъ, напримѣръ Патело, бога воздушныхъ духовъ; Атримпоса, бога морей и водъ, изображавшагося въ видѣ змѣи съ человѣческой головою; Земеникаса (у Пруссакъ Курхуса) и др. Чацкій приводитъ три монеты, найденныя въ Литвѣ и относящіяся тоже къ глубокой древности. (См. табл. VII. NN 2, 3 и 4). Первая—брактеатъ, изображающій богиню цвѣтовъ и лѣсовъ, Джеджилю, держащую лилію, въ родѣ египетской *Lotos Isiaca*, служившей эмблемою силы и власти; въ другой рукѣ держитъ чашу съ водою; на головѣ корона изъ цвѣтовъ, а одѣяніе изъ березовой коры. Вторая монета изображаетъ славянскаго Перуна или литовскаго Перкунаса, держащаго жезлъ огромныя стрѣлы; возлѣ него по сторонамъ два коршуна, обыкновенная принадлежность рыцарей на подобныхъ монетахъ. Подъ ногами человѣческое туловище, а семь точекъ означаютъ достоинство монеты. Чацкій однако думаетъ, что

(5) *Dzieje Nar. Lit.*, т. 1, 201 таб. III. N° 10, 12, 13, 16. и др.

это скандинавскій Торъ; но на оборотной сторонѣ всадникъ, какихъ обыкновенно видимъ на древнихъ русскихъ и литовскихъ монетахъ, говоритъ въ пользу мнѣнія Нарбутта, признававшего подобныя монеты литовскими. Наконецъ третья, брактеать, изображаетъ ворота, на которыхъ оленій рогъ. Чацкій полагаетъ, что это изображеніе могло быть гербомъ какого нибудь славянскаго города надъ Одеромъ (Heneda, Veneda, Jagersberg?); но другіе хотятъ въ нихъ видѣть столбы, фамильный гербъ литовскихъ князей. Далѣе Нарбуттъ описываетъ монету, найденную въ числѣ нѣсколькихъ въ 1826 г. въ Лидскомъ уѣздѣ (прежде Гродненской, нынѣ Виленской губ.), въблизи деревни Огородники. (См. таб. VII. N 5). На ней изображенъ человѣкъ въ шлемѣ и въ коронѣ съ тремя острыми зубцами, въ длинной одеждѣ, съ поясомъ. Въ правой рукѣ онъ держитъ мечъ, а по сторонамъ надпись: *Mendok V Kuni Di* что по мнѣнію Нарбутта значитъ: Мендогъ (Миндовгъ), V руническій знакъ, а далѣе сокращенное *Kuniges didis*, т. е. великій князь. На оборотной сторонѣ вверху небольшой, какъ будто привѣшенный, щитъ, и на немъ миниатюрное изображеніе всадника; въ срединѣ монеты изображенъ медвѣдь (гербъ Жмуди) и надпись: *Zemajtos minzios*, т. е. жмудская монета. По мнѣнію же Лелевеля ⁽⁶⁾ это монета руническая, Магнуса, короля датскаго. Жмудскій медвѣдь и миниатюрный всадникъ говорятъ въ пользу предположеній Нарбутта: дѣло въ томъ, правильно ли прочтена руническая надпись? — Волянскій приводитъ, между прочимъ, слѣдующія монеты: найденную гдѣ-то въ Литвѣ, изображающую Перкуна, на оборотной же сторонѣ несомнѣнно всадника. (См. табл. VII. N 6). Въ этомъ же родѣ представлена и Нарбуттомъ монета изъ числа найденныхъ близъ Огородниковъ. Здѣсь тоже съ одной стороны Перунъ, а съ другой всадникъ; но послѣдній вовсе не похожъ на всадниковъ, обыкновенно изображаемыхъ на литовскихъ монетахъ. Скорѣе это не будетъ ли изображеніе скандинавскаго Тора? (См. табл. VII. N 7, сравн. съ NN 1, 3, 6). Для Волянскаго показалось недостаточнымъ этихъ изысканій. Онъ улетѣлъ къ временамъ Юлія Цезаря и указываетъ на какого-то вождя Литавикуса, предводителя галло-кельтовъ, у подножія Карпатскихъ горъ. На монетѣ этого Литавикуса изображена женская голова съ жезломъ, а съ другой стороны всадникъ, держащій знамя, на которомъ будто бы какое-то животное и надпись: *Litav*, т. е. Литавикусъ ⁽⁷⁾. Далѣе монету, изображающую женскую голову, безъ жезла. На оборотной сторонѣ тоже всадникъ съ знаменемъ,

(6) Polska, dzieje i rzeczy jej, V. 281, pp. 14.

(7) См. Etudes numismatiques et archéologiques; Types gaulois ou celtiques, таб. III. N° 7.

надпись: *Lita* ⁽⁸⁾. Наконецъ третью, на которой изображена мужская голова (Волянский готовъ вѣрить, что это и есть самъ Литвинъ!?), а на оборотной сторонѣ опять всадникъ и такая же подпись: *Lita*. Для любопытныхъ представляемъ (табл. VII. NN 8, 9, 10) эти три монеты Волянского, разумѣется, не придавая имъ никакого особаго значенія и связи съ литовскою нумизматикою: желательно было бы однако опредѣлить дѣйствительное значеніе этихъ трехъ монетъ.

Для насъ гораздо любопытнѣе монеты, о которыхъ говоритъ г. Кёне въ Записк. СПб. Археол. Общ. ⁽⁹⁾. Въ собраніи Рейхеля были монеты, на которыхъ на лицевой сторонѣ всадникъ съ мечемъ, а на оборотной столбы или колонны, литовскія *stiebas*, по-польски *kolumny*, фамильный гербъ рода Гедимина. На одной изъ такихъ монетъ внутри столбовъ буква *k*, ежели только это точно *K*; (См. табл. VII. N 11). На другихъ экземплярахъ всадникъ представленъ нѣсколько въ другой формѣ и буквы *K* нѣтъ. Въ томъ же собраніи находится небольшой брактеатъ, на которомъ также изображены столбы, а подъ ними три буквы: *k. v.* или *п* и *т*. — Г. Кёне полагаетъ, что можетъ быть среднюю букву должно принимать за *D* и тогда, по его мнѣнію, надобно читать: *Kieystud Dux Trakenensis* ⁽¹⁰⁾. Предметъ этотъ чрезвычайно важенъ, и мы должны разсмотрѣть его съ мельчайшею подробностью.

Все вышеприведенное говорилъ г. Кёне въ 1849 г. Еще прежде, именно въ 1845 г., въ *Atheneum* ⁽¹¹⁾, гр. Ев. Тышкевичъ напечаталъ статью о вновь открытыхъ монетахъ, въ которой, между прочимъ, говоритъ, что у г. Рейхеля находится старинный литовскій брактеатъ, полученный имъ изъ собранія монетъ въ Данцигъ отъ Гейдекена, и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: семейный гербъ литовскихъ князей въ родѣ Гедимина, называемый *stiebas* по-литовски, *kolumny* по-польски, столбы или ворота по-русски. Внизу, подъ этими столбами, говоритъ гр. Тышкевичъ, находятся три русскія буквы, кои, по мнѣнію Нарбутта, означаютъ: *квт*.

Буквы эти Нарбуттъ объясняетъ такимъ образомъ: *К. В. Г.*, т. е. Князь Великій Гедиминъ. Рисунокъ этой монеты приложенъ былъ къ статьѣ въ *Atheneum* и мы его здѣсь представляемъ (табл. VII. N 12). За тѣмъ въ 1853 г., въ V т. Записокъ Имп. Арх. Общ. г. Кёне воз-

(8) См. Bouteroué, *Recherches curieuses des monoyes*. Paris, 1666 г., стр. 48.

(9) Т. Т. I. 1849 г., 227. V. 1853 г., 110.

(10) Монета эта помѣщена въ *Zeitschrift für Münz-Siegel und Wappenkunde*, II, табл. XI, № 15.

11) Т. IV. 5.

вращается къ прежде упомянутой имъ монетѣ и подтверждаетъ прежде заявленное мнѣніе, что монета принадлежитъ Кейстуту. На ней, говоритъ г. Кёне, изображены колонны и подъ ними буквы *кпѣ* (К (i) П (stu) Т.

Тамъ же, въ текстѣ, изображена и самая монета, на которой столбы или колонны представлены не такъ, какъ обыкновенно изображается этотъ гербъ на монетахъ и печатяхъ, но вѣроятно по ошибкѣ, на оборотъ, такъ, что хотя г. Кёне и говоритъ, что буквы обозначены подъ столбами или колоннами, но на рисункѣ онѣ вышли сверху, надъ гербомъ. Полагая, что это ошибка, мы видимъ на этой монетѣ надпись (см. табл. VII. N 13) *кпѣ*, не совсѣмъ схожую съ буквами, изображенными на рисункѣ, приведенномъ выше при описаніи Тышкевича и Нарбутта; хотя во всякомъ случаѣ несомнѣнно говорится объ одномъ и томъ же. Мы видѣли снимокъ съ этой монеты въ Имп. Эрмитажѣ. Онъ совершенно вѣренъ съ предлагаемымъ здѣсь рисункомъ и, слѣдовательно, съ разъясненіемъ гр. Тышкевича и Нарбутта.

Такимъ образомъ остается разрѣшить вопросъ, которое изъ приведенныхъ мнѣній имѣетъ болѣе вѣроятія, т. е. отнести ли эту монету къ Гедимину, или же къ Кейстуту.

Изъ ряда князей литовскихъ Миндовгъ и Гедиминъ рѣзко выдвигаются впередъ. Они положили начало могуществу государства; послѣдній широко раздвинулъ его предѣлы. Онъ владѣлъ уже Кіевомъ и Луцкомъ; Ольгердъ на юго востокѣ владѣлъ уже всѣмъ пространствомъ отъ Днѣпра до Угры. Гедиминъ основалъ свою столицу въ Вильнѣ, въ которую стекались со всѣхъ сторонъ государства Русины; выписывалъ иноземцевъ изъ Риги и другихъ нѣмецкихъ государствъ, даровалъ имъ тѣ же права и преимущества, какими они пользовались на родинѣ⁽¹²⁾; покровительствовалъ торговлѣ и промышленности. При немъ русская письменность была уже всеобщою въ государствѣ, даже въ собственной Литвѣ. Въ Новгородѣ еще со временъ Рингольда мы видимъ уже русскихъ дьяковъ, писавшихъ по-русски грамоты. Поэтому ежели Гедиминъ чеканилъ монету, то разумѣется не иначе, какъ съ русскими буквами.

Что же касается до послѣдняго литовско-языческаго героя, храбраго князя Кейстута, то удѣлъ его былъ гораздо скромнѣе. Онъ владѣлъ Трокскимъ княжествомъ и Жмудью, всю жизнь воевалъ съ крестоносцами и нѣсколько разъ былъ у нихъ въ плѣну. На великокняжескомъ престолѣ онъ возсѣдалъ всего нѣсколько мѣсяцевъ (1381) и мученически умерщвленъ по приказанію Ягайлы, въ Кревѣ (1382).

(12) Съ того времени въ Вильнѣ существуетъ Нѣмецкая улица, гдѣ эти пришельцы были поселены.

Такъ понимая историческое значеніе князей той эпохи, мы скорѣе можемъ придти къ заключенію, что начало монетнаго дѣла въ Литвѣ легко бы можно отнести ко временамъ Миндовга, — что оно существовало при Гедиминѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію; — точно также ничего не было бы удивительнаго, еслибы и Кейстутъ чеканилъ для себя монеты. У рыцарей, съ которыми онъ безпрестанно то ссорился, то мирился, монетное дѣло было уже въ ходу; рыцари не разъ угождали князю, величали его королемъ, поэтому могли для него чеканить монеты и вырѣзывать печати. Все дѣло въ томъ, чтобы разяснить дѣйствительное значеніе буквъ подъ означенною монетою. Но, по нашему мнѣнію, ежели г. Кёне въ этой подписи видитъ латинскія буквы, и по своему желанію R или ѡ измѣняетъ въ D, — то гораздо правдоподобнѣе и логичнѣе видѣть здѣсь русскія буквы и въ этомъ R или ѡ предположить В, а тогда нельзя не согласиться съ гр. Ев. Тышкевичемъ и Нарбуттомъ.

Г. Кёне говоритъ не объ одной такой монетѣ, но о многихъ такихъ же или подобныхъ, находившихся у Рейхеля, и всѣ онѣ, по его мнѣнію, относятся къ Кейстуту. Впрочемъ такихъ или подобныхъ имъ монетъ извѣстно уже нѣсколько десятковъ.

Бантке—Стенжинскій въ своей нумизматикѣ говоритъ о брактеатѣ, на которомъ изображены столбы, подъ ними надпись KJST., т. е. по его мнѣнію Кейстутъ. Къ сожалѣнію, рисунокъ этой монеты не приложенъ.

Въ Ковнѣ, въ 1844 году, найдены были древнія литовскія монеты, доставшіяся полковнику Могучи. Изъ этого собранія гр. Тышкевичъ представилъ рисунки шести монетъ ⁽¹³⁾, которые мы передаемъ здѣсь. (См. табл. VII. №№ 14, 15, 16, 17, 18 и 19). Штемпель на нихъ почти совсѣмъ изглаженъ, но на каждой явственно видны, съ одной стороны, литовскій всадникъ, а съ другой—столбы или колонны. Монеты эти изъ чистаго серебра и каждая вѣсомъ 6 $\frac{1}{2}$ апт. гранъ. Въ срединѣ колоннъ замѣтны какіе-то знаки, но какіе именно, разобрать трудно. На всѣхъ монетахъ всадникъ обращенъ въ правую сторону, что дало поводъ гр. Тышкевичу отнести эти монеты ко временамъ Витовта, ибо на извѣстныхъ намъ печатяхъ другихъ князей всадникъ всегда обращенъ въ лѣвую сторону, за исключеніемъ печати князя Корибута, гдѣ всадникъ тоже обращенъ въ правую сторону (см. табл. VII. № 25); но судя по стилю, намъ кажется, что эти монеты слѣдовало бы отнести къ одному изъ предъидущихъ царствованій. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ эти монеты составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе и несо-

(13) Athenaeum 1845, IV. 16.

миѣнно литовскія, до временъ Ягайлы. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится шесть *рѣдкихъ монетъ, несомнѣнно относящихся къ концу XIV ст; на нихъ съ одной стороны всадникъ, обращенный въ лѣвую сторону, а на другой колонны. Я видѣлъ тамъ же, въ собраніи академика А. А. Куника, нѣсколько монетъ съ изображеніемъ колоннъ и надписями, почти совсѣмъ изглаженными; монеты эти по стилю надобно отнести къ XIV ст., и онѣ неслѣдуетъ считать литовскія. Почтенный археологъ нашъ вѣроятно сообщитъ свѣдѣнія болѣе подробныя объ этихъ рѣдкихъ монетахъ.

Къ этому же разряду надобно еще отнести слѣдующія монеты:

Въ 1843 г. докторъ Вольфгангъ нашелъ въ могилѣ, вблизи Друскеникъ (въ Гродненской губ.), серебряную монету, на которой (см. табл. VII. №20), на лицевой сторонѣ явственное изображеніе столбовъ, —оборотная же сторона совершенно изглажена; —замѣтенъ только крестъ, въ родѣ патріаршаго, хотя его можно принять и за мечъ, или за листокъ какого нибудь растенія. Нижняя перекладина протянута въ правую сторону, гдѣ, судя по очертанію, можно предположить изображеніе человѣка, быть можетъ держащаго этотъ предметъ. Монета эта до сихъ поръ окончательно не разъяснена.

Въ маѣ 1852 г. въ имѣніи Вака, помѣщика Ленскаго, въ 8 верстахъ отъ г. Вильно, при рытіи ямы для посадки дерева, найденъ сундукъ, въ которомъ хранились разныя серебряныя вещи и деньги. Изъ вещей большая часть пропала; успѣли сохранить два браслета, перстень, двѣ серьги и часть запонки. Всѣ вещи изъ чистаго серебра. Въ числѣ монетъ оказалось 18 богемскихъ, XIII ст., временъ короля Вацлава, и 32 древнія литовскія, всѣ серебряныя.

Послѣднія монеты несомнѣнно литовскія; по стилю и изображеніямъ ихъ можно отнести къ первой половинѣ XIV ст., къ эпохѣ независимой языческой Литвы, т. е. ко временамъ Гедимина. На лицевой сторонѣ этихъ монетъ изображены столбы или колонны, а на оборотной сѣкира, въ которую водруженъ небольшой крестикъ, или, что еще вѣроятнѣе, растеніе *triphodium*, о которомъ часто упоминается въ литовской мифологіи (см. табл. VII. № 21). Четыре изъ нихъ гр. Тышкевичъ сообщилъ въ Имп. Археол. Общество. По этому случаю г. Кёне высказалъ свое мнѣніе, впрочемъ совершенно согласное съ вышеприведеннымъ нами.

Къ этой эпохѣ г. Кёне относитъ также три монеты, изъ коихъ одна хранится у него, а двѣ, почти такія же, были у г. Рейхеля.

Г. Рейхель на упоминаемой монетѣ, которой рисунокъ и мы здѣсь приводимъ (см. табл. VII. № 22), прочелъ на лицевой сторонѣ подпись: печать. Слово это поставлено въ кружокъ, крупными, немного перепу-

танными буквами. На другомъ экземпляръ буквы подписи соединены иначе ⁽¹⁴⁾. На оборотной же сторонѣ г. Рейхелю *показалось необъяснимое изображеніе, почти похожее на алебарду. Это такая же сѣкира съ крестикомъ или растеніемъ, какъ и на вакскихъ монетахъ, только здѣсь сѣкира представлена стоящею остриемъ внизъ, тогда какъ на вакскихъ монетахъ она лежитъ по срединѣ. И здѣсь и тамъ крестикъ, или *tripodium*, вооруженъ съ лѣвой стороны рукоятки сѣкиры, хотя на послѣднихъ монетахъ, т. е. съ надписью печат, вмѣсто сѣкиры въ этомъ изображеніи можно признать и широкій, обоюдоострый мечъ. Г. Рейхель, неумѣя опредѣлить значеніе этой монеты, присовокупилъ, что она вѣроятно не русская, однако славянскаго же происхожденія. Но г. Кёне, найдя на вакскихъ монетахъ такія же сѣкиры, съ неполнѣмъ разгаданнымъ изображеніемъ, т. е. крестикомъ или растеніемъ, весьма справедливо заключилъ, что это монета литовская и принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ. Что касается до надписи печат, то г. Кёне замѣчаетъ, что это слово собственно только начало подписи и относится къ изображенію герба, по которому вѣроятно легко было предугадать, что на другой сторонѣ изображена сѣкира (?).

Г. Кёне, въ помянутой выше нами статьѣ, приводитъ снимокъ съ печати князя Кейстута, на которой въ полѣ, украшенномъ крестиками, похожими на лиліи, представленъ князь въ остроконечномъ шлемѣ, въ латахъ; въ правой рукѣ онъ держитъ короткій мечъ, а лѣвою опирается на щитъ. Вокругъ печати слѣдующая, какъ мы ее читаемъ, ⁽¹⁵⁾ надпись (см. табл. VII № 23). SKVDSTVT TQUIX * OѢ TR—).

(14) Поэтому и на нашей таблицѣ лицевая сторона этой монеты представлена въ двухъ видахъ, какъ ее изобразилъ Рейхель на табл. VIII, № 101. (Т. I, 77. Зап.)

(15) Г. Кёне нѣсколько иначе читаетъ эту надпись, но нѣтъ сомнѣнія, что это трокская печать. Извѣстна совершенно въ такомъ же родѣ печать Витовта, на которой надпись: S. Ducis Vitovte.—Печать, о которой упоминаетъ г. Кёне (Зап. Арх. Общ. т. V пер. зас. 110), съ изображеніемъ андреевскаго креста, украшеннаго стрѣло-образными концами и загадочною надписью печать Ивонунтова, которую въ 1380 употреблялъ Ягайло, принадлежала не какому нибудь Ивонунту, и великій князь пользовался ею не по какой нибудь неизвѣстной причинѣ, какъ говоритъ г. Кёне, но вѣроятно Евнутію, младшему сыну Гедимина, которому отецъ въ 1339 г. завѣщалъ великокняжескій престолъ, но котораго Ольгердъ вскорѣ послѣ того, при содѣйствіи Кейстута, свергнулъ съ престола и далъ ему въ удѣлъ Ізяславль. Допуская такое предположеніе, легко понять, почему Ягайло употреблялъ эту печать: она принадлежала къ велико-княжескимъ. Чацкій говоритъ (o litew. i pols. prawach, т. I стр. 65, прим. 262), что на печати, приложенной къ трактату, заключенному въ 1366 Ольгердомъ съ Казимиромъ В. надпись была русская. Въ этой же статьѣ г. Кёне замѣчается нѣсколько крупныхъ ошибокъ. Гедиминъ умеръ не въ 1325 г., но въ 1339. Гедиминъ хотя дѣйствительно далеко расширилъ свои предѣлы на юго-западъ Россіи, но владѣнія его вовсе не простирались до Крыма. Только при Витовтѣ литовскія владѣнія простирались до Чернаго моря.

Наконецъ г. Кёне, находя поразительное сходство герба столбы или колонны съ генуэзскими воротами, полагаетъ, что гербъ этотъ произошелъ отъ штемпеля уважаемыхъ въ Литвѣ монетъ генуэзской Кафы. Этого мало; г. Кёне такъ полюбилъ трокскаго удѣльнаго князя Кейстута, что говоря о другой его печати, гдѣ онъ представленъ на конѣ, въ полѣ, украшенномъ крестиками, похожими на лиліи, въ остроконечномъ шлемѣ, въ латахъ, въ правой рукѣ держащимъ короткий мечъ, а лѣвой опирающимся на щитъ, говорить, что это изображеніе князя на конѣ „когда забыли его происхожденіе (?)“ перешло незамѣтно въ гербъ, а именно въ изображеніе сохранившагося до позднѣйшаго времени всадника (rogon), который представлялся серебрянымъ въ красномъ полѣ.

Все это можетъ быть очень остроумно, но рѣшительно не выдерживаетъ строгой критики, совершенно несогласно съ сказаніями извѣстнѣйшихъ лѣтописцевъ и болѣе глубокимъ изученіемъ исторіи. Повторяемъ, мы охотно вѣримъ, что еще при Гедиминѣ могли чеканиться въ самой Литвѣ монеты, съ его гербомъ, съ русскими буквами; наконецъ мы можемъ допустить, что какъ выше указанныя нами монеты, на которыхъ изображены столбы, всадникъ, сѣкиры, такъ равно, можетъ быть еще прежде, мифологическія изображенія Перуна чеканились для литовскихъ князей у рыцарей, или гдѣ либо за границею, но не видимъ положительныхъ основаній приписывать ихъ одному Кейстуту. Еще менѣе исторической истины въ догадкахъ г. Кёне насчетъ происхожденія литовскихъ гербовъ.

Дѣйствительное время введенія въ Литвѣ государственнаго герба съ точностью неизвѣстно. По всей вѣроятности, когда литовскіе кунигасы пріобрѣли власть надъ полчищами Литовцевъ, когда боевыя и торговыя связи Литовцевъ значительно расширились и кунигасы начали заимствовать отъ сосѣдей все болѣе необходимое для образованія прочной гражданственности, тогда начали вводиться и гербы, какъ знаки княжескаго достоинства. Гербы эти могли быть произвольные и различные.

Всадникъ съ мечемъ и щитомъ былъ употребляемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ еще въ глубокой древности. Котисъ, царь босфорскій, современникъ Филиппа, отца Александра В., употреблялъ подобный гербъ ⁽¹⁶⁾. Во многихъ русскихъ княжествахъ, какъ извѣстно, на гербѣ изображается всадникъ съ мечемъ, которымъ разитъ дракона. Алек-

(16) Castelnau, Hist. de la nouvelle Russie. Paris 1820—таб. I къ стр. 208 б X.

сандръ Кориатовичъ, князь подольскій и владимирскій (1375), а также князь Корибутъ (1385) употребляли такой же гербъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ же гербъ принятъ былъ и въ собственной Литвѣ, съ нѣкоторыми для отличія измѣненіями, какъ это было и въ самой Руси. Одни изъ лѣтописцевъ приписываютъ введеніе этого герба Миндовгу (1240—1263); другіе, какъ Кояловичъ, Гермунду (1270—1275); Окольскій, Ляурусу, сыну Тройдена, въ концѣ XIII ст. — Новѣйшія критическія изслѣдованія относятъ принятіе всадника ⁽¹⁷⁾ за гербъ всего государства къ вел. князю Наримунду въ 1288 г. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что гербъ этотъ введенъ гораздо ранѣе Кейстута. На первоначальныхъ знаменахъ и печатяхъ вооруженный всадникъ изображался на бѣломъ конѣ, съ обнаженнымъ мечемъ, поднятымъ надъ головою, со щитомъ на лѣвомъ плечѣ. На нѣкоторыхъ печатяхъ и знаменахъ, даже во времена Ягайлы, былъ изображаемъ и драконъ, а вмѣсто меча у всадника видимъ копье.

Трокскій князь Кейстутъ употреблялъ за гербъ тоже всадника, но обращеннаго къ лѣвой сторонѣ щита. Такой же гербъ долгое время употреблялъ и сынъ его Витовтъ ⁽¹⁸⁾.

Ягайло и Витовтъ, послѣ перехода въ римско-католическую вѣру, прибавили на щитѣ патріаршій крестъ, какъ полагаютъ, въ память того, что папа наименовалъ ихъ своими намѣстниками. До того времени, на щитѣ былъ изображаемъ фамильный гербъ — столбы.

Медвѣдь былъ издревле гербомъ Жмуди или Самогитіи.

Фамильнымъ гербомъ князей литовскихъ въ родѣ Гедимина, а можетъ быть еще и ранѣе, со временъ Витена, были столбы (*stiebas, kolumny*) дѣйствительно вродѣ извѣстныхъ генуэзскихъ воротъ. На печатяхъ нѣкоторыхъ князей видимъ нѣсколько гербовъ. На печати Витовта 1404 г. четыре герба: государственный гербъ — литовскій всадникъ; волынский — крестъ; самогитскій — медвѣдь и изображеніе рыцаря съ копьемъ и тяжелымъ щитомъ. Въ знаменитомъ сраженіи подъ Грунвальденомъ, въ 1410 г., было 40 литовскихъ знаменъ. Изъ нихъ на тридцати гербы были одинаковые, съ тою только разницею, что пред-

(17) По-литовски — *Wojkimas*, отъ слова *weikit* — гнать, скоро ѣхать.

(18) Г. Кёне, описывая любопытныя печати Кейстута и Витова, приложилъ и снимки съ нихъ (табл. XIV, т. I, Зап. Арх. Общ. 1845 г.) Мы помѣщаемъ здѣсь гораздо ранѣе отысканную и еще въ 1837 г. опубликованную (см. *romni. hist. i liter. Mich. Wiśniowski* т. IV, 92) печать Витовта, весьма похожую на приведенную г. Кёне, а также рѣдкія печати Корибута и Лингвейна. Эти три печати были приложены къ грамотѣ, данной въ 1385 г. въ Кривѣ посламъ королевы венгерской и польской Елисаветы. Подлинникъ хранится въ Краковѣ, въ архивѣ тамошняго капитула (см. табл. VII №№ 24, 25 и 26).

ставленный въ красномъ полѣ всадникъ сидѣлъ на однихъ—на бѣломъ, на другихъ на гнѣдомъ конѣ и т. д. На остальныхъ же десяти изображался фамильный гербъ Ягайлы и Витовта, т. е. столбы.

На древнихъ печатяхъ Ягайлы и даже сына его Владислава Варненскаго видимъ еще, по примѣру русскихъ печатей, дракона. Мы представляемъ здѣсь литовскаго всадника изъ разныхъ эпохъ, какъ онъ былъ изображаемъ на печатяхъ, именно: Ягайлы 1388 г. (№№ 27 и 28); Витовта 1385 и 1404 (№№ 24 и 29); Владислава Варненскаго, короля польскаго и венгерскаго—1438 (№ 30); Казимира Ягеллона 1454 (№ 31), и послѣдняго изъ рода Гедимина, Сигизмунда Августа 1539 г. (№ 32). Послѣ него никакихъ особенныхъ измѣненій въ изображеніи всадника уже не было.

Древній гербъ, всадникъ, остался неприкосновеннымъ и до сего времени. Онъ Высочайше утвержденъ для Виленской губерніи 9 іюня 1845 г. ⁽¹⁹⁾ по слѣдующему описанію: «щитъ представляетъ въ красномъ полѣ всадника въ латахъ, скачущаго на бѣломъ конѣ въ правую сторону; въ правой рукѣ всадника поднятая къ верху сабля, а лѣвая держитъ серебряный щитъ, на которомъ изображенъ золотой осьми-конечный крестъ». ⁽²⁰⁾

II.

Кажется, послѣ приведенныхъ нами данныхъ, могло бы окончательно установиться мнѣніе, что начало монетнаго дѣла въ Литвѣ слѣдуетъ считать не со временъ Ягайлы, но Гедимина, княжившаго съ 1315—1339 г.

Не подлежитъ также малѣйшему сомнѣнію, что Литовцы, по примѣру Кіева и другихъ русскихъ княжествъ, съ давнихъ временъ употребляли такъ называемые серебряные рубли, т. е. рубили серебро въ опредѣленномъ вѣсѣ и размѣрѣ, отъ чего и произошло названіе рублей. Рубли были въ общемъ употребленіи очень долго, даже и послѣ того, какъ введена была постоянная чеканка монеты. Это доказывается старинными документами, о которыхъ мы упомянемъ ниже. Въ послѣднемъ столѣтіи извѣстныхъ находокъ рублей было здѣсь очень немного, но неизвѣстныхъ вѣроятно было много. Старинные рубли обыкновенно изъ отличнаго серебра, и потому Евреи всегда охотно ихъ приобрѣтаютъ

(19) Пол. соб. св. зак. № 19,284. 1845 года.

(20) Смотри о гербахъ: Кояловичъ, I. р. 157; Длугошъ, XI, 240; Гваньини, XIV; Несѣдкій I, 550; Окольскій II, р. 649; Вишневекій, *Pomniki hist. i liter. pols.* IV, 94, Нарбуттъ I, 229 и 404, IV, 287; Дзялынскій *Zbiór praw lit.* (собраніе древнихъ печатей).

у находчиковъ, дѣлая потомъ какое угодно употребленіе, только конечно не для ученыхъ цѣлей.

Въ послѣдніе годы минувшаго столѣтія найдено нѣсколько такихъ рублей въблизи Вилкомира, въ имѣніи гр. Косаковскихъ, Войткушки. Они оказались, какъ увѣряетъ Чацкій, $15\frac{1}{2}$ пробы; на нѣкоторыхъ изъ нихъ вырѣзанъ былъ государственный гербъ, т. е. всадникъ, а на другихъ фамиліи лицъ, кои рубили эти рубли; ибо лицо, выпускавшее въ обращеніе такого рода монету, отвѣтствовало за ея неподдѣльность и правильность въ отношеніи узаконеннаго вѣса. Недавно въ Ковенской губерніи, въ имѣніи Вѣленѣ, найдены были подобные же рубли. На нихъ мы находимъ только какіе-то знаки; гербовъ или фамилій нѣтъ вовсе. Представляемъ здѣсь рисунокъ этихъ рублей (см. табл. VIII. № 33). По-литовски рубли называются Runtaus или Karas.

Мы сказали, что старинные документы доказываютъ древность рублей въ Литвѣ. Такъ напр. въ грамотѣ, данной Ягайлою Александру, господарю молдавскому, между прочимъ сказано: «Ажешмы одну тысячу рублевъ фрягзкаго серебра пріятелю нашему Александру Воеводи и Господару земли Молдавской, что были намъ предковъ его пожичили, и мы шлюбуемъ при нашей вѣрѣ заплатыты. Тыхъ, одну тысячу рублевъ фрягзкаго серебра, а поки ихъ не будетъ, а мы литовское рубле дамы, покли небудетъ того серебра, а мы заплатимъ грошмы, по чемъ фрягзкое серебро идетъ». — Изъ другой грамоты Ягайлы, данной Витовту въ 1417 г., видимъ, что онъ чрезъ посредство Николая Чебульки занялъ 500 литовскихъ рублей чистаго серебра и обязался уплатить 1,000 пражскихъ грошей.

Изъ этихъ грамотъ мы видимъ, что при Ягайлѣ были уже постоянные собственные гроши. Въ новгородской лѣтописи, подъ годомъ 1414, сказано: «Начаша Новгородцы торговати бѣлками, лобцы и гроши литовскими и артуги нѣмецкими, а куны одложиша». Въ 1431 г. было отдано въ залогъ староство Стоклишки (въ Троцкомъ уѣз., Вил. губ.) за сто рублей, изъ коихъ въ каждомъ считалось сто литовскихъ грошей.

По изысканіямъ Чацкаго, въ литовскомъ рублѣ въ 1413 г. заключалось 96 грошей; далѣе же, съ 1413 по 1650 г., постоянно считалось 100 грошей; но вѣсъ былъ не одинаковъ. Такъ въ 1413 г. — 6, 915, гранъ; въ 1417 — 6,779; въ 1419 — 6,402; въ 1444 — 5,238; въ 1470 — 4,802; въ 1476 — 4,116; въ 1487 — 3,841; въ 1496 — 3,601; въ 1505 — 3,201; въ 1511 — 3,032; въ 1523 — 2,881; въ 1526 — 2,561; въ 1528 — 2,305; въ 1545 — 2,259; въ 1564 — 2,216; въ 1574 — 2,174; въ 1578 — 2,134; въ 1581 — 2,058; въ 1598 — 1,987; въ 1611 — 1,646; въ 1616 — 1,542; въ 1620 — 960; въ 1626 — 879; въ 1628 — 720; въ 1635 —

702; въ 1640—698 и въ 1648 — 640. Счетъ на рубли продолжался до 1648 г.

Были и золотые рубли, кои также имѣли опредѣленный вѣсъ и стоимость. Каждому дозволялось выпускать ихъ въ обращеніе, съ условіемъ только, какъ уже мы сказали, обозначать свою фамилію и отвѣтствовать за исправность въ отношеніи опредѣленныхъ вѣса и достоинства металла.

Но кромѣ рублей, доступныхъ только болѣе зажиточнымъ людямъ, вѣроятно издавна были въ обращеніи извѣстные брактеаты. Съ ними Литовцы могли познакомиться въ отдаленныя времена. Мы знаемъ, что брактеаты еще въ VII ст. были въ употребленіи между Славянами, а путемъ торговли и во время воинскихъ набѣговъ проникали въ значительномъ числѣ и въ Литву.

Въ одно время съ брактеатами Литовцамъ знакомы были монеты греческія, римскія, арабскія, монгольскія, неоднократно, какъ уже мы упомянули, находимыя въ землѣ; были и куѣическія монеты. Французъ Жилибертъ, выписанный въ Литву извѣстнымъ литовскимъ подскарбіемъ временъ Станислава Августа, гр. Антономъ Тызенгаузенемъ, для преподаванія ветеринарной науки въ Гроднѣ, въ особо учрежденной тамъ школѣ, нашелъ въ 1782 г. въ фундаментахъ верхняго замка въ Вильнѣ куѣическую монету. Такая же монета найдена была мною на побоищѣ имѣнія Попорць, въ Троцкомъ уѣздѣ, гдѣ въ XIV ст. произошло кровопролитное сраженіе съ рыцарями. Вѣсомъ она 11 золотниковъ 37 долей. На ней, кромѣ перекрестныхъ линій, никакихъ изображеній почти не видно. Находимыя въ могильныхъ курганахъ и подземельяхъ вещи доказываютъ, что въ отдаленныя вѣка сюда проникали превосходной отдѣлки римскія произведенія, предметы, имѣющіе миѳологическое значеніе, изъ металловъ и слоновой кости, венеціанскій бисеръ, разныя женскія украшенія и т. п. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и куѣическія монеты были знакомы Литовцамъ.

Историческій разсвѣтъ монетнаго дѣла начинается въ Литвѣ со временъ Ягайлы, или лучше, Витовта, потому что, какъ извѣстно, Ягайло не принималъ почти никакого участія въ дѣлѣ правленія Литвою. Не смотря на это мы имѣемъ очень мало монетъ съ именемъ Витовта. Витовтъ былъ могущественнѣйшимъ государемъ того времени. Владѣя 38 лѣтъ (1392—1430) обширнымъ государствомъ, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, Витовтъ, конечно, много чеканилъ монеты. Казна его славилась богатствомъ. Онъ бралъ большія дани съ покоренныхъ родовъ и княжествъ. Такъ напр., мы знаемъ, что Новгородъ великій въ 1427 г. заплатилъ ему окупа 15,000 рублей; еще прежде Псковъ

заплатилъ 1,000 р. Торговля въ его время получила особенное развитіе. Каждое перемиріе съ орденомъ, договоры съ Новгородомъ, Псковомъ, Москвою, давали поводъ къ расширенію круга торговыхъ оборотовъ. Литовскія суда постоянно наполняли Вилію и Нѣманъ и сплавливали лѣсъ, хлѣбъ, ленъ, пеньку, янтарь. Съ Востокомъ производилась торговля чрезъ Θεодосію (Каффу), съ Венгріей чрезъ Польшу; чрезъ Ригу, Новгородъ и Псковъ со всѣми ганзейскими городами. На островѣ Тавани онъ учредилъ таможду, называвшуюся Витовтова баня; взималъ пошлину за ввозимые товары, и штрафы за тайный провозъ. Кіевъ былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, доставляемыхъ посредствомъ обмѣна и покупкою съ Востока, и потомъ развозимыхъ по всему государству. Главныя пристани были: Палангенъ на Балтійскомъ морѣ, Хаджибай или Качибай (Одесса) на Черномъ. Крѣпости: Кременчугъ, Упскъ, Гербедеевъ-Рогъ, Мисуринъ, Бендеръ, Дашовъ, Кочкосъ - Боргунъ, Шагиня обезпечивали торговлю извнѣ. Для расширенія промышленной дѣятельности внутри государства, онъ проводилъ военныя дороги, сокращая пути и споспѣшествуя сбыту; строилъ мосты, учреждалъ переправы, расчищалъ непроходимые до-толѣ лѣса и прокладывалъ чрезъ нихъ пути. Знаменитая Грунвальденская битва (1410) доставила Витовту огромныя сокровища. Еще прежде (1397) онъ взялъ богатую добычу съ татаръ; тогда же переселилъ въ Литву цѣлый татарскій улусъ, вмѣстѣ съ 400 семействъ Караимовъ. Понятно послѣ этого, что такія гигантскія предпріятія, такая кипучая дѣятельность всей жизни требовали большихъ средствъ; и эти средства были. Однажды, при посѣщеніи Ягайлой Вильны (1415), онъ подарилъ ему 20,000 копъ пражскихъ грошей ²¹⁾. Извѣстны его пиршества, когда къ нему пріѣзжали въ гости (1429), въ Луцкѣ, императоръ Сигизмундъ, внукъ Витовта великій князь Василій, король датскій Эрикъ, король Ягайло, великій магистръ Тевтонцевъ, много князей, бароновъ, графовъ, хановъ, пословъ отъ разныхъ дворовъ, гдѣ, въ продолженіи 7 недѣль, въ сутки съѣдали 700 быковъ, выпивали 700 бочекъ вина, — гдѣ, по словамъ лѣтописца, столы едва удерживали пудовые сосуды изъ чистаго серебра и золота. То же самое было чрезъ годъ въ Трокахъ. Слѣдовательно недостатка въ металлахъ не было, и для насъ, повторяемъ, непонятно, почему такъ мало сохранилось монетъ съ его именемъ въ то время, когда мы знаемъ, что често-

21) Со временъ Вацлава IV, съ 1393 г., гривна раздѣлялась на 80 пражскихъ грошей. Поэтому Чацкій говоритъ, что пражскій грошъ равняется золотому. По этому расчету выходитъ страшная сумма, именно 1,200,000 золотыхъ!

люблю Витовта не было предѣловъ. Въ 1399 г. онъ требовалъ, чтобы даже монгольскій ханъ Тимуръ-Кутлукъ на деньгахъ своихъ чеканилъ изображеніе Витовта и гербъ литовскій. Быть можетъ Витовтъ, всегда имѣя большія суммы русскихъ и иностранныхъ денегъ, не заботился о чеканкѣ собственной монеты, или же, быть можетъ, изъ особаго рода уступчивости предоставлялъ брату Ягайлѣ, не перестававшему именоваться верховнымъ властителемъ Литвы, класть свое имя на литовскихъ монетахъ.

При Ягайлѣ и Витовтѣ чеканились собственно для Литвы сперва полгроши и четверть гроши, а потомъ и гроши. Бандке описываетъ монету временъ Ягайлы; на ней на лиц. стор. изображенъ рыцарь, держащій въ правой рукѣ знамя, а въ лѣвой мечъ; три точки означаютъ достоинство монеты. На обор. стор. всадникъ. То же было при Свидригайлѣ и Сигизмундѣ (1430—1440). На монетахъ чеканили гербъ Литвы, т. е. всадника. Уже и тогда достоинство литовской монеты было лучше польской. Литовскій грошъ имѣлъ $\frac{1}{4}$ вѣсу болѣе чѣмъ тотъ же грошъ Ягайлы, чеканенный для Польши, и относился къ нему какъ 4: 5. Въ то же время современные лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что въ кладовыхъ богатыхъ людей хранились еще преимущественно рубли. Въ 1387—1440 г. въ каждомъ грошѣ заключалось 51 гранъ серебра, и онъ соотвѣтствовалъ въ Литвѣ почти 20 коп. сер. на наши деньги ⁽²²⁾. Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить рисунка литовскихъ монетъ временъ Свидригайлы, Сигизмунда и даже Казимира. Но достоверно только то, что до 1499 г. на литовскихъ монетахъ не былъ чеканенъ польскій гербъ. Извѣстно также, что во время Казимира нѣкоторое время чеканили въ Новгородѣ в. монету съ именемъ Казимира. Монеты эти чрезвычайная рѣдкость. Польскаго орла мы встрѣчаемъ въ первый разъ на монетахъ Александра и Сигизмунда стараго; на одной сторонѣ изображался всадникъ, а на другой орелъ. Соединенные же всадникъ съ орломъ являются только послѣ Люблинской уніи, 1569 г.; но на чеканенныхъ въ Краковѣ соединяли и прежде, со временъ Сигизмунда I.

Постоянный монетный дворъ въ Вильнѣ основанъ былъ или въ концѣ царствованія Казимира Ягеллона (+1492), или же въ началѣ царствованія Александра. На немъ чеканили золотыя и серебряныя монеты, подъ управленіемъ извѣстнаго князя Михаила Глинскаго, а

(22) Потомъ грошъ понизился въ достоинствѣ. Въ 1505 году въ немъ заключалось уже только 28 гранъ серебра; въ 1601—13; въ 1662—5; въ 1676—2; въ 1766— $\frac{1}{2}$; въ 1786—только 1 гранъ и соотвѣтствовалъ $\frac{1}{2}$ коп. сер. на наши деньги.

В-325

также Ульриха Гозиуса. Уцѣлѣла квитанція, данная въ 1506 г. великимъ княземъ Александромъ Гозиусу, въ представленіи отчета за четырехлѣтнее управленіе монетнымъ дворомъ ⁽²³⁾. Изъ этого документа видно, что въ теченіе четырехъ лѣтъ монетнымъ дворомъ получено было матеріала изъ чистаго серебра 24,600 гривенъ. Расходъ составлялъ 5,604 литов. копы. Чистый барышъ правительства простирался до 61,920 тогдашнихъ злотыхъ, или флориновъ (считая въ каждомъ 22 гроша).

По общему обычаю деньги въ Литвѣ считались на копы; литовская копа состояла не изъ 60, но 75 грошей. Самые гроши были одиночные, двойные, тройные и т. д.; отъ чего ихъ и называли двойникъ, тройникъ, четвертакъ, шестерикъ.

Въ царствованіе Александра, Петръ изъ Курозвенка ⁽²⁴⁾ получилъ привиллегію чеканить польскую монету въ Гроднѣ. Это ему дало возможность пріобрѣтать древніе литовскіе золотые и серебряные Перуны; золото онъ продавалъ въ Голландію, а серебро перетапливалъ и пускалъ въ обращеніе поддѣльную польскую монету, а также во множествѣ поддѣльные Перуны; въ этомъ онъ былъ уличенъ и приговоренъ къ смерти, отъ которой успѣлъ спастись бѣгствомъ. Въ народѣ надолго сохранилась память о Перунѣ, какъ его прозвали, изъ Курозвенка.

При Александрѣ, въ 1505 г., въ Вильнѣ, начали чеканить золотые флорины или дукаты. Въ Германіи еще въ 1484 г. появились талеры или серебряные флорины. Эти послѣдніе начали чеканить и въ Вильнѣ при Сигизмундѣ старомъ. Въ такомъ флоринѣ заключалось 30 грошей, и потому на нихъ клали число 30, но съ уменьшеніемъ достоинства гроша уменьшалась и истинная цѣнность флорина. Флоринъ долженъ былъ заключать въ себѣ $614 \frac{2}{3}$ грана чистаго серебра. Отъ флориновъ произошло названіе злотыхъ (злотувекъ), до сихъ поръ сохранившееся въ Польшѣ, а отчасти и теперь въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. И теперь въ злотувкѣ считается (15 коп.) 30 грошей.

(23) Литов. метрика. Т. VII § 125. Монетный дворъ помѣщался на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ Еврею Кинкулькину. Домъ этотъ купленъ въ 1545 г. за 500 копъ литовскихъ грошей. Изъ числа главныхъ рабочихъ на монетномъ дворѣ извѣстны Энохъ Ольфиреръ, а потомъ Юрій Бэмъ. Изъ числа управляющихъ извѣстенъ Юстъ Лудвигъ Деціусъ.

(24) Нарбуттъ говоритъ, что отецъ Петра Иванъ изъ Курозвенка, былъ управляющимъ литовскимъ монетнымъ дворомъ, вѣроятно передъ Гозиусомъ. Изъ другихъ источниковъ этотъ фактъ неизвѣстенъ. См. Т. I. 202.

Въ это же время начали чеканить денаріи. Въ грошѣ въ разное время считалось 12, 14 и 18 денаріевъ. 12 денаріевъ составляли солиди (sol, или sou) или шилингъ. Денаріи чеканили только до временъ Сигизмунда Августа.

При Сигизмундѣ старомъ, въ 1507 г., въ первый разъ начали обозначать годъ. На его полталерахъ 1529 и Сигизмунда Августа 1546 г. клали надпись: „Deus in virtute tua letabitur, rex“, т. е. „Господь возрадуется въ твоихъ добродѣтеляхъ, царь!“ (См. табл. IX. N 51).

Когда литовско-русскіе чины, постоянно стремясь къ независимости и поддерживая только федеративное отношеніе къ Польшѣ, выпросили себѣ у Сигизмунда стараго въ правители сына его, Сигизмунда Августа, король велѣлъ чеканить талеры съ изображеніемъ своимъ и своего сына (См. табл. VIII. № 41). Вскорѣ однако появилась монета съ однимъ только изображеніемъ и именемъ Сигизм. Августа. (См. табл. VIII. № 46). Постоянныя распри и неудовольствія между Поляками и Литовцами ясно отражаются и въ монетномъ дѣлѣ. Литовскія монеты, какъ золотыя, такъ и серебряныя, были лучше польскихъ и, какъ мы уже сказали, имѣли $\frac{1}{4}$ вѣсу больше чѣмъ польскія. Къ тому же здѣсь монетное дѣло ведено было честно, тогда какъ въ Польшѣ постоянно являлись такія личности, какъ Перунъ изъ Курозвенка, кои мошенничали, разоряли бѣдный народъ и много вредили самому правительству. Самолюбіе Поляковъ страдало отъ этого; для нихъ было нестерпимо видѣть, какъ золототорговцы и вообще промышленное сословіе съ жадностью бросались на литовскія деньги и платили за нихъ выше нарицательной стоимости... Поляки находили поддержку въ корыстолюбивой Бонѣ и, при ея содѣйствіи, упросили Сигизмунда стараго запретить Литовцамъ чеканить монету высшаго противу польской достоинства. Сигизмундъ Августъ не могъ не послушаться отца; но онъ употребилъ хитрость и велѣлъ чеканить двойную монету: одну для собственнаго употребленія въ Литвѣ и Руси и для торговыхъ оборотовъ за границей, а другую, имѣвшую обращеніе только въ Польшѣ (чрезъ особыя камеры, учрежденныя въ Луцкѣ, Брестѣ и Ковнѣ), такъ что грошъ перваго разряда заключалъ въ себѣ десять денаріевъ, а втораго только восемь. (См. табл. VIII. №№ 48 и 50). Конечно, это еще болѣе возбудило неудовольствіе въ Полякахъ. Слава литовской монеты не только не пострадала отъ этого, но еще увеличилась. Краковскіе купцы 22 литовскихъ гроша охотно принимали за злотый, въ которомъ должно было заключаться 30 грошей. Даже крестоносцы принимали 24 гроша за злотый; такъ что по прежнему литовская монета заключала $\frac{1}{4}$ вѣсу больше не только польской, но даже и собственной

литовской, предназначавшейся для обращенія въ Польшѣ, и которая имѣла только $\frac{4}{5}$ достоинства настоящей литовской монеты. Не смотря на всѣ просьбы и старанія Поляковъ, Литовцы рѣшительно не соглашались имѣть общую съ ними монету, отвергая германскую монетную систему, принятую въ основаніе Поляками. Взаимныя неудовольствія еще увеличились, когда умеръ Сигизмундъ старый. Сигизмундъ Августъ тотчасъ совершенно разъединилъ монетное дѣло. Литовская монета чеканилась въ Вильнѣ съ однимъ литовскимъ гербомъ и вензеловымъ изображеніемъ имени Сигизмунда Августа. Монетный дворъ въ Вильнѣ былъ значительно усиленъ. Здѣсь, кромѣ золотой монеты, чеканили шилинги, гроши, тройники, четвертаки, шестерики и т. д. (См. таб. VIII. NN 49, 52, 53, 54, 55).

Въ 1565 г. въ Вильнѣ отчеканенъ былъ тройникъ (три гроша), на которомъ, въ насмѣшку надъ Поляками, сдѣлана была надпись: „qui habitat in coelis irridebit eos.“ (псаломъ 11, 4) т. е: „но тотъ, который живетъ на небесахъ, смѣется надъ ними.“ (См. табл. IX. № 67). Понятно, какое ожесточеніе произвела эта выходка въ Полякахъ⁽²⁵⁾. Съ этою же надписью монета эта чеканилась нѣсколько разъ послѣ; не смотря на то, она составляетъ нынѣ большую рѣдкость. Какъ образецъ виленской золотой чеканки того времени, мы представляемъ прекрасный, такъ называемый, португалъ или 10 червонныхъ злотыхъ— 1562 г. (См. табл. IX. N 63). Наконецъ, на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., когда Литва лишилась своей самостоятельности и слилась съ Польшею, при общемъ договорѣ положено было, что существованіе отдѣльной литовской монеты допускаемо быть не можетъ; что какъ вѣсъ и достоинство, такъ величина, изображенія и надписи монеты, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ, должны быть совершенно одинаковыя.

Съ этого-то времени на монетахъ видимъ уже соединенные гербы Литвы и Польши, хотя нерѣдко чеканились и по прежнему съ однимъ только всадникомъ; достоинство монетъ упало.

Виленскій монетный дворъ существовалъ еще, но уже на новыхъ основаніяхъ; конституціею же 1667 г. предписано было совершенно его упразднить. Послѣднія извѣстныя чеканенныя въ Вильнѣ монеты относятся къ 1666 г.

(25) Чацкій старается извинить этотъ случай, говоря, что этотъ тройникъ сдѣланъ былъ въ видѣ медали, въ память одержанныхъ побѣдъ (?); но Лелевель высказывается откровеннѣе, доказывая, что это было сдѣлано въ насмѣшку надъ Поляками.

III.

1569 годомъ собственно и оканчивается нашъ очеркъ монетнаго дѣла въ ЛитвѢ. Но такъ какъ монетный дворъ въ ВильнѢ еще и послѣ этого существовалъ почти сто лѣтъ и для Литвы чеканились еще отдѣльные монеты: то мы считаемъ не излишнимъ указать здѣсь на болѣе примѣчательныя монеты послѣдующаго времени и объяснить дальнѣйшія судьбы монетнаго дѣла въ этомъ краѣ.

Нельзя пропустить молчаніемъ, что несмотря на измѣнившіяся обстоятельства и на коренное постановленіе Люблинской уніи (литовская монета не должна отличаться отъ польской) и послѣ уніи Литовцы еще сопротивлялись этому требованію и даже испросили у Сигизмунда Августа, такъ сказать, предсмертное повелѣніе, состоявшееся 18 марта 1572 г., коимъ король объявлялъ, что литовскіе гроши, какъ чеканенные въ его царствованіе, такъ и прежде, не должны терять дѣйствительной своей стоимости, и что поэтому слѣдуетъ считать за два литовскихъ гроша два съ половиною польскихъ гроша ⁽²⁶⁾. Такимъ образомъ возстановилось прежнее дѣленіе литовскаго гроша на десять денаріевъ ⁽²⁷⁾, тогда какъ польскій грошъ заключаетъ въ себѣ только восемь такихъ же денаріевъ.

Мы должны еще присовокупить, что древняя славянская гривна, извѣстная Славянамъ еще въ XII вѣкѣ, о которой, какъ о славянской, упоминается въ Магдебургскихъ законахъ ⁽²⁸⁾, и которая была въ постоянномъ употребленіи при счетѣ въ Польшѣ—въ Литвѣ не имѣла этого значенія. Здѣсь, по древнему обычаю, считали на копы, а въ копѣ, какъ мы уже упомянули, считалось не 60, но 75 грошей. Польская гривна состояла изъ 48 грошей. Послѣ уніи въ официальныхъ актахъ о гривнѣ иногда упоминается и въ Литвѣ; но она никогда не могла войти въ народный обычай, тогда какъ на копы считали не только деньги, но и рожь, фрукты, огородные овощи и т. п. Только общее введеніе въ употребленіе злотыхъ отчасти вытѣснило и копы. Копѣ, или 75 грошей, имѣла въ разное время не одинаковое значеніе; съ измѣненіемъ внутренняго достоинства гроша измѣнилось значеніе и копы. Такимъ образомъ, когда въ 1413 г. въ копѣ считалось 4,321 гранъ, и стоимость ея равнялась 75 злотымъ; въ 1526 г. было уже

(26) Коронная метрика, № 84, буквы I. I. I., стр. 325.

(27) Въ народѣ эту монету называли бѣлою, или pienegzki (пенязи).

(28) Marcha slavonica habet duodecim solidos, Wiehbild Magdeburgense art. 44 I: 3.

только 1728 гранъ и 30 злотыхъ; въ 1620 г.—576 гранъ и 10 злотыхъ; а въ 1786 г. 144 грана и только 2 злотыхъ 15 грошей, т. е. на наши деньги $37\frac{1}{2}$ коп. сер.

Точно также и внутреннее достоинство злотаго было непостоянное. Въ 1505 г. злотый заключалъ въ себѣ 15 нынѣшнихъ злотыхъ (считая по 15 к. с.); черезъ столѣтіе только 6 злотыхъ, 12 грошей, а въ 1786 г. 1 злотый, т. е. 30 мѣдныхъ грошей, или 15 нашихъ коп. сер.

Такимъ же измѣненіямъ подвергались и талеры. Такъ въ 1528 г. въ талерѣ считалось 10 злотыхъ 20 грошей, или вообще 30 тогдашнихъ грошей; въ 1563 г.—9 злот. 21 гр. или 31 грошъ; въ 1578 г.—10 злот. 11 гр., или 35 грошей; въ 1611—9 злот. 4 гр., или 40 грошей; въ 1616 г.—9 злот. 18 гр., или 45 гр.; въ 1640 г.—7 злот. 8 гр., или 75 грошей; въ 1662 г.—8 злот. 10 гр., или 90 гр.; въ 1676—тоже 8 злот. 10 гр.; но на гроши это уже составляло 180; въ 1717 г.—8 злотыхъ, или 240 гр.; и наконецъ въ 1766 г.—8 злот. 3 гр., или 243 гр.—Мы еще помнимъ старые талеры, бывшіе въ народномъ обращеніи; ихъ охотно принимали, особенно на Жмуди, въ 9 злотыхъ, т. е. 1 р. 35 к. с.

Послѣ смерти Сигизмунда Августа (9 Іюля 1572 г.), послѣдняго изъ рода Ягеллоновъ, въ бурное время междуцарствія, литовскіе чины потребовали утвержденія вышеприведеннаго нами предсмертнаго повелѣнія (универсала) Сигизмунда Августа, и достоинство литовской монеты на время было еще сохранено. Впрочемъ и въ послѣдствіи дѣйствительной соразмѣрности и однообразія въ курсѣ не было даже и съ уничтоженіемъ виленскаго монетнаго двора, въ 1667 г.; курсъ былъ различенъ, и сеймъ 1717 года вновь предписывалъ уравниеніе курсовъ литовско-польскаго.

21 февраля 1574 г. коронованъ Генрихъ Валуа; 18 іюня онъ бѣжалъ изъ Польши. При немъ монеты чеканены не были. 1 мая 1576 г. избранъ и коронованъ князь трансильванскій, Стефанъ Баторій. При немъ монетное дѣло получило сильное развитіе. Онъ, между прочимъ, чеканилъ талеры, по случаю одержанныхъ имъ побѣдъ.

Баторій честно смотрѣлъ на монетное дѣло. Въ 1579 какой-то Нѣмецъ Иванъ Реттигеръ подалъ проектъ уменьшенія достоинства монеты, отъ чего казна должна была получить большія выгоды; но Баторій отвергъ проектъ, сказавъ: „Понижая достоинство монеты, я не хочу унижить себя; пусть Нѣмецъ обратится къ тѣмъ, кои хотятъ обогатиться

слезами бѣдныхъ²⁶. Понятно, что Баторій намекаетъ здѣсь на императора германскаго.

Мѣстные законы опредѣляли суровую кару за поддѣлку монеты. Но въ Литвѣ общественное мнѣніе и то уваженіе, которое пріобрѣли литовскія деньги виленскаго чекана, служили еще бѣльшимъ огражденіемъ отъ покушенія на поддѣлку. По крайней мѣрѣ до 1580 года мы не знаемъ случая изобличенія поддѣлки мѣстной монеты, разумѣется кромѣ извѣстнаго поддѣльвателя польскихъ денегъ въ Гроднѣ—Курозвенка. При Стефанѣ Баторіѣ, въ 1580 г., случилось происшествіе, надѣлавшее тогда много шума.

Подъ конецъ жизни Сигизмунда Августа въ Литвѣ и вообще въ западной Руси образовалось много партій, заботившихся о преемникѣ послѣднему изъ рода Ягеллоновъ. Въ Литвѣ сильнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ по богатству, уму и необыкновенному вліянію на короля, былъ князь Николай Радзивиллъ, прозванный Чернымъ, двоюродный братъ Варвары, супруги Сигизмунда Августа, отравленной, какъ полагаютъ, матерью его, Боною Сфорчія. Кн. Радзивиллъ Черный распространилъ въ цѣлой Литвѣ реформатское ученіе, съ цѣлію разорвать узы съ Поляками, надѣясь послѣ смерти бездѣтнаго Сигизмунда Августа завладѣть престоломъ. Но онъ умеръ ранѣе короля, и только тогда могла состояться люблинская унія. Въ то же время образовалась сильная политическая партія православныхъ вельможъ и знатнѣйшаго дворянства. Послы изъ Литвы: Тышкевичъ, Ходкевичъ, Быковскій, Гарабурда прямо говорили въ Москвѣ о желаніи избрать Іоанна IV. Потомъ думали избрать сына его, царевича Ѳедора. Въ Москвѣ не сумѣли воспользоваться этимъ настроеніемъ, и на престолѣ явился Баторій. Это однако не прекратило переговоровъ и тайныхъ сношеній съ Іоанномъ IV. Однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является знаменитый вельможа Григорій Остикъ. Слуга его Миревскій сдѣлалъ доносъ. Баторій въ такихъ случаяхъ не шутилъ. Произвели обыскъ въ помѣстьѣ Остика, Коварскѣ, близъ г. Вильно, а также въ палатахъ его въ Вильнѣ⁽²⁶⁾. Найдена была тайная переписка и сверхъ того инструменты для поддѣлки монеты. Дѣло въ томъ, что у Остика былъ тайный агентъ для политическихъ сношеній, какой-то еврей, который, имѣя свободный входъ, какъ довѣренное лицо, вѣроятно воспользовался случаемъ и спряталъ въ его домѣ инструменты, а можетъ быть тамъ

(26) Нынѣ домъ Познанскихъ, на Нѣмецкой улицѣ. По преданію, въ память этого справедливаго рѣшенія Баторія, надъ воротами дома, въ нишѣ, поставлена статуя съ завязанными глазами, съ обнаженнымъ мечемъ въ одной и вѣсами въ другой рукѣ. Эмблема эта сохранилась и до сего времени.

же производилъ и самую поддѣлку. Довольно, что еврей былъ уличенъ и его казнили; но не освободили отъ обвиненія въ поддѣлкѣ и самого Остика, хотя конечно вина его имѣла чисто политическій характеръ. 18 іюня 1580 г., по приказанію Баторія, онъ былъ казненъ на виленскомъ рынкѣ. Поляки прославляли справедливость Баторія и провозгласили Остика поддѣльвателемъ монеты.

Стефанъ Баторій умеръ въ 1587 г. Преемникъ его, Сигизмундъ III, постоянно находился подъ вліяніемъ іезуитовъ; онъ раздѣлялъ убѣжденіе императора Фердинанда II, которому, какъ извѣстно, духовникъ его Ламермонъ успѣлъ внушить мысль, что уменьшеніе достоинства монеты благотвительно, ибо послужитъ ко вреду еретиковъ. Сигизмундъ III отдавалъ въ аренду монетные дворы въ Вильнѣ и въ другихъ городахъ, а арендаторы до того понизили достоинство монеты, что когда при Баторіѣ изъ одной марки чеканили 280 грошей, спустя 30 лѣтъ, при Сигизмундѣ III, чеканили уже 350, черезъ 10 лѣтъ въ 1611 уже 575, а въ 1630 до 800.

Генрихъ Валуа, послѣ бѣгства изъ Польши, на всѣхъ французскихъ монетахъ употреблялъ титулъ короля польскаго; Стефанъ Баторій на дукатахъ трансильванскихъ употреблялъ тотъ же титулъ; тоже и Сигизмундъ III на монетахъ шведскихъ; на польскихъ же и литовскихъ, какъ онъ, такъ равно и сыновья его, Владиславъ IV и Іоаннъ Казимиръ, клали титулъ короля шведскаго.

При Баторіѣ и Сигизмундѣ достоинство флорина значительно уменьшилось;—въ 1620 г. въ дукатѣ считали 4 флорина. Сигизмундъ III съ 1614 г. началъ чеканить монету, полторагроша (*rółtoraki, sesqui grossi*), на которой видимъ цифру 24, т. е. будтобы двадцать четвертая часть талера, тогда какъ въ послѣднемъ такихъ монетъ должно было заключаться 27, считая въ талерѣ 36 грошей; собственно монета эта заключала въ себѣ 3 полгроша, или полтора гроша, отъ чего на нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ возлѣ 24 клали еще цифру 3.

Извѣстенъ еще талеръ Сигизмунда III, на которомъ онъ велѣлъ вырѣзать надписи: *Vel sic enitar* (будутъ сіять одинаково), и вокругъ груднаго изображенія: *Wladis. Sigis. prin. polo. et suc. el. m. de Mosc.* (Владиславъ Сигизмундъ, князь польскій и шведскій, избранъ великимъ княземъ Московскимъ 1601).

Съ этого времени уже не встрѣчаются монеты съ аллегорическими надписями, исключая иногда прусскихъ, гдѣ были особые монетные дворы, какъ въ Данцигѣ, Торнѣ и др. Такъ въ 1632 г. во время кратковременнаго междуцарствія, послѣ смерти Сигизмунда III, въ Торнѣ

вычеканенъ былъ талеръ съ надписью: *Deus providebit* (Богъ распорядить).

При Владиславѣ IV (1633—1649) и Іоаннѣ Казимирѣ (1649—1674) денежный курсъ былъ еще хуже. Достоинство монеты постепенно понижалось. Въ прусскихъ провинціяхъ и въ Данцигѣ (Гданскѣ) роптали на это, а въ 1613 г., въ Маріенбургѣ, начали чеканить собственную монету хорошаго достоинства. Это взволновало Сигизмунда III, но заставило однако принять мѣры—хотя нѣсколько улучшить монету внутри государства.

Когда Шведы взяли Инфлянты, а въ 1624 г. Ригу, Густавъ Адольфъ, Христина и Карлъ Густавъ въ мѣстныхъ монетныхъ дворахъ чеканили собственную монету. Въ теченіе 30 лѣтъ пущено въ обращеніе 14,800,000, злотыхъ (флореновъ); кромѣ того множество мелкой монеты, чеканенной въ Эльбингѣ, далеко не достигавшей нарицательной стоимости. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на упадокъ финансовъ въ несчастное царствованіе Іоанна Казимира. Оскудѣвшіе и пріостановившіе свои дѣйствія монетные дворы въ 1649 г. начали опять дѣйствовать въ Вильнѣ, Быдгощи, Краковѣ и Познани. Дѣло уладилось: монета была лучше, но въ 1654 г. на сеймѣ такая добросовѣстность не понравилась, и съ тѣхъ поръ достоинство монеты опять стало хуже. Положеніе сдѣлалось еще ужаснѣе во время гибельныхъ войнъ. Настоящая монета была рѣдкостью, и недаромъ тогда образовалась пословица: миновало серебряное время, а настало мѣдное. Два иностранца, Титъ Ливій Боратини и Андрей Тюмпе (Tümpe) окончательно подорвали кредитъ государства. Первый назначенъ былъ главнымъ распорядителемъ монетнаго дѣла, и на сеймѣ 1658 г. обязался чеканить монету на собственный счетъ, съ тѣмъ, что за миллионъ, выпущенный въ обращеніе, половину такого же достоинства онъ предоставитъ въ пользу правительства. Онъ сдѣлалъ даже болѣе, ибо предоставлялъ болѣе половины, но въ то же время чеканилъ тайно, въ свою пользу, значительное количество самой низкопробной монеты. Дослѣдовано, что имъ выпущено въ обращеніе изъ утаенныхъ денегъ 832,000 злотыхъ, а сколько не дослѣдовано!

Подобная спекуляція очень понравилась многимъ: познанскій монетный дворъ, завѣдываемый Тюмпе, сдѣлалъ отъ себя предложеніе и обязался предоставить болѣе выгодъ. Заключено было новое условіе въ 1662 г., и въ теченіе трехъ лѣтъ выпущено монеты на 6,131,868 злотыхъ, а въ казну внесено 2,762,042 злотыхъ. Монеты эти преимущественно состояли изъ 6 грошей, а также въ 16 и 30 грошей. Въ дѣйствительности же вмѣсто 30 грошей въ такой монетѣ было не

болѣе 12 гр. Воровство было обнаружено, Тюмпе былъ арестованъ, но подкупилъ стражей и бѣжалъ, а имя его на долго сохранилось въ народной памяти, ибо отъ его имени чеканенные имъ монеты назывались тынфами.

Тюмпе на своихъ монетахъ клалъ знакъ XXX (т. е. 30 грошей), а на чеканенныхъ въ 1665 г. подпись: *Dat precium servata Salus, potiorque metallo est* (т. е. обезпеченное спасеніе придаетъ цѣну и болѣе вѣситъ нежели металлъ. (На всѣхъ этихъ монетахъ было вензелевое изображеніе именъ короля: J. C. R., изъ чего въ минуты общихъ бѣдствій составилъ каламбуръ. Значеніе этихъ буквъ объясняли слѣдующимъ образомъ: *Incipit Calamitas Regni, vel Reipublicae* (т. е. начинаются бѣдствія Рѣчи посполитой).

Въ 1666 г. прусскіе города воспретили распространеніе у себя польской монеты. Въ 1668 г. Іоаннъ Казимиръ отрекся отъ престола. При Михаилѣ Вишневецкомъ монетные дворы дѣйствовали болѣе успѣшно и монета стала лучше. Между тѣмъ монеты этого времени составляютъ большую рѣдкость. Съ 1671 г. польскіе монетные дворы почти совсѣмъ пріостановили свои дѣйствія.

При Іоаннѣ III Собѣсскомъ, въ 1676 г., открытъ вновь монетный дворъ, существовавшій до его кончины (1682). Чеканили дукаты, талеры и разнаго достоинства гроши. Данцигъ вычеканилъ талеръ въ честь Іоанна III съ надписью: *Numinis atque aquilae Gedanum munimine tutum* (т. е. Данцигъ, избѣжавшій опасности подъ охраною Бога и орла).

Послѣ смерти Собѣскаго опять пріостановилось монетное дѣло. Августъ II создалъ особую монету для Польши и Саксоніи. Ее чеканили съ 1697—1702 въ Саксоніи. Нашествіе Шведовъ остановило дѣйствія монетнаго двора; но въ 1705 г. Лудовикъ Поцѣй, приверженецъ саксонской партіи, началъ чеканить смѣшанную монету, преимущественно шестерики, т. е. 6 грошей, кои обозначились буквами L. R. (т. е. Лудовикъ Поцѣй); изъ этого образовался тоже каламбуръ, объяснявшій значеніе буквъ L. R. Людской плачъ.

Положеніе дѣлъ не улучшилось и во времена Августа III, который тоже чеканилъ монету въ Саксоніи и извлекалъ изъ этого личныя выгоды, что, разумѣется, давало поводъ и частнымъ лицамъ дѣлать разныя злоупотребленія.

Съ 1752—1756 г. дукаты чеканились въ Лейпцигѣ; оттуда же выходили талеры, тымфы (18 грошей), но грошей вовсе не чеканили. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ пущено въ оборотъ 5,483,514 талеровъ. Нѣмцы, зная какъ недостаточно мелкой монеты въ Литвѣ и

Польшѣ, чеканили ее, особенно гроши, изъ самого сквернаго металла и ненормальной стоимости, и все это во множествѣ распространяли въ несчастной странѣ. Лучшей монеты не было; поэтому понятно и низкопробная нѣмецкая монета повсемѣстно была принимаема.

Въ Курляндіи, въ прусскихъ городахъ, чеканили свою монету. Хаосъ былъ всеобщій. Несмотря на это, времена обоихъ Августовъ считаются самыми денежными. Земледѣліе повсюду процвѣтало. Торговля хотя и упала во внутреннихъ городахъ, за то ею славились прусскія провинціи. Особенно богата была Жмудь. Тамъ накаплились талеры нѣмецкіе, испанскіе, голландскіе, называемые на Жмуди муштыни. Жмудины почему-то особенно любили муштыни, наполняли ими цѣлые сундуки и передавали изъ рода въ родъ. На Жмуди и крестьяне были богаты. И теперь, хотя уже рѣдко, находятъ въ землѣ горшки, полные этихъ муштыней. Но вообще болѣе всего нынѣ въ землѣ находятъ зарытой самой низкопробной и негодной монеты, тымфовъ и денаріевъ, временъ Іоанна Казимира. Многимъ это кажется страннымъ: почему именно отыскивается болѣе всего денегъ изъ самой безденежной эпохи? Потому именно, что это было безденежное время, что жителямъ ежеминутно угрожали всякаго рода лишенія, по случаю продолжительной войны, междоусобій, грабежей,—поэтому-то именно у кого только былъ хотя небольшой запасъ, тотъ и спѣшилъ зарыть его въ землю. Многіе изъ владѣльцевъ этихъ зарытыхъ денегъ погибли, не открывъ никому тайны, и деньги ихъ пролежали въ землѣ до нашихъ дней.

Флеммингъ, подскарбій литовскій, въ 1753 и 1761 г. разсылалъ особые циркуляры, запрещающіе пускать въ обращеніе низкопробную монету; но это конечно не помогало. Изъ-за границы, путемъ торговыхъ оборотовъ, входило въ край много хорошей и дурной монеты; но хорошая, разумѣется, доставалась богатымъ и знатнымъ, а мелкая, низкопробная, исключительно низшимъ бѣднымъ классамъ и въ конецъ ихъ разоряла.

Во время семилѣтней войны (1756—1763) польское монетное дѣло пріостановилось въ Саксоніи, но Фридрихъ II, король прусскій, незамедлилъ воспользоваться тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ. Въ Лейпцигѣ и Бреславлѣ онъ подъ своимъ покровительствомъ основалъ значительные монетные дворы, въ которыхъ любимецъ его, еврей Ефроимъ, выдѣлывалъ въ большомъ количествѣ низкопробные тымфы, кои во множествѣ расходились по Литвѣ и Польшѣ. Дѣло дошло до того, что для поддержанія финансоваго кредита (въ 1762—1763) правительство принуждено было совершенно изъять изъ обращенія мелкую низкопроб-

ную монету, что хотя отчасти содѣйствовало увеличенію курса, но разорило многихъ бѣдныхъ людей.

Станиславъ Августъ обратилъ особенное вниманіе на монетное дѣло. У него была страсть къ хорошо чеканеннымъ деньгамъ и медалямъ. Онъ основалъ въ Варшавѣ значительный монетный дворъ. Король самъ наблюдалъ за отчетливостью рисунка. На его дукатахъ была надпись: *Moneta aurea Poloniae ad legem imperii*. Курсъ возвысился. Изъ марки выдѣлывалось 80 золотыхъ, и только въ послѣдніе два года (1794—1795) 84 $\frac{1}{4}$.

14 Ноября 1795 г. Станиславъ Августъ подписалъ отреченіе отъ престола.

14 Декабря обнародованъ манифестъ объ окончательномъ присоединеніи Литвы къ Россіи. Западная Русь слила свои судьбы съ одноплеменной Восточною Русью.

Съ того же времени введены здѣсь и русскія деньги, хотя польскія злотувки, дзѣсїонтки и пѣнцюрки (10 и 5 грошей) и до сихъ поръ еще принимаются въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ и другихъ пограничныхъ съ царствомъ польскимъ мѣстахъ.

Сочиненія о Литовской нумизматикѣ, а также разные изданія и статьи о польской нумизматикѣ, въ которыхъ говорится и о литовскихъ монетахъ.

• *Таддей Чацкій „o gzeszy menniczej w Polsce i Litwie“ 1800—1835.*

Это же сочиненіе вошло въ общее собраніе сочиненій Чацкого, изд. Рачинскимъ въ Познани въ 1843 г., т. I, 129.

Отдѣльное собраніе XIV нумизматическихъ таблицъ издано въ Вильнѣ въ 1844 г. книгопродавцемъ Рубеномъ Рафаловичемъ.

О польской нумизматикѣ Лелевеля по-французски помѣщено въ сочиненіи: *La Pologne illustrée, par L. Chodzko. 1843 стр. 458—472.*

Переведено на польскій языкъ и издано въ полномъ собраніи сочиненій въ Познани 1863 г., т. V, 235—285.

Казимира Станислава Стенжинскаго—Вандтне: *Numizmatyka krajowa*, два тома, 1839 г., съ рисунками 831 монеты.

Загорскаго—о польскихъ монетахъ, съ 60 таблицами со времени Сигизмунда I, 1845.

Гр. Ев. Тышкевича—O kilku nowo odkrytych monetach na Litwie, въ Athenaeum, изд. I. И. Крашевскимъ, 1845 г., отд. V, т. IV, 5—22. Его же примѣчаніе о рубляхъ въ Badania archeologiczne, Вильно, 1850 г., 95.

Нарбуттъ—Dzieje narodu Litew. т. I., 201 и др.

Крашевскій—Wilno, т. III, 315.

Оаддей Волянскій—Listy o starożytnościach Slawianskich. Гнезно 1845 г.

Записки С.П.Б. Археологическо-нумизматическаго Общества, т. I. 224, 381, 403; т. V. 110; т. VIII. 167 и др.

Изъ старинныхъ сочиненій, въ которыхъ упоминается о литовской монетѣ: Iohann Fridrich Ioachim, Groschen—cabinets, achtes Fach. Leipzig, 1752. Dawid Samuel Madai, Thaler—Cabinet. Königsberg. 1765—1774. IV band. in 8. Iohann Tobias Koehler, Ducaten—cabinet. Hannover 1759, II vol. in 8. Braun, vom polnischen und preussischen Müntzwesen. Iohann Dawid Koehler, Müntz-belustigungen. 1729—1764, 24 стр. in 4. Dewerdek, Silesia numismatica. 1711 in 4. Seyler, erleutertes Preussen. Georg Wende, De primis Polonorum nummis in Jaenickii, meletemata thorunensia. t. I., 105.—Joseph Mader, Kritische Beyträge zur Münzkunde des Mittelalters. III fach. Prag. 1810 in 8.—B. Koehne, Zeitschrift für Münz, Siegel-und Wappenkunde. Berlin. 1841.

Игнатія Потоцкаго: w Rocznikach Towarzystwa pszyjaciode nauk.

ОБЪЯСНЕНИЕ МОНЕТЪ.

Таблица VII.

- № 1. Древнія монеты. *Монета*, найденная въ Трокскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, въ окрестностяхъ м. Оранъ.—*Л. С.* Перкунъ, или Перкунасъ, съ громовыми стрѣлами, съ жезломъ, въ коронѣ.—*О. С.* Всадникъ съ мечемъ.
- № 2. Брактеатъ, изображающій Джеджилію, богиню цвѣтовъ и лѣсовъ. Найденъ въ Литвѣ.
- № 3. *Л. С.* Перкунъ съ стрѣлами и жезломъ. По сторонамъ коршуны, подъ ногами чело-
вѣческое туловище. Точки обозначаютъ достоинство монеты.—*О. С.* Всадникъ.
- № 4. Брактеатъ, тоже найденный въ Литвѣ, изображающій столбы, вродѣ генуэзскихъ
воротъ, на нихъ оленій рогъ.
- № 5. Монета, найденная въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губ., вблизи д. Огородники,
Л. С. По миѣнію Нарбутта изображеніе В. К. Миндовга; по миѣнію Лелевеля—Магнуса,
кор. датскаго.—*О. С.* Небольшой щитъ, и въ немъ всадникъ. Въ срединѣ медвѣдь, гербъ
Жмуди. Руническую надпись Нарбуттъ читаетъ такъ: *Mendok v Kuni Di*, т. е. Мендогъ
вел. кн. *Zemajtos Minzios*—Жмудская монета.
- № 6. *Л. С.* Перкунъ; *О. С.* всадникъ.
- № 7. *Л. С.* Перкунъ; *О. С.* всадникъ.—Одна изъ монетъ найденныхъ въ Огородникахъ.
См. № 5.
- № 8, 9, 10. Три монеты, принадлежащія, по миѣнію Волянскаго, будто бы къ древне-
литовскимъ.
- № 11. Монета изъ собранія Рейхеля. *Л. С.* Всадникъ. *О. С.* Столбы или колонны
(*Stiebas, Kolumny*), фамильный гербъ въ родѣ Гедимины. Въ срединѣ столбовъ буква
K., по миѣнію Кене, означающая „Кейстутъ.“
- № 12 и 13. Брактеаты, на которыхъ изображены столбы, а подъ ними буквы *K. V.*
G., т. е. Князь Великій Гедиминъ.
- № 14, 15, 16, 17, 18, 19. 6 монетъ, найденныхъ близъ г. Вильно, въ имѣніи Вака, помѣ-
щика Ленскаго.—*Л. С.* всадникъ.—*О. С.* столбы или колонны.
- № 20. Монета, найденная близъ Друскеникъ, Гродненской губ.—*Л. С.* колонны. *О. С.*
крестъ, или растеніе *tripholium*.
- № 21. Тоже изъ числа Вакскихъ монетъ.—*Л. С.* колонны.—*О. С.* сѣкира съ крестомъ
(или растеніемъ).
- № 22. Монета изъ собранія Рейхеля.—*Л. С.*, на двухъ однородныхъ монетахъ сло-
во печат.—*О. С.* Сѣкира съ крестомъ или растеніемъ.
- № 23. Печати. — Печать князя Кейстута. Въ полѣ, украшенномъ крестиками, вродѣ
лилій, представленъ князь въ остроконечномъ шлемѣ и въ латахъ. Въ правой рукѣ держитъ
мечъ, а лѣвой опирается на щитъ. Вокругъ печати надпись означающая: Кейстутъ князь
Трокскій.

№ 24. Печать князя Витовта, 1385 г., когда онъ еще не былъ великимъ княземъ. На печати изображенъ всадникъ, обращенный въ правую сторону. Латинская надпись означаетъ: печать Витовта, князя Троковского.

№ 25. Печать князя Лингвейна Ольгердовича, брата Ягайлы. Въ срединѣ фамильный гербъ; вокругъ надпись: печать князя Лигвен.

№ 26. Печать князя Корибута Ольгердовича. Съ одной стороны изображенъ всадникъ, скачущій въ правую сторону, а съ другой надпись: печать князя Корибута.

Эти три печати, т. е. Витовта, Лингвейна и Корибута относятся къ 1385 г. и приложены къ грамотѣ, данной въ Кіевѣ посламъ Королевы Елисаветы.

№ 27. Гербъ Всадникъ (Rógoń). Всадникъ на печати Ягайлы 1388 г.; у ногъ всадника, обращеннаго въ правую сторону, видно какое-то чудовище. На щитѣ патриаршій крестъ.

№ 28. Всадникъ тоже на печати Ягайлы, но безъ чудовища.

№ 29. Всадникъ на печати великаго князя Витовта, обращенный въ правую сторону, 1404 г.

№ 30. Всадникъ на печати Владислава Варненскаго, 1438 г., обращенный въ лѣвую сторону; у ногъ драконъ, или какое-то чудовище.

№ 31. Всадникъ тоже на печати Казимира Ягеллона, 1454 г.

№ 32. Всадникъ на печати послѣдняго Ягеллона, Сигизмунда Августа, 1539 г.

Таблица VIII.

№ 33. Рубли. Рубли, найденные въ имѣніи Вѣленѣ, помѣщика Залесскаго, Ковенской губерніи.

№ 34. Ягайлы.—Денарій Ягайлы. Л. С. Грудное изображеніе короля.—Над. VLADISLAUS. О. С. Всадникъ. D(ei) G(ratia) R(ex) LIT.

№ 35. Полгроша Ягайлы. Л. С. Корона, подъ нею буква F. (начальная буква начальника монетнаго двора или мастера) и патриаршій крестъ, знакъ достоинства папскаго викарія. Над. Mone WLADISLAI. Въ срединѣ надписи шестиугольная звѣзда.—О. С. Над. Regis Poloniae въ срединѣ, польскій орелъ. Это польская монета, находившаяся въ обращеніи въ Литвѣ. Подобныя монеты и по сіе время находятъ здѣсь въ землѣ.

№ 36. Казимира (1440—1492).—Полъ-гроша. Тоже польская монета. Л. С. Орелъ. Над. Moneta KASIMIRI. О. С. корона, подъ нею звѣзда. Над. Regis Poloniae.

№ 37. Александра († 1506).—Полъ-гроша Л. С. Литовскій всадникъ. Над. ALEKXANDRI Mon (eta). О. С. Орелъ. Над. Magni DUC LITUANIAE. Годъ не обозначенъ.

№ 38. Сигизмунда I, 1509.—Полъ-гроша. Л. С. Moneta SIGISMUNDI. О. С. Орелъ. Над. Magni DUCIS LITUANIAE.

Съ этого времени уже постоянно видимъ на монетахъ годъ чекана.

№ 39. 1510. Полъ-гроша. Л. С. Всадникъ.—Над. Moneta SIGISMUNDI. О. С. Орелъ.—Над. Magni DUCIS LITUANIAE.

№ 40. 1529. Полъ-гроша. Л. С. Всадникъ; подъ нимъ буква V, т. е. Вильно. Над. Moneta SIGISMUNDI.—О. С. Орелъ.—Над. Magni DUCIS LITUANIAE.

№ 41. 1533. Талеръ. Л. С. Грудное изображеніе Сигизмунда I (старога).—Над. SIGISM. R. REX POLONIE. M. D. LITUAN. Надпись раздѣлена пятью щитами, въ коихъ гербы польскій орелъ, русскій левъ, прусскій орелъ, австрійскій гербъ и литовскій всадникъ.—О. С. Грудное изображеніе сына Сигизмунда I, Сигизмунда Августа.—Над. SIG. AUG. SECUND. FILIUS REX. POLON. Между надписью тоже гербы, какъ и на лицевой сторонѣ, съ тою разницею, что вмѣсто австрійскаго герба, медіоланскій гербъ матери Сигизмунда Августа, Боны Сфорчіи, дочери Іоанна Галеацкаго, герцога медіоланскаго. Австрійскій гербъ на Л. С. помѣщенъ потому, что мать Сигизмунда I, Елисавета, была дочь Австрійскаго императора.

№ 42. 1535. Золотой червонный злотый. Л. С. Грудное изображеніе Сигизмунда I. Над. SIGIS. I. REX. POLON. DO(minus) TO(cius). PRUSS(ie). Щитъ, раздѣленный

на пять отдѣловъ, въ коихъ гербы: польскій, литовскій, прусскій, австрійскій и русскій левъ. Над. IUSTUS UT PALMA FLOREBIT. По правой сторонѣ буква С, т. е. Cracovia, по лѣвой S, знакъ подскарбія Шидловецкаго.

№ 43. 1535. Грошъ Л. С. Орелъ. Над. SIGISMUNDUS R. Rex. PO. M. D. LITUANIE. О. С. Всадникъ; ниже столбъ или колонны. Над. Moneta Magni Ducatus LITUA.

№ 44. 1536. Грошъ. С. С. Всадникъ. Над. Moneta Mag. DUCA. LITVA. Между надписью, вверху, княжеская митра; внизу столбы. О. С. Орелъ. Над. SIGISMU. I. REX. PO. M. D. LITUA.

№ 45. 1540. Талеръ. Совершенно такой же, какъ описанный подъ № 41 и съ обозначеніемъ на Л. С. того же года, т. е. 1533; но на оборотной сторонѣ годъ новаго чекана, т. е. 1540.

№ 46. Сигизмунда Августа. 1546. Грошъ.—Л. С. Всадникъ. Над. Moneta MAG. DUC. LITUA.—О. С. Орелъ. Над. SIGIS. AUG. REX. POL. MAG. DUX. LI.

№ 47. 1546.—Денарій. Л. С. Подъ княжескою митрою вензелевое изображеніе имени Сигизмунда Августа.—О. С. Щитъ, въ которомъ столбы.

№ 48. 1546. Грошъ, чеканенный для обращенія въ Польшу (Ad granum grossorum polonicaum; въ гривнѣ 96 такихъ грошей). Л. С. Грудное изображеніе Сигизмунда Августа. Над. SIGIS. AUG. REX POLON. MAG. DUX. LIT.—О. С. MONE—MAG. DUC. LITUA.—Всадникъ. Внизу, подъ княжескою короною, вензелевое имя SA и столбы.

Таблица XI.

№ 49. 1546. Полгроша. Л. С. Орелъ.—Над. SIGIS. AUG. REX. PO. MAG. LI.—О. С. Всадникъ.—Над. Moneta Magni Ducat. LITUA.

№ 50. 1546. Грошъ. Л. С. Грудное изображеніе Сиг. Авг. Над. SIGIS. AUG. REX. POL. MAG. DUX. LIT. О. С. Всадникъ, подъ нимъ столбы. Над. Moneta Magni Ducat. LITUA.

№ 51. 1546. Талеръ. Л. С. Грудное изображеніе Сиг. Авг. Над. SIGISMUNDUS AUG. REX. POL. M. D. L.—О. С. Подъ короною пять щитовъ съ гербами: польскимъ, литовскимъ, русскимъ львомъ, прусскимъ и австрійскимъ.—Над. Deus in virtute tua letabitur rex, т. е. Господь возрадуется въ твоихъ добродѣтеляхъ, Царь.

№ 52. 1547. Тройникъ (три гроша) Л. С. Грудное изображеніе Сиг. Авг.—Над. SIGIS. AUG. REX. PO. M. D. LI.—О. С. Над. III gross. AR. TRIOL. MAG. DUCA. LITUA.—Подъ нею Лит. всадникъ.

№ 53. Сигизмунда Августа. 1547. Денарій. См. № 47, только щитъ въ другомъ родѣ.

№ 54. 1547. Шестерикъ (6 грошей). Л. С. грудное изображение Сиг. Авг. Над. SIGIS. AVG. D. G. REX. POLO. MAG. DUX. LITUA.—О. С. Над. gross. AR. LEX. DUP. MAG. DUCAT. LITUAN. Въ щитѣ подъ короною всадникъ, а по сторонамъ VI, т. е. 6 грошей.

№ 55. 1547. Грошъ. См. № 48.

№ 56. 1548. Золотой червонный злотый (40 лит. грошей), Л. С. Грудное изображеніе Сигизмунда Августа.—Над. SIGIS. AVG. REX POLO. M. D. LITUA.—О. С. Щитъ, раздѣленный на шесть частей, въ коихъ гербы: польскій, литовскій, Сфорціевъ, кіевскій (св. Михаилъ), волынскій крестъ и жмудскій медвѣдь.

№ 57. 1555. Полъденарій. Л. С. Всадникъ. О. С. Орелъ.

№ 58. 1557. Тройникъ (три гроша), чеканенный въ Данцигѣ. Л. С. Грудное изображеніе Сигиз. Авг. Над. SIGIS. AVG. REX. PO. D. PRUSS. О. С. III gross AR. TRIPCIVI GEDANEN. Внизу гербъ Данцига.

№ 59. 1558. Полгроша. См. № 49.

№ 60. 1559. Денарій. См. № 57.

№ 61. 1560. Тройникъ (3 гроша). Грудное изображеніе Сиг. Авг. Над. SIGIS. AVG. REX. POLO. MAG. DUX. LI. О. С. Всадникъ. Внизу княжеская митра, подъ нею вензелевое имя S. A. и столбы. Над. MONETA MAGNI DUCA. LI.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

№ 62. 1562. Тройникъ. *Л. С.* подъ митрой вензелевое изображеніе имени *S. А.—О. С.* всадникъ; подъ нимъ III и столбы.—Над. какъ выше.

№ 63. 1562. Золотой португалъ (10 червонцевъ). *Л. С.* Грудное изображеніе Сиг. Авг. Над. *SIGIS. AVGUSTUS D. G. Rex. POLONI. MAG. DUX. LITUA.—О. С.* Всадникъ, подъ нимъ столбы.—Над. *Moneta magni Ducatus Lituan. 10 flor. aur.*

№ 64. 1563. Тройникъ. См. № 62.

№ 65. 1563. Тройникъ. *Л. С.* Орелъ.—*О. С.* всадникъ.—Над. какъ выше.

№ 66. 1564. Талеръ (30 грошей). *Л. С.* Подъ короною вензелевое имя *S. А.*, внизу XXX, т. е. 30 грошей. *О. С.* Гербы: польскій, литовскій, сфорчівъ, кievскій, жмудскій и волыискій.

№ 67. 1565. Тройникъ (3 гроша), чеканенный въ Вильнѣ, въ насмѣшку надъ Поляками. *Л. С.* Всадникъ, съ обыкновенною надписью, а на оборотной надпись: „*Qui habitat in Coelis iridebit eos*“ (т. е. Но тотъ, который живетъ на небесахъ, смѣется надъ ними Псал. II, 4.).

№ 68. 1565. Два гроша. *Л. С.* Грудное изображеніе Сиг. Авг. Над. *SIGIS. AVG. REX. POLO. M. D. L.—О. С.* Два щита подъ короной, въ нихъ всадникъ и столбы; подъ ними II. Над. *Moneta Magni Ducat Litua.*

№ 69. 1565. Червонный золотый. См. № 56.

ДВѢ БИТВЫ

1177 и 1216 годовъ по лѣтописямъ и по археологическимъ изысканіямъ.

Графа А. Уварова.

Для вѣрной оцѣнки заслугъ русской археологіи необходимо взять такое историческое происшествіе, которое только съ помощью археологическихъ изысканій можетъ вполне быть уяснено. Тогда замѣтно будетъ, что подробности, на которыя археологія обращаетъ свои изысканія, не составляютъ излишнее, мелочное изученіе обстоятельствъ, а напротивъ того, что эти именно мелочи не только разъясняютъ намъ давно минувшій фактъ, безцвѣтно изложенный на страницахъ лѣтописей, но даже придаютъ ему свѣжесть современнаго происшествія. Для такого результата не надо пренебрегать тѣмъ запасомъ свѣдѣній, которыя вносятся въ исторію археологическими изысканіями.

Любопытнымъ примѣромъ такого уясненія лѣтописныхъ сказаній посредствомъ археологическихъ изысканій могутъ служить обѣ Липецкія битвы 1177 и 1216 года. Доселѣ самая мѣстность, называемая въ лѣтописяхъ «Липцы», не точно еще была опредѣлена, и всѣ безъ исключенія довольствовались тѣмъ, что догадывались, что Липицы находились не далеко отъ Юрьева-Польскаго, въ Владимірской губерніи. Сколько ни старался уяснить этотъ предметъ почтенный нашъ сочленъ М. П. Погодинъ, но изъ его словъ видно, что Арцебышевъ ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ, хотя не опредѣлилъ настоящаго положенія этой мѣстности (*).

Когда въ продолженіи 1852 года мы имѣли случай, при содѣйствіи нашего сочлена К. Н. Тихонравова, извѣстнаго знатока владимірскихъ

(*) *Исследования*. IV, стр. 282—283; 289. — Арцебышевъ, Кн. II. Прим. 131, 1854.

древностей, изслѣдовать курганы Юрьевского уѣзда, тогда, между прочимъ, мы попали на точный слѣдъ всей мѣстности, прозванной Липицами. Разспрашивая народъ о названіяхъ разныхъ урочищъ, мы увидѣли, что память его сохранила еще свѣжо многія изъ древнихъ названій, при чемъ раскопки самыхъ мѣстностей пояснили намъ все остальное. Онѣ, во первыхъ, намъ доказали, что битва 1177 года происходила на совершенно другой мѣстности, чѣмъ битва 1216, почему мы должны изслѣдовать эти битвы отдѣльно одна отъ другой.

Во всѣхъ спискахъ лѣтописей, почти безъ исключенія, подъ 1177 годомъ упоминаются рѣчки Къза и Липица, которыя прежде всего необходимо точно опредѣлить.

Къза, Хза доселѣ носитъ названіе Гза, — названіе, употребляемое въ Воскресенскомъ и Никоновомъ спискахъ, и вытекаетъ на востокъ отъ села Вындова, Юрьевского уѣзда, протекаетъ съ сѣвера на югъ чрезъ село Юрково, мимо Юрьевой горы, и падаетъ съ лѣвой стороны въ Колокшу, у самого уѣзднаго города Юрьева (см. карту). Другая рѣчка, извѣстная въ старинѣ подъ именемъ Липцы, теперь называется Липня, вытекаетъ за селомъ Лучинскимъ, того же уѣзда, направляясь сначала къ сѣверу, потомъ у села Новаго поворачиваетъ на востокъ, и, протекая у селъ: Парисы, Крапивья, Шелебова, Осановца, близъ урочища Елки, впадаетъ у села Володятина съ лѣвой стороны въ рѣку Ирмизь.

Опредѣливъ теперь эти двѣ рѣчки, обратимся къ разсказу лѣтописей (*) о битвѣ 1177 года. Ростовцы и бояры Ростовскіе, не дождавшись еще вѣрнаго извѣстія о кончинѣ Михаила Юрьевича, послѣдовавшей 20 іюня 1177 года, послали въ Новгородъ за княземъ Мстиславомъ Ростиславичемъ. Мстиславъ поспѣшилъ пріѣхать въ Ростовъ и, наскоро собравъ войско, пошелъ ко Владиміру, желая занятіемъ этого города, предупредить избраніе другаго князя на мѣсто умирающаго Михаила. Но онъ ошибся въ расчетѣ, потому что Владимірцы, немедленно по кончинѣ Михаила, цѣловали крестъ брату его Всеволоду Юрьевичу (большое гнѣздо) и «по дѣтехъ его». Такимъ образомъ

(*) П. С. Л. I. 161. *Лаврентіевскій с.* Подробное описаніе; «къ Юрьеву»; «переѣхавъ рѣку Къзу», «у Липицы», «поле Юрьевское» убиты: Добрыня Долгый и Иванко Степанковичъ.

П. С. Л. IV. 14. *Новгородская четвертая лѣт.* Такое же почти подробное описаніе какъ въ Лаврент. списокѣ; тѣ же названія. Упомянувъ о третьемъ убитомъ, о Матвѣѣ Шибутовичѣ.

П. С. Л. VII. 93. *Воскресенскій списокъ*, то же что въ Лаврент. списокѣ, — «рѣка Гза» *Лѣтоп. Переяслав. Суздаль.* 89. Подробно какъ въ Лаврент. и Воскресен. спискахъ. *Никонов. списокъ* II. 235. Подробно какъ въ Лаврент. списокѣ; тѣ же свѣдѣнія, только прибавлено: «ступившася у Юрьева межъ Гзы и Липицы».

П. С. Л. III. 16, *Новгородская 1-я*; нѣтъ подробностей, и даже мѣсто не названо.

Соф. Времен. I. 204; нѣтъ подробностей; сказано «у Липицы», «поле: Юрьевское».

самъ Всеволодъ, узнавъ о прїѣздѣ племянника въ Ростовъ, успѣлъ съ Владимірцами двинуться къ нему на встрѣчу къ Суздалю, пославъ на всякій случай племянника Ярослава Мстиславича (краснаго) за Переяславцами. Тутъ, изъ Суздали, Всеволодъ сдѣлалъ попытку къ примиренію съ Мстиславомъ. Онъ отправилъ къ нему посла и велѣлъ сказать: «Брате! оже ты привели старѣйшая дружина, а поиди Ростову, а оттолѣ миръ възмѣвъ; тебе Ростовцы привели и бояре, а мене, съ братомъ, Богъ привелъ и Владимирци; а Суздаля буди нами обче, до кого всхотять, то имъ буди князь». Но Ростовцы и бояре, въ особенности Добрыня Долгый и Матвѣй Бутовичъ, отсовѣтовывали Мстиславу мириться съ дядею, говоря: «аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы». Получивъ отказъ на свое предложеніе, Всеволодъ поѣхалъ въ Юрьевъ, на встрѣчу Переяславцамъ. По прибытію ихъ и онъ объявилъ имъ о причинѣ войны. Переяславцы отвѣчали: «Ты ему добра хотѣлъ, а онъ головы твоя ловить, поѣди, княже, къ нему; яко ни въ что же имамы животъ свой за обиду твою, и не дай ны Богъ ни единому возвратися, аще ны отъ Бога не будетъ помощи; насъ переступивъ мертвыхъ, да оно ему жены наша и дѣти наши; брату твоему Михалку умершю еще девятаго дне нѣтуть, а онъ хочетъ кровь прольяти».

27 Іюня, на память св. Самсона Страннопрїимца, рано утромъ, (въ субботу) Всеволодъ вышелъ изъ Юрьева, переѣхалъ рѣку Гзу и въ полномъ боевомъ порядкѣ, «полки нарядивъ», двинулся на встрѣчу Мстиславу. Между тѣмъ и Мстиславъ уже шелъ на Всеволода, вѣроятно по Ярославской дорогѣ, со стороны Гавриловскаго посада, и, чтобы достигнуть Юрьева, долженъ былъ идти вдоль рѣки Липицы. Онъ первый явился на полѣ битвы, и потому въ лѣтописяхъ сказано: «до-спѣвъ, стояше у Липицы», т. е. остановился у верховьевъ рѣчки Липицы, гдѣ теперь находится село Лучинское. За тѣмъ самая битва, судя по движеніямъ обоихъ войскъ, должна была произойти между рѣчками Зою и Липицею, на что прямо указывается въ Никоновомъ спискѣ: «и сступишася у Юрьева межъ Гзы и Липицы». Мстиславъ стоялъ у верховьевъ Липицы, а Всеволодъ, перешедши Гзу, прямо шелъ на него, слѣдовательно пространство между селами: Даниловскимъ, Киноболомъ, Кубаевымъ, Лучинскимъ и Куминымъ должно было служить полемъ битвы, а какъ это поле отстоитъ отъ Юрьева всего на четыре версты [село Кумино], то выраженіе лѣтописи: «и покрыша поле Юрьевское» совершенно правильно и точно. Послѣ этихъ свѣдѣній о первоначальномъ положеніи обоихъ войскъ, лѣтописи сообщаютъ еще менѣе подробностей о постепенномъ ходѣ битвы; онѣ говорятъ только, что

сначала сошлись передовые отряды: «стрѣльцемъ стрѣляющимся межи полкома», а потомъ уже самые полки двинулись другъ на друга на рысяхъ: «поидоша къ собѣ на груняхъ обои и покрыша поле Юрьевское». Всеволодъ совершенно разбилъ Мстислава, который съ дружиною бѣжалъ къ Ростову. Потеря съ его стороны была весьма незначительна, потому что кромѣ убитыхъ трехъ бояръ: Добрыню Долгаго, Иванка Степановича, Матѣея Шибутовича «и инѣхъ, а Ростовци и бояръ всѣ повязаша, а у Всеволодова полку не бысть пакости». Такимъ образомъ большая часть Ростовцевъ была взята въ плѣнъ, и число плѣнныхъ превышало число убитыхъ. Поле битвы осталось за Всеволодомъ, а потому Владимірцы его позаботились о погребеніи убитыхъ.

Послѣ разсказа лѣтописи, остается рассмотреть, что намъ уяснили и доказали раскопки кургановъ этой мѣстности. Самый центръ обозначеннаго нами поля битвы, между селами Даниловскимъ на сѣверѣ и Куминымъ на югѣ, занятъ былъ группою кургановъ (с), лежащихъ на лугу села Кинобола, прозываемомъ Селищемъ. Тутъ, кромѣ четырехъ кургановъ, возвышался еще холмъ, который былъ изслѣдованъ 15 іюля 1852 года. Курганы самой разнообразной величины имѣли отъ 17 до 142 аршинъ въ окружности и отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 аршинъ вышины. (№ 1: $34\frac{1}{2}$ арш. окруж.; 2 арш. выш.—№ 2: 19 арш. окруж.; $1\frac{3}{4}$ арш. выш.—№ 3: 17 арш. окруж.; $1\frac{1}{2}$ арш. выш. № 4: 142 арш. окруж.; 3 арш. выш.) Въ первомъ курганѣ открыты кости животныхъ, вѣроятно лошадиныя. Во второмъ, кажется, былъ человѣческій остовъ, совершенно истлѣвшій; при немъ найдено одно желѣзное кольцо. Въ третьемъ также ничего не найдено, кромѣ маленькаго желѣзнаго копья. Наконецъ четвертый курганъ оказался общею могилою, въ которую зарыли убитыхъ послѣ битвы. По снятіи съ него дерна, въ верхнемъ слое земли нашли три обломка какого-то образа (св. Николая?), сдѣланнаго изъ бѣлой глины; за тѣмъ, на глубинѣ 3 аршинъ, открыто 29 остововъ. Три изъ нихъ лежали особо въ трехъ гробахъ, обращенныхъ на востокъ и съ сложенными на груди руками. У нихъ на головахъ попадались остатки золотого позумента, вѣроятно отъ обшивки боярскихъ шапокъ или мурмолокъ; у шеи найдены золоченныя пуговицы [всего пять], которыя, вѣроятно, по двѣ были пришиты къ вороту сорочки, и сверхъ того при одномъ изъ этихъ трехъ остововъ сохранился небольшой кусочекъ кожи отъ сапога или пояса. Остальные 26 остововъ были сложены въ груды, безъ всякаго порядка и въ разныхъ направленіяхъ. У одного изъ нихъ найденъ на пальцѣ перстень, а возлѣ уха—кольцо. Тутъ же лежали: часть рукоятки отъ меча, желѣзная дужка, желѣзная отвертка съ ушкомъ, гвоздь и двѣ кость-

ныя иглы. Судя по этому кургану, видно, какъ послѣ битвы спѣшили хоронить убитыхъ, довольствуясь 3—аршинной глубиной для такой общей могилы. При этомъ любопытно замѣтить, что 26 оставовъ были кое-какъ сложены въ могилѣ, между тѣмъ какъ для трехъ изъ нихъ сдѣлали исключеніе, — положили въ гроба, сложили руки и поставили по направленію къ востоку. Эти три гроба содержали навѣрно тѣла трехъ убитыхъ бояръ: Добрыни Долгаго, Иванки Степановича и Матѳея Шибутовича (по Новгородской 4-й лѣтописи: стр. 14), которые, какъ бояре, были членами старѣйшей или первой дружины Мстислава Ростиславича. Иванко Степановичъ является между врагами Всеволода Юрьевича, а отецъ его, бѣжавшій къ Ростиславичамъ, уже обвинялся Андреемъ Боголюбскимъ: «выдайте или Григоря Хотовича, и Степаньца и Олексу Святославца, яко тѣ суть уморилѣ брата моего Глѣба; а то суть ворози всѣмъ намъ». Ростиславичи не выдали Степаньца (П. С. Л. II, 108. — Погодинъ. Изслѣд. VII, 99, 117). Добрыня Долгый вмѣстѣ съ Матвѣемъ Бутовичемъ принадлежалъ къ Ростовскимъ боярамъ. О Бутовичѣ М. П. Погодинъ полагаетъ, что онъ былъ полякъ (*ibidem*. стр. 125); къ такой же народности вѣроятно принадлежалъ и Ростовскій бояринъ Матвѣй Шибутовичъ.

Послѣдняя насыпь, такъ называемый холмъ не былъ скрытъ весь, а изслѣдованъ пробными канавами, изъ которыхъ инныя имѣли до 43 аршинъ длины и 4 аршинъ ширины. Такихъ канавъ проведено пять, и всѣ онѣ доказали, что холмъ былъ насыпанъ не надъ могилою, а насыпанъ на поверхности земли, надъ грудой убитыхъ коней и разнаго разломаннаго оружія. Лошадиныя кости лежали на поверхности земли $1\frac{1}{2}$ аршина въ глубину насыпи. Въ другомъ мѣстѣ, на глубинѣ аршина, найдены 5 желѣзныхъ ножиговъ, желѣзная дужка съ ушкомъ, каменная пронизка и маленькое желѣзное кольцо.

Въ третей канавѣ, на глубинѣ 2 аршинъ, нашли обломокъ сѣкиры или бердыша, два ножика, желѣзную вилку, пробой, шило и пилку. Всѣ эти лошадиныя кости вполне подтверждаютъ лѣтописи, представляющія эту битву, какъ дѣло между конницами: «на груняхъ».

Остальные курганы, которые были разрыты близъ селъ: Кубаева, Даниловскаго и Кумина, принадлежатъ къ древнѣйшей эпохѣ, когда еще сожигали покойниковъ, и слѣдовательно не относятся къ битвѣ 1177 года.

Если теперь со вниманіемъ рассмотримъ то, что найдено въ этихъ боевыхъ курганахъ, насъ прежде всего поразитъ почтеніе, оказанное даже непріятелями къ убитымъ. Согласно древнѣйшему преданію славянскихъ народовъ, Владимірцы считаютъ священною обязанностью

хоронить убитыхъ воиновъ Мстислава. При этомъ навѣрно они соблюли правило исполнить этотъ долгъ еще до захожденія солнца, потому что только за нѣскольکو лѣтъ до этого происшествія это же самое правило было подробно разъяснено Новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ († 1156) (*).

Несмотря на необходимую поспѣшность при погребеніи, Владиміръ все-таки положили тѣла убитыхъ бояръ отдѣльно, въ гробахъ, согласно ихъ сану, откуда можно заключить, что гроба имѣли какое-то значеніе особаго уваженія или вниманія къ покойнику; отъ того сказано, что по смерти Андрея Боголюбскаго, Арсеній игуменъ Козьмодеміанскій предложилъ: «вложимъ ѱ (тѣло Андрея) въ буду, любо си въ гробъ» (П. С. Л. II, 115). Найденные на головахъ остатки позумента доказываютъ, что хоронили въ шапкахъ. Шапка, какъ мы знаемъ, не снималась ни въ комнатѣ, ни даже въ церкви. Ярославъ Владиміровичъ Галицкій принялъ посла «сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его» (П. С. Л. II, 72). Въ 1071 году, когда перенесли мощи св. Бориса и Глѣба, митрополитъ Георгій благословилъ всѣхъ присутствующихъ князей: «и начаша пѣти св. литургію. И рече Святославъ ко Брънови: нѣчто мя на главѣ бодеть, и сня клобукъ». (П. С. Л. VII, 341). То же самое видимъ мы и въ рукописномъ житіи Бориса и Глѣба XIV вѣка, въ которомъ оба мученика лежатъ въ гробу въ шапкахъ. Вызолоченныя пуговицы у ворота сорочки неудивительны для бояръ, которые отличались отъ другихъ воиновъ богатствомъ одежды: «аще и золотомъ шито облеچه будетъ—убій, да не оставимъ ни единого же живаго», говорилъ Князь Ярославъ (П. С. Л. I, 213).

Возвращаясь еще разъ къ полю битвы 1177 года, замѣтимъ что, опредѣливъ съ точностію поле, мы этимъ самымъ и пояснили себѣ настоящій смыслъ выраженія, употребленнаго при описаніи прихода Мстислава Ростиславича: «доспѣвъ стояще у Липиць». Извѣстно, что Русскіе не любили останавливаться въ неукрѣпленномъ станѣ (**), на серединѣ чистаго поля. То же самое сдѣлалъ и Мстиславъ. Подходя вдоль рѣки Липицы къ Юрьеву, онъ остановился у верховьевъ ея, которыя служили ему защитой съ тыла, между тѣмъ какъ ручеекъ Тинья спереди охранялъ его войска отъ внезапнаго нападенія. Сверхъ того и лѣсистая тутъ мѣстность могла также служить удобною защитой при расположеніи войска; по этимъ причинамъ Мстиславъ по необходимо-

(*) Памят. XII вѣка, стр. 187, 192—193, 200.

(**) П. С. Л. I, 186 по Лаврентіев. списку подъ 1217 годомъ нѣтъ подробностей, а сказано только: «бишася у Юрьева и одолѣ Константинъ».

Тамъ же. 212—214. Въ Троицкомъ спискѣ описано очень подробно.

сти долженъ былъ остановиться между Липицею и Тинью и ждать на этомъ мѣстѣ непріятеля.

Война 1216 года, окончившаяся битвою между Авдовою и Юрьевою горами, вызываетъ во всѣхъ лѣтописяхъ единодушный порывъ негодованія и удивленія (*): «Оле страшно и дивно, братье! поидоша сынове на отца, а отци на дѣти, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабы». Дѣйствительно, въ этой войнѣ семейства раздѣлились на двѣ стороны, враждебныя между собою: на одной сторонѣ дѣти Всеволода Юрьевича: Ярославъ, Юрій, Владиміръ и Святославъ; на другой сторонѣ дядя ихъ Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій и тестъ Ярославу Всеволодовичу, родной ихъ братъ Константинъ Всеволодовичъ, и братья и родные Мстислава. Половина гражданъ Новгородскихъ послѣдовала за Мстиславомъ, а другая половина приняла сторону Ярослава. Такое отношеніе враждебныхъ сторонъ и такое родство между предводителями войскъ долго удерживали ихъ отъ кровопролитія и побудили къ тѣмъ переговорамъ о мирѣ, которые занимаютъ всю первую часть этой грустной семейной драмы.

Мстиславъ Мстиславичъ, соединившись съ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, находился 16 числа апрѣля подъ Переяславлемъ-Залѣскимъ. Здѣсь онъ захватилъ человѣка, отъ котораго узналъ, что князь Ярославъ Всеволодовичъ съ Новгородцами и Новоторжанами отправился уже къ брату своему Юрію, который, съ своей стороны, вмѣстѣ съ остальными братьями, Владиміромъ и Святославомъ, выступилъ изъ Владиміра ему на встрѣчу. За Юріемъ шло большое войско, набранное изъ Муромцевъ, Бродниковъ, Городчанъ и изъ всей силы Суздальской земли: «бѣшетъ бо погнано и изъ поселей ѿ до пѣсльца». Откуда видно, что тотъ, у котораго не было лошади, пошелъ пѣшкомъ. Князь Ярославъ, встрѣтившись съ братьями, вѣроятно, въ окрестностяхъ города Юрьева, остановился съ ними на сѣверѣ отъ города у рѣки Гзы. Ожидая непріятеля съ двухъ сторонъ, — или со стороны Переяславля, или со стороны Ростова, — Ярославъ и Юрій выбрали мѣсто, укрѣпленное самою природою. Они прислонились къ Юрьевой горѣ и тыломъ стали къ рѣкѣ Гзѣ, на урочищѣ, доселѣ извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ Липицы. Правая ихъ сторона

(*) П. С. Л. III. 34. *Новгородская 4-ая Лѣт.* Разсказано очень кратко, но, безъ сомнѣнія, приверженцемъ Мстислава Мстиславича; о бѣгствѣ Ярослава и Юрія употреблено выраженіе «вда плечи». П. С. Л. IV. 21, 25. *Новгородскія 4-ая.* Подробно, какъ въ *Троицк. спискѣ*.

П. С. Л. VIII. 121—123. *По Воскресен. списку* не такъ подробно, какъ въ *Троиц. и вѣд. 1-й Новгород. Софійск. врем.* I, 221—226—подробно.

Никонов. спис. кн. II, 323 — 332, — подробно и съ позднѣйшими прибавками.

была защищена лѣсистою мѣстностью, которою протекаетъ на югъ рѣка Гза, между тѣмъ какъ лѣвая сторона прикрывалась горою Чуваксою. Передъ ними, до самыхъ верховьевъ рѣки Липицы, разстилалось ровное мѣсто, на которомъ они и ожидали непріятеля. Ярославъ и Юрій стояли уже на занятомъ ими положеніи, когда пришелъ Мстиславъ съ другими князьями. Немедленно, по принятому тогда обыкновению, Мстиславъ распорядился пресѣчь всякое сообщеніе между войскомъ Ярослава и Юрія и городомъ Владиміромъ, что называлось загнать или заѣхать (*). Для этой цѣли онъ растянулъ все войско отъ города Юрѣва до верховьевъ рѣки Липицы: «Князь Мстиславъ и Володимиръ съ Новгородцы постависта свои полки близъ Юрѣва, и ту стояста, а князь Константинъ далече стояше съ своими полки, на рѣцѣ Липицѣ» -

Увидѣвши крѣпкое положеніе Владимірскаго войска, князья послали сотскаго Ларіона сказать князю Юрію Всеволодовичу: «Кланяемся, нѣту намъ съ тобою обиды, обида намъ съ Ярославомъ». На что Юрій отвѣчалъ: «едины есмь братья съ Ярославомъ», и этимъ совершенно прекратилъ попытку отдѣлить его отъ брата. Потерявъ такую надежду, князья обратились тогда къ Ярославу и послали чрезъ того же сотскаго Ларіона сказать ему: «пусти мужи Новгородцы и Новоторжцы, что еси зашелъ волости Новгородскія Волокъ въспяти, а миръ съ нами възми, а крестъ къ намъ цѣлуй, а крови не проливай». На такое предложеніе Ярославъ отвѣтилъ: «мира не хочу, а мужи у мене; а далече есте шли и вышли есте акы рыба на сухо». Ларіонъ передалъ отвѣтъ Ярослава князьямъ, которые все-таки рѣшились послать къ Ярославу и Юрію еще «послѣднюю рѣчь»: «Мы пришли есмь, брате князь Юрьи и Ярославе, не на кровопролитіе, крови не дай Богъ створити, да до того управимся; мы есми племенницы себѣ, а дадимъ старѣйшинство князю Костянтину, а посади ѱ въ Володимеръ, а вамъ земля Суздальская вся». Въ этомъ послѣднемъ предложеніи просвѣчиваетъ вліяніе Мстислава и непріязнь его къ своему зятю Ярославу; подъ предлогомъ мира, онъ хотѣлъ удалить Ярослава изъ Новгорода. Отъ того князь Юрій въ своемъ отвѣтѣ очень ловко отдѣлилъ цѣли Мстислава отъ желаній князя Константина: «Рци братьѣ моей, княземъ Мстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отъити. А брату князю Костянтину молви: перемоча насъ, тобѣ вся земля». Въ Воскресенскомъ спискѣ иронія Юрія сильнѣе высказана: «Рци братьѣ моей, княземъ Мстиславу и Володимеру, да еще отецъ

(*) *Полюдинъ, Изслѣд.* VII. 274, приводитъ изъ лѣтописей примѣры такой тактики. Древности. II.

нашъ съ Костянтиномъ не управилъ, то вы ли хотите насъ съ нимъ умирить? но пойдете на неже есте пришли; а брату нашему Костянтину тако рѣчи: егда одолѣешь намъ, тогда тобѣ вся земля». «Тако князья възнеслися славою—видѣвши у себѣ силу велику», замѣчаетъ лѣтописецъ. На этомъ прекращены были всѣ переговоры о мирѣ, но между боярами, окружающими Ярослава и Юрія, сужденія объ этомъ не прекратились. Предложенія о мирѣ нашли себѣ приверженцевъ въ дружинахъ Всеволодовичей; и, какъ видно, пока князья пировали въ шатрѣ съ боярами, рѣчь о мирѣ не переставала. Бояринъ Твори-миръ (Новгород. 4-ая стр. 22), названный Андреемъ Станиславичемъ въ Никоновомъ спискѣ (кн. II. стр. 325), убѣждалъ ихъ мириться: «Твори миръ, князь Юрьи и Ярославе, меншаа братья въ вашей волѣ; оже бы по моему гаданію, лучше бы миръ сътворити и дати старѣйшинство князю Костянтину: ци зримъ, оже при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало Ростиславля племяни, да князи мудри суть и рядни и хоробри, а мужи ихъ Новгородци и Смоленяне дерзи къ боеви, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаета въ томъ племяни, оже дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ; а господина, гадаита». На это лѣтописецъ прибавляетъ: «и не любя бысть рѣчь си князю Юрью и Ярославу» (*). Кто-то изъ бояръ князя Юрья предложилъ совершенно противоположное: «Княжи Юрьи и Ярославе! не было того ни при прадѣдѣхъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, оже бы кто вшелъ ратью въ сильную землю въ Суздальскую оже вышелъ цѣлъ, хотя бы и вся Русская земля, и Галичская и Кіевская и Смоленская и Черниговская и Новгородская и Рязанская, никако противу сей силѣ успѣють, аже нынѣшніи полци, право наверхемъ ихъ сѣдлы». Такая хвастливая рѣчь понравилась князьямъ и порѣшила вопросъ о битвѣ. Тогда князья собрали всѣхъ бояръ «и первыя своя люди» и сдѣлали распоряженія для сраженія, при чемъ князья дали жестокій приказъ—нещадить никого, ни бояръ ни князей: «Се пришелъ бы товаръ въ руки, вамъ же буди кони, брони, порты: а человекъ оже кто иметъ живаго, то самъ будетъ убитъ; аще и золотомъ шито облечье будетъ—убій, да не оставимъ ни единого же живаго; аще кто изъ полку утѣчетъ—не убитъ, имемъ, а тѣхъ вѣшати или распинати; а о князѣхъ, оже будутъ у насъ въ рукахъ, то сгадаемъ». За тѣмъ князья отпустили дружины и вошли въ особый шатеръ, гдѣ между собою начали дѣлить города. Тутъ князь Юрій сказалъ, обращаясь къ брату: «Мнѣ, брате княже Ярославе, Володимерская земля и Ростовская; а тебѣ—

(*) Бояринъ такого же имени встрѣчается подъ 1171 годомъ. Погодина, Извѣд. II, 136.

«Новгородъ, а Смоленскъ—брату нашему Святославу, а Кіевъ дай «Черниговскимъ княземъ, а Галичъ намъ же». Предложеніе это было принято, они цѣловали крестъ между собою и написали грамоты объ этомъ раздѣленіи городовъ, чтобы «того не преступати». Эти грамоты, замѣчаетъ лѣтописецъ, «взяша Смолняне по побѣдѣ въ станѣхъ Ярославъ «влихъ и даша своимъ княземъ». Окончивши раздѣлъ и подписавши грамоты, князья Юрій и Ярославъ «начаста позывати къ Липицамъ на «бой».

Всѣ эти переговоры о мирѣ, семейныя совѣщанія и дѣлежы русскихъ городовъ заняли весь день 19 апрѣля, и, какъ видно изъ разсказа лѣтописей, они только поздно вечеромъ начали «позывати къ «Липицамъ на бой». Самыя эти слова для насъ очень важны, во-первыхъ, потому что доказываютъ, что тутъ Липицы, суть именно то урочище, на которое мы выше указали, а отнюдь не могутъ означать самую рѣку Липицы, ибо на ней стояло правое крыло напріятельскаго войска, подъ начальствомъ князя Константина Ростовскаго; вовторыхъ, призывать непріятеля на бой къ Липицамъ, значило, что князь Юрій и Ярославъ избрали эту мѣстность для битвы, какъ мѣстность самую выгодную для себя, и съ этою же цѣлью особенно укрѣпили ее.

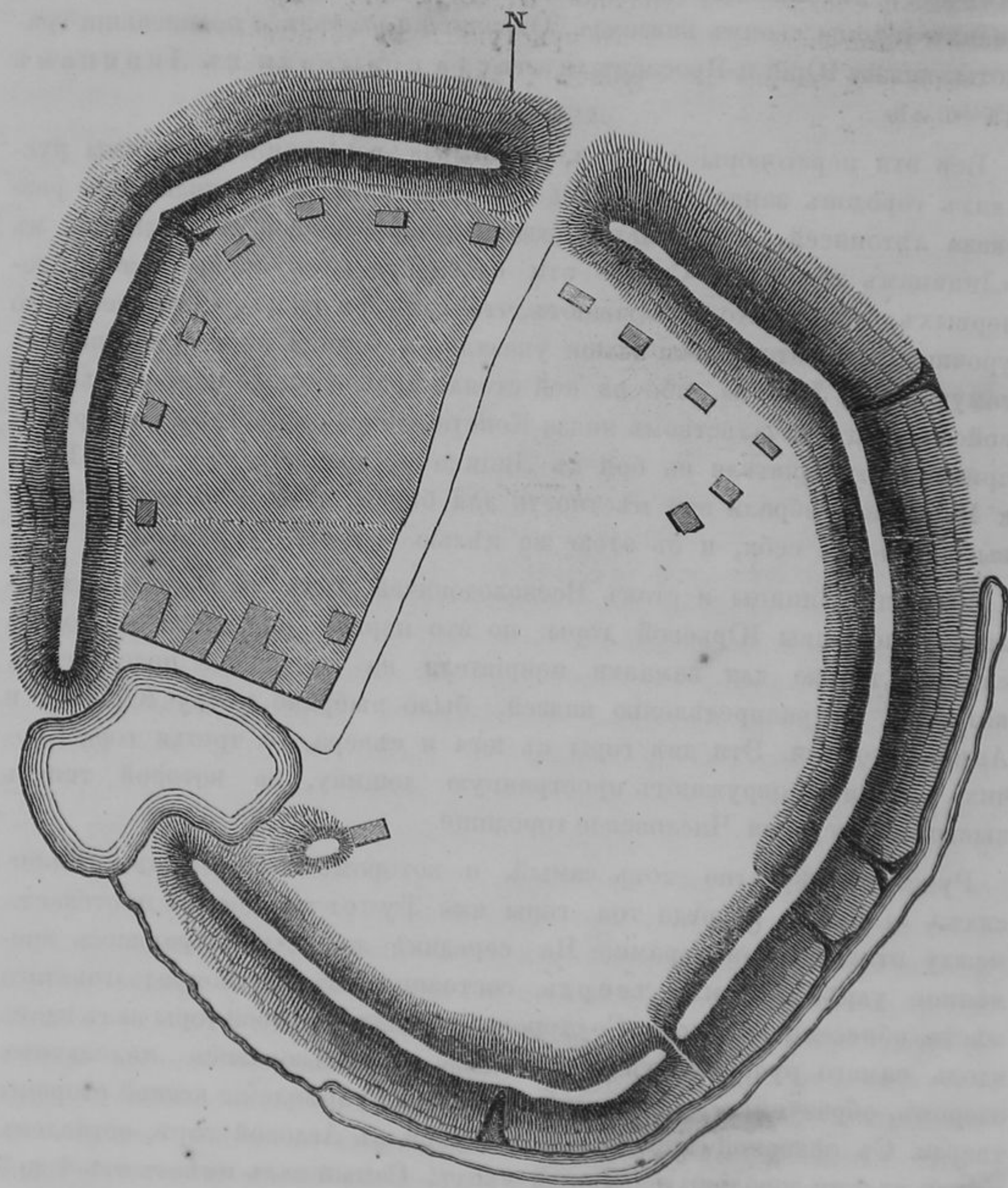
Урочище Липицы и станъ Всеволодовичей, какъ мы видѣли, находились у подошвы Юрьевой горы; но это первое расположеніе войска служило только для заманки непріятеля на настоящее поле битвы, которое, по распредѣленію князей, было выбрано между Юрьевой и Авдовой горами. Эти двѣ горы съ юга и сѣвера, а третья гора Бурчиха съ запада окружаютъ пространную лощину, на которой теперь выстроена деревня Числовское городище.

Ручеекъ, вѣроятно тотъ самый, о которомъ сказано въ лѣтописяхъ: «а ручей посреди тоя горы имя Тунегъ», доселѣ протекаетъ между этими тремя горами. На срединѣ лощины сохранилось временное укрѣпленіе или твердь, состоящая изъ круглопродолговатаго мѣста, обнесеннаго валомъ. Со стороны юга или Юрьевой горы валъ идетъ вдоль самаго ручейка Тунегъ, и даже воспользовались маленькимъ озеромъ, образуемымъ этимъ ручейкомъ для укрѣпленія южной стороны тверди. Съ сѣверной стороны, обращенной къ Авдовой горѣ, оставленъ между валами довольно обширный входъ. Самый валъ имѣетъ отъ 4 до 5 аршинъ вышины. Эта твердь въ лощинѣ, «въ дебри» между горами, описывается подробно въ лѣтописяхъ. «Твердь баше бо плетеномъ оплетено то мѣсто и насовано колья». Устройство подобныхъ твердей было принято въ случаѣ пораженія, чтобы, остановивъ въ немъ войско, устоять противъ натиска непріятеля. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ 1152

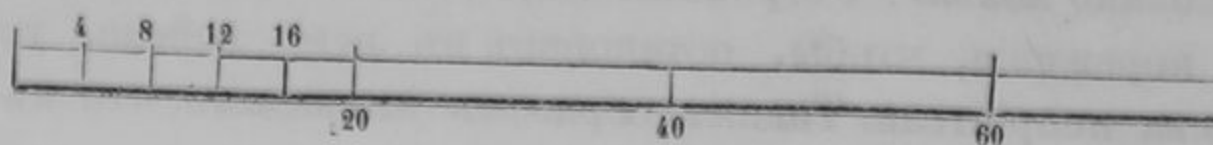
ГОРОДОКЪ

ВЪ СЕЛѢ ЧИСЛОВСКИХЪ ГОРОДИЩАХЪ,

ЮРЬЕВСКАГО УѢЗДА.

Масштабъ въ англійскомъ дюймѣ 20 сажень.

году Владимірѣ Галицкѣй, не надѣясь остановить войско короля Венгерскаго на чистомъ полѣ, «въступися назадъ, за твердь ста» (П. С. Л. II, 67). Вѣроятно эта твердь была устроена по приказанію Ярослава Всеволодовича, потому что, какъ видно изъ лѣтописей, въ эту же войну, тотъ же самый князь устроилъ другую твердь, слѣдовательно такая мѣра была ему обычная (П. С. Л. IV, 21). Разрытіе самаго вала (*) показало ясно, какъ приступали къ такимъ постройкамъ. По снятіи дерна нашли на глубинѣ 4 аршинъ толстыя бревна, положенныя поперегъ вала, надъ ними въ одномъ мѣстѣ сохранились еще слѣды сруба въ три бревна, сложенныя въ длину одинъ надъ другимъ. Каждая три сажени толстыя бревна, расположенныя поперегъ или внутри вала, служили точкою опоры для сруба. Кромѣ того, всѣ эти бревна сплетены были крѣпко между собою; но гнилое состояніе самыхъ бревенъ объясняетъ намъ отсутствіе этой плетени, о которой говорятъ лѣтописи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

(*) Отъ 1 до 4 Сентября (1852 года) проводили пробныя канавы или вдоль внѣшней и внутренней стороны вала, или поперегъ его. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли до 80 аршинъ длины и четыре аршина ширины; другія, поперечныя, углублялись на 10 аршинъ, а въ ширину имѣли до 14 аршинъ. Но, не смотря на всѣ эти работы, находки были самыя ничтожныя. Важнѣйшее при этомъ было изученіе устройства тверди. При разрытіи самаго вала найдены: ножики, обломки желѣза и мѣди, глиняный катокъ, гладильная кость и каменные ядра, остатки вѣроятно польскаго нашествія. Внутри тверди отрыты: каменная пронизка, желѣзный прутъ, желѣзная пряжка и ножики. У самаго вала были находимы человѣческія кости, но не въ слишкомъ большомъ количествѣ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

НАДГРОВНАЯ НАДПИСЬ АВЕРКІЯ, ЕПИСКОПА ІЕРА- ПОЛЬСКАГО.

Древнѣйшіе памятники христіанскаго искусства сохранились на Западѣ и преимущественно въ катакомбахъ римскихъ. Но какъ классическое искусство Рима было только подражаніемъ или воспроизведеніемъ греческаго искусства, такъ и христіанское искусство на Западѣ своимъ началомъ и первыми образцами обязано Востоку. Символизмъ древняго христіанскаго искусства, столь сродный духу восточныхъ народовъ и чуждый духу западныхъ народовъ, есть уже свидѣтельство его восточнаго происхожденія. Употребительнѣйшій символъ Спасителя—рыба, значеніе свое особенно получаетъ въ греческомъ языкѣ, гдѣ пять буквъ, составляющихъ слово *ἰχθῦς*, суть первыя буквы словъ: *Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ*. Потому первообразъ западнаго искусства христіанскаго, во всѣхъ его проявленіяхъ, мы должны отыскивать на востокѣ. Когда наступятъ лучшія времена для востока, бывшаго колыбелью христіанства, и начнутся тамъ дѣятельные археологическіе поиски, можетъ быть многое новое откроется для исторіи христіанскаго искусства. Теперь же мы должны дорожить и тѣми немногими указаніями, какія встречаемъ въ письменныхъ памятникахъ.

Писатели восточные рано обратили вниманіе на символическія выраженія, встрѣчающіяся въ Священномъ Писаніи, и предлагали опыты ихъ изъясненія. Такъ Папій (+150) Іерапольскій написалъ пять книгъ для изъясненія Новозавѣтныхъ словъ. Мелитонъ Сардійскій написалъ ключъ къ изъясненію иносказательныхъ выраженій Св. Писанія. Но до насъ не дошли эти сочиненія (*).

Мы теперь желаемъ обратить вниманіе на свидѣтельство о символизмѣ христіанскомъ современнаго Мелитону и близкаго по мѣсту жительства Аверкія, епископа Іерапольскаго. Аверкій былъ третьимъ епископомъ Іераполя фригійскаго, котораго развалины указываютъ теперь около Турецкой деревни Памбукъ-Калезги. Онъ былъ непосредственнымъ преемникомъ извѣстнаго Папія, кончину котораго, по нашимъ соображеніямъ, нужно отнести къ половинѣ 2-го вѣка. Аверкій скончался около 170 г. Житіе Аверкія, котораго память церковь празднуетъ 22 октября, дошло до насъ въ трехъ редакціяхъ, различныхъ по изложенію, но сходныхъ по содержанію. Одной только редакціи извѣстенъ авторъ,—это Симеонъ Метафрастъ,—но и въ этомъ позднемъ рассказѣ сохранились слѣды преданій, близкихъ времени жизни Аверкія.

Въ житіи Аверкія рассказывается, что, приближаясь къ смерти, Аверкій велѣлъ приготовить себѣ мраморную, квадратной формы, надгробную плиту, на которой самъ сдѣлалъ надпись. Надпись, передаваемая рукописями, конечно не могла сохраниться въ точности; не одинаково читается она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но въ ней замѣтенъ и теперь гексаметрическій размѣръ. Тильмонъ въ свое время возражалъ противъ подлинности этой надгробной надписи; немного довѣрія оказываетъ ей и Питра, предоставляя окончательный судъ объ ней произнести ученымъ продолжателямъ Болландистовъ въ изданіи: *Acta Sanctorum*. Въ IX томѣ *Acta Sanctorum* за мѣсяць октябрь, напечатанъ въ 1859 г. «Житіе Аверкія», ученые издатели крѣпко стоятъ за подлинность этой надгробной надписи. Приведя много убѣдительныхъ доводовъ въ защиту этой надписи, они въ заключеніе говорятъ, что Греки не въ состояніи были бы и выдумать эту надпись, ибо не могли понять ея смысла. Мы обращаемся къ тѣмъ стихамъ изъ надгробной надписи, которые имѣютъ значеніе для христіанской символики.

.....Πίστις δὲ παντὶ προῆγε

Καὶ παρέθηκε τροφήν, ἰχθὺν ἀπὸ πηγῆς,

Παμμεγέθη, καθαρὸν, ὃν ἐδράξατο παρθένος ἀγνή,

Καὶ τῷτον ἐπέδωκε φίλοις ἐσθίειν διαπαντός,

οἶνον χρηστὸν ἔχουσα, κέρασμα διδῶσα μετ' ἄρτων.

(*) Питра издалъ въ *Specilegium Solesmense* (Paris. I-й т. 1852, II и III—1855) на латинскомъ языкѣ *Clavis Melitonis*. Но это сочиненіе носитъ такіе ясные признаки выписокъ изъ твореній Григорія Великаго, папы Римскаго, столько содержитъ указаній на позднѣйшія учрежденія церкви, какъ напр. монашество, что позднее и притомъ латинское происхожденіе его несомнѣнно. Особенно это открывается изъ этимологіи словъ, напр. *Cap. II, § 63: hostia pacifica appellatur eo quod hosti diabolo resistat*. Еще: *virga. Virgo Maria exiit ex radice Jesse* (*Cap. VII. § 34. n. 6*).

«Вѣра была мнѣ всюду вождемъ

И предлагала пищу—рыбу изъ источника

Высшаго величія, чистую, которую изловила Дѣва непорочная

И подала друзьямъ, чтобы всегда вкушали,

Имѣющая доброе вино, питіе соединяя съ хлѣбомъ».

Здѣсь мы видимъ ясное и, сколько извѣстно, доселѣ первое свидѣтельство объ евхаристическомъ значеніи рыбы. На Западѣ только въ пятомъ вѣкѣ у Павлина Нольскаго мы находимъ подобное же объясненіе символа рыбы; онъ называетъ Христа—хлѣбомъ чистымъ и рыбой живой воды (Epist. XIII, ad Ramm. § II). Къ письму Росси, писанному къ Питрѣ (нынѣ кардиналу) о памятникахъ, на которыхъ встрѣчается изображеніе рыбы съ христіанско-символическимъ значеніемъ, изданному въ третьемъ томѣ Specilegium Solesmense, приложенъ снимокъ изъ пещеръ Каллиста. Этотъ снимокъ недавно только открытаго изображенія есть какъ бы наглядное представленіе словъ надгробной надписи Аверкія. Въ верхней половинѣ картины, на полу, стоятъ семь кошицъ, наполненныхъ хлѣбами; посреди ихъ возвышается столъ о трехъ ножкахъ, на немъ лежатъ три хлѣба и рыба. Подъ этимъ изображеніемъ, обведеннымъ полукругомъ, находится столъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ и рыба, и съ одной стороны стола стоитъ мужчина въ плащѣ философа, возлагающій благословляющую руку на столъ, а съ другой—женщина, воздѣвшая горѣ свои руки; въ сторонѣ отъ женщины корзина, сверху которой видны пять хлѣбовъ. Изображеніе превосходное и заслуживаетъ того, чтобы быть изданнымъ у насъ. Росси не сомнѣвается въ евхаристическомъ значеніи этой картины.

Другое свидѣтельство, представляемое надгробною надписью Аверкія, тѣмъ болѣе важно, что оно есть единственное, — это связь символа рыбы съ Пресвятою Дѣвою Маріею.

О церквахъ Малой Азіи въ послѣднюю половину своей жизни имѣлъ попеченіе Св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, котораго усыновилъ Господь при крестѣ Своей Матери. Благоговѣйная любовь Іоанна къ Богоматери отражается и въ писаніяхъ ближайшихъ учениковъ его. Игнатій Богоносецъ, епископъ Антиохійскій, усволяетъ уже имя Богоматери (*) Дѣвѣ Маріи, когда говоритъ: Богъ нашъ Іисусъ Христосъ былъ во чревѣ Маріи (Epist. ad Eph. c. XVIII). Иринеи, ученикъ Поликарпа Смирнскаго, бывшаго подобно Игнатію ученикомъ Іоанна Богослова, пишетъ: «Богъ Слово Самъ родился отъ Дѣвы» (Contr. haeres. III, 21). Аверкій родился тогда какъ живъ еще былъ Іоаннъ Богословъ, и въ его надгробной надписи выразилось благого-

(*) Собственно слово Θεοτοκος встрѣчается впервые у писателей III-го вѣка Оригена и епископовъ Александрійскихъ, Діонисія и Александра. Въ IV в. это наименованіе общепотребительное. Юліанъ упрекалъ христіанъ между прочимъ за то, что они не переставали называть Дѣву Марію Богородицею. Но когда въ IV в. явилась секта Коллириданъ, воздававшихъ божеское почтеніе Дѣвѣ Маріи, то для вразумленія заблуждающихся постановъ былъ Григорій Нисскій.

вѣйное воспоминаніе о Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Григорій Нисскій въ похвальномъ словѣ Григорію (†270), пастырю Неокесарійской въ Малой Азіи церкви, составленномъ въ половинѣ IV-го вѣка, говоритъ, что Григорію явился старецъ почтенный, въ сопровожденіи жены, блиставшей небеснымъ свѣтомъ, и по волѣ сей жены преподаль ему изложеніе христіанской вѣры. «Если кто хочетъ увѣриться въ этомъ, прибавляетъ Григорій Нисскій, пусть выслушаетъ церковь, въ которой Григорій проповѣдывалъ». Не знаемъ, былъ ли рассказъ о видѣніи Григорія предметомъ изображеній живописи въ IV-мъ вѣкѣ, но въ позднѣйшія времена изображеніе Богоматери въ видѣ жены, блистающей свѣтомъ, часто встрѣчается. Въ актахъ Ефесскаго собора, дошедшихъ до насъ въ цѣлости, ничего не говорится объ изображеніяхъ Богоматери. Переписка разныхъ лицъ, разсужденія и опредѣленія относительно ученія о Богоматери только имѣютъ въ виду подтвердить древнее ученіе церкви о лицѣ Богоматери. Но обыкновеннымъ слѣдствіемъ споровъ бываетъ то, что спорный предметъ выставляють въ большемъ свѣтѣ. А потому Ефесскій соборъ имѣлъ вліяніе на умноженіе храмовъ въ честь Богоматери, на распространеніе Ея иконъ. Въ этомъ отношеніи несомнѣнно вліяніе Ефесскаго собора на иконографію Богоматери. Но акты Ефесскаго собора не даютъ никакого повода къ предположенію, чтобы иконографія Богоматери возникла вслѣдствіе сего собора.

Вотъ что говорятъ ученые продолжатели Болландистовъ (*Acta Ss. Octobr. V. VIII. p. 296. 297*): *Quamvis post exortam et profligatam haeresin Nestorianam frequentior pingendae beatissimae Virginis, Filium Tuum brachiis aut gremio sustinentis, usus invaluerit, illo aevo tamen antiquiores istiusmodi imagines reperiuntur, unam exhibet Boldettus in vitro impressam, adnotatque eandem inventam fuisse sanguine respersam ac in se pulchro Martyris reconditam, quo circa ad tempora Constantini priora revocanda est ejus confectio* (*Boldet. Osserv. supra Cimiteri t. I. p. 202*). *Exhibet quoque similem imaginem in fronte egregii sui operis de monumentis artium Christianarum primitivarum P. Josephus Marchi (Monum. delle arti christ. primitive nella metropol. del Christian.—Gaume. Les trois Rome. t. IV, p. 219.) Citatur apud Arringhium alia Deiparae effigies in coemeterio Papae Julii (Rom. Subt. t. II. p. 165). Ceterum etsi vel unum, quod profertur, esset ejusmodi imaginis exemplum, sufficeret ad argumentum, nam quod semel factum est, in talibus rebus saepius fieri potuit.*

П. КАЗАНСКІЙ.

ДРЕВНОСТИ ВЪ ИМѢНІИ ЗАВАНАЯСКОМЪ

[Wanajantausta] г. Стандершельда, изслѣдованныя г.г. Коскиненъ и Игна-
ціусомъ.

(Изъ Historiallinen Arkisto. I (Гельс. 1866 стр. 61—72).

Въ сентябрѣ 1864 г. Гельсингфорскій университетъ получилъ слѣдующія древнія орудія, найденныя при устройствѣ дороги на каменистой горѣ въ имѣніи Заванаяскомъ, въ приходѣ Янаккалѣ, близъ Тавастгуса. Они были доставлены владѣльцемъ, поручикомъ Стандершельдомъ.

1—7. Семь желѣзныхъ копій, отъ 7 до 15 десятичныхъ дюймовъ длиною, всѣ съ шейками для древка и у многихъ еще сохранились гвозди для при-
крѣпленія его (Табл. I. 2).

8. Желѣзный серпъ, не вполне имѣющій форму полумѣсяца, въ 1 ло-
котъ длины, съ изломаннымъ концомъ.

9. Серпъ поменьше.

10, 11. Два желѣзные ножа (Т. I. 1).

12—15. Четыре ножа меньшей величины.

17. Конецъ желѣзной стрѣлы или метательнаго копья.

17, 18. Желѣзные топоръ и тесло (Т. I, 3).

19—21. Три бронз. броши (Т. II, 1).

22, 23. Двѣ бронз. пряжки (Т. I, 5)

24. Желѣзная пряжка.

25. Обломокъ бронз. запястья (Т. II, 6).

26. Части скрученныхъ колецъ (7 штукъ) бронзовыхъ. Эти вещи найде-
ны въ землѣ, на глубинѣ не свыше 2½ футовъ, и вмѣстѣ съ ними попада-
лись кости и уголья. На томъ мѣстѣ были два низенькіе кольцо-образные
земляные вала отъ ½ до 1 фута вышиной: одинъ по сю, другой по ту сто-
рону кольца. Разстояніе между валами составляло отъ 4 до 6 футовъ. Въ
діаметрѣ одного круга было 6 футовъ; другой кругъ имѣлъ въ одномъ на-
правленіи діаметръ въ 8 фут., въ другомъ въ 10 ф. Внутри круговъ ока-
зались подъ дерномъ сперва земля, потомъ слой каменьевъ въ четверть
аршина; подъ ними опять слой земли; на глубинѣ же 2—2½ футовъ отъ
поверхности дерна нашли материкъ.

27. Конецъ желѣзной стрѣлы.

29. Бронз. пряжка для ремня.

30, 31. Два бронзовые, нѣсколько обломанные, предмета, служившіе ко-
нечно украшеніями поясовъ. Они состоятъ изъ двухъ тоненькихъ бляхъ,
лежащихъ одна на другой, которыя болѣе широкимъ краемъ соединены по-
средствомъ бронзоваго гвоздя. Вдоль окраины бляхъ идутъ узенькіе нарѣзы
(Т. I. 4). Ихъ употребленіе видно изъ подобныхъ же предметовъ, найден-

ныхъ въ гробницахъ Ливовъ (См. I. K. Bähr, die gräber der Liven. Dresd. 1850, Гав. XIV, 4, 5).

32. Обломокъ бронз. кольца или, можетъ быть, застежки у кольца, или обломокъ пряжечнаго шпинька.

33. Два отчасти расплавленные куска бронзы или мѣди.

34, 35. Куски двухъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ одинъ довольно тонкой работы, такой же толщины, какъ обыкновенные глиняные горшки; другой—грубаго издѣлія. Оба очень мало обжигались. Куски ихъ разбросаны частью въ чертѣ землянаго круга, частью внѣ его между камнями. Судя по кускамъ, діаметръ этихъ сосудовъ составлялъ около 6 дюймовъ (См. Bähr, T. XIX. 15).

36. Маленькій шаровидный кусокъ кости, не болѣе волчьей дробы.

Въ земляномъ кругѣ В найдены:

37. Бронзовый предметъ (по изображ. 2) длиною въ дюймъ, съ шарикомъ на одномъ концѣ, другой отломанъ; вѣроятно принадлежалъ къ уздѣ (Т. II. 4).

28. Кусокъ бронзовой проволоки, скрученной въ спираль, вѣроятно принадлежавшей къ запястью.

39. Куски глиняныхъ сосудовъ.

40. Кости, по мнѣнію г. Бонсдорфа (профессора сравнительной анатоміи) весьма древнія лошадиныя кости, за исключеніемъ двухъ птичьихъ.

Около 42-хъ футовъ отъ землянаго круга В, къ сѣв.-востоку, за годъ передъ тѣмъ найдены при исправленіи дороги многія древнія оружія. Изъ этого мѣста С, на юг.-восточномъ краю дороги получены:

41. Конецъ желѣзнаго копья, подобный №№ 1—7.

На перешейкѣ Кернала, по ту сторону Гйденъёки (Hüdenjoki, рѣки), найдены при рытіи земли подъ магазинъ слѣдующія древности:

42. Желѣзный конецъ копья.

Мѣдныя или бронз. ножны для кинжала съ заржавѣлыми обломками такого оружія.

43, 44. Три пострадавшія отъ времени и покрытыя плѣсенью черепа: одинъ особенно большой, явно принадлежавшій пожилому мужчине; другіе два молодыхъ людей.

Мѣсто, гдѣ эти предметы найдены, было песчаное посреди пахатныхъ полей въ Керналѣ. При раскопкѣ нашли кромѣ заплесневѣлыхъ обломковъ костей:

45. Кучку большихъ заклепныхъ гвоздей изъ желѣза.

46, 47. Два обломанные конца, желѣзные же, меча.

48. Конецъ желѣзнаго копья.

Повидимому мѣсто это было кладбище, и почти несомнѣнно, что здѣсь могилы не того же времени, какъ древности, найденныя въ Заванаяскомъ. Жаль, что черепа такъ измѣнились, что невозможно было опредѣлить, какой націи они принадлежали. Профессоръ Бонсдорфъ могъ только сказать, что они не лапландскіе. А такъ какъ черепа только въ теченіе вѣковъ истлѣ-

основанъ за 6 лѣтъ до воеводы Власьева, въ 1600 году смоленскими дворянами, присланными на службу въ Уфу, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ чело-вѣкъ). Заглавіе его слѣдующее: „Диптихъ си есть Помянникъ собор-ныя церкви пресвятыя Богородицы Одигитріи Смоленскія, и же въ Уфѣ градѣ въ дѣтинцѣ.“ Онъ писанъ въ $1\frac{1}{2}$ листъ, полууставомъ, на первыхъ двухъ страницахъ переписанныхъ, какъ кажется, съ древнѣй-шаго подлинника, а потомъ разными почерками, начиная съ кудреватаго XVIII вѣка до современнаго; на 2-й страницѣ его читаемъ: „Рабъ Божіихъ здѣ лежащихъ. Родъ Уфимскаго воеводы Афанасія Ивановича Власьева, здѣ лежащаго: инока Варсанофія, Іоанна, Афанасія, Павла, Іоанна, За-харія, Анны, Вассы, Елисаветы и Евфиміи.“ Итакъ, Власьевъ скончался и погребенъ въ Уфѣ, притомъ въ первопрестольномъ ея храмѣ, такъ какъ въ этомъ городѣ были еще другія церкви. Но къ кому относятся здѣсь имена? Означаютъ ли они дѣда и отца Власьева, его самого, а за нимъ его братьевъ и сестеръ, или жену его и дѣтей, — на это Помянникъ не даетъ никакого отвѣта. Описанный нами Диптихъ принадлежитъ оренбургскому мѣщанину Ивану Никитичу Казанцеву и достался ему отъ дѣда, переписывавшаго его съ подлинника, нынѣ утеряннаго въ соборѣ. Дѣдъ г. Казан-цева, по словамъ внука, былъ немножко иконописецъ, любилъ переписывать диптихи и разрисовывать ихъ красками и приличными изображеніями.

Въ дополненіе къ предлагаемому извѣстію скажемъ еще нѣсколько словъ объ упомянутомъ нами соборѣ. При Смоленской соборной церкви было кладбище, а внутри ея и въ застѣнкѣ подъ колокольнею погребали людей именитыхъ. Это продолжалось до 1771-го года, когда указомъ Императрицы Екатерины II, отъ 24 декабря, было строго воспрещено погребать умер-шихъ въ чертѣ города и при городскихъ церквахъ. Но въ 1774 году, когда Уфа была осаждена Пугачевымъ, стали поневолѣ опять хоронить при городскихъ церквахъ и въ томъ числѣ при Смоленскомъ соборѣ (при по-слѣднемъ, въ знакъ почета, хоронили убитыхъ на вылазкахъ). Послѣ Пуга-чевской осады тотчасъ уничтожены даже слѣды бывшего кладбища и внутри и около собора; сломана и колокольня съ застѣнкомъ, служившіе тюрь-мою для сообщниковъ Пугачева Чики и Губанова, казненныхъ въ Уфѣ въ 1775 году, а на мѣсто старой колокольни построена нынѣшняя. Внутри собора уничтоженъ помостъ изъ могильныхъ плитъ, а надписи надгробныя на стѣнахъ забѣлены; старая трапеза сломана и устроена новая съ двумя теплыми придѣлами. Настоящая соборная церковь Смоленскія Божія Матери (лѣтняя) въ началѣ XIX столѣтія освящена во имя Св. Троицы, въ честь церкви этого имени, существовавшей близъ собора и сломанной за ветхо-стію. Соборъ этотъ до 1842 года назывался Троицкимъ, но, за построеніемъ нынѣшняго Воскресенскаго Уфимскаго кафедральнаго собора, переименованъ приходскою церковью... Смоленскій соборъ — единственный памятникъ древ-ней Уфы, но увы, памятникъ обезображенный новизной: древняго теперь въ немъ только стѣны настоящей церкви, т. е. лѣтней во имя св. Троицы, да нѣсколько иконъ, въ томъ числѣ копія съ чудотворной иконы Смолен-

скія Божія Матери, принесенная изъ Смоленска въ 1600 году высланною на службу въ Уфу смоленскою шляхтою. Напрасно было бы теперь искать въ старомъ Уфимскомъ соборѣ воеводскихъ или другихъ могилъ имени-тыхъ и между ними ту, которая скрываетъ прахъ Афанасія Ивановича Власьева.

Г. Уфа.

10 февраля 1865 года.

Р. ИГНАТЬЕВЪ.

Золотая серьга,

найденная въ декабрѣ 1868 года, въ Эльтигенѣ, въ Оеодосійскомъ уѣздѣ, на предполагаемой мѣстности древней Нимфеи.

Описана на стр. 54.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви А. Катанскаго. Христ. Чтеніе 1868 г. №№ 9, 10.

Статья, заглавіе которой мы выписали, занимается изложеніемъ очень важнаго предмета въ области церковной археологіи, и уже по самой новості затронутаго въ ней вопроса, не говоря о другихъ достоинствахъ, имѣетъ право занять видное мѣсто въ нашей богословской литературѣ и обратить на себя вниманіе. Тому, кто слѣдилъ за ходомъ нашей литургической литературы, извѣстно, что у насъ занимались главнымъ образомъ истолкованіемъ богослуженія, а не исторіею его, и этотъ пробѣлъ живо чувствовался всякимъ, кто, не имѣя средствъ изучать этотъ предметъ по иностраннымъ источникамъ, вздумалъ бы обратиться за объясненіемъ его къ пособіямъ отечественнымъ. Кромѣ двухъ-трехъ монографій, исчисленныхъ авторомъ очерка, онъ ничего не нашелъ бы замѣчательнаго по этой части, да и названныя монографіи, касаясь отдѣльныхъ сторонъ исторіи литургіи, не въ состояніи были бы дать полнаго и обстоятельнаго отвѣта на то, какъ постепенно слагалась и какимъ путемъ шла въ своемъ развитіи эта важнѣйшая отрасль христіанскаго богослуженія. Трудъ г. Катанскаго пополняетъ этотъ пробѣлъ, и даетъ интересную монографію, въ которой излагаются судьбы и историческое движеніе литургіи отъ временъ апостольскихъ до XIV вѣка. При такихъ условіяхъ „Очеркъ исторіи православной литургіи“ является новымъ учено-литургическимъ опытомъ въ нашей литературѣ: авторъ его долженъ былъ трудиться на поприщѣ, мало тронутомъ нашими учеными, а потому могъ располагать лишь очень ограниченнымъ количествомъ пособій, представляемыхъ нашею богословскою литературою. Эта неподготовленность научной почвы для разработки даннаго вопроса естественно обратила вниманіе нашего автора на тѣ источники, которые представляетъ по этому предмету западная богословская наука, откуда онъ и заимствовалъ матеріалы для своего очерка. Надобно замѣтить, что западная богословская литература, въ отношеніи даннаго вопроса, была поставлена въ болѣе выгодныя историческія условія, получила болѣе широкое развитіе и даетъ ученой любознательности богатую и благодарную пищу. Реформація, заявивъ протестъ противъ злоупотребленій папской системы, естественно коснулась и богослужебной

практики Рима, его канонизованной литургіи и другихъ формъ церковнаго культа. По этому поводу между папистами и протестантами завязалась полемика, результатомъ которой явились богатые собранія памятниковъ древняго богослуженія, а на основаніи собранныхъ литургическихъ документовъ развилась и богатая историческая литература. Сравнительно недавняя литературная борьба, поднявшаяся въ Германіи по поводу изданія „Церковныхъ агендъ“, вызвала на это поле изслѣдованій новыхъ труженниковъ науки, которые своими трудами много содѣйствовали развитію этой отрасли церковной археологіи. Изъ этой массы источниковъ, представляемыхъ западною литературою, автору нашего очерка стоило только сдѣлать удачный выборъ для того, чтобы познакомить русское общество съ исторіею избраннаго имъ предмета. И мы видимъ, что выборъ его остановился на такомъ изслѣдователѣ, котораго научный авторитетъ такъ высоко стоитъ въ глазахъ ученаго западнаго міра, и которому, выражаясь словами автора очерка, принадлежитъ послѣднее слово протестантской науки по вопросу о литургіи. Разумѣемъ Бунзена въ его сочиненіи: *Hippolytus und seine Zeit* (Leipz. 1853. 2 Bde).

Бунзенъ, въ ряду изслѣдователей нашего вопроса, принадлежитъ къ умѣренной протестантской партіи. При обширномъ знакомствѣ съ древне-церковною литературою, онъ равно далекъ и отъ некритическаго отношенія къ дѣлу католическихъ писателей, и не раздѣляетъ въ то же время рѣзкихъ сужденій тѣхъ протестантскихъ ученыхъ, которые смѣшиваютъ дѣло науки съ своими вѣроисповѣдными симпатіями. Онъ глубоко убѣжденъ въ воспитательно-религіозномъ значеніи литургіи и, приступая къ своему изслѣдованію, старается стать на нейтральную историческую почву, чуждую предубѣжденій и религіознаго партизанства (*Hipp. und seine Zeit*. B. 2. S. 363). Онъ придаетъ особенное значеніе въ дѣлѣ изученія литургіи древнимъ литургіямъ востока (*ibid.* 366) и поправляетъ своихъ предшественниковъ, особенно Ренодота, въ ихъ некритическихъ выводахъ касательно древнѣйшей исторіи литургическихъ записей (*ibid.* 369). Подвергнувъ затѣмъ критикѣ главные труды по вопросу о литургіи, какъ прежніе (Бингамъ, Августинъ), такъ и новые (Паркеръ, Ниль), онъ дѣлаетъ оцѣнку сравнительнаго метода изученія литургіи, и, указавъ на недостатки въ критическихъ приѣмахъ этихъ авторовъ, устанавливаетъ главнѣйшія церковно-историческія эпохи, къ которымъ приурочиваетъ развитіе литургіи (*ibid.* S. 374—381), а затѣмъ переходитъ къ классификаціи ея по различнымъ отраслямъ. Такъ какъ Бунзенъ интересуется особенно исторіею древней литургіи, то его обзоръ мѣстныхъ литургій восточной церкви ограничивается четвертымъ вѣкомъ, когда писанныя литургіи уже получили опредѣленную форму и закончили кругъ своего развитія, по крайней мѣрѣ въ главныхъ и существенныхъ чертахъ. Согласно съ этимъ и его церковно-историческія рубрики ограничиваются этимъ же четвертымъ вѣкомъ, связаннымъ съ именами Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Амвросія Медиоланскаго, извѣстныхъ своими трудами по церковному богослуженію. Чтобы ближе ознакомиться съ планомъ дѣленія, принятаго

Бунзеномъ при изложеніи очерка литургіи, перечислимъ проводимыя имъ историческія рубрики. Бунзенъ раздѣляетъ обозрѣваемое имъ пространство на четыре періода. Первый періодъ, апостольскій, обнимаетъ у него все первое столѣтіе нашей эры и представляетъ исторію литургіи въ ея первичномъ, неразвитомъ видѣ. Объ этомъ періодѣ Бунзенъ упоминаетъ кратко: онъ дѣлаетъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о совершеніи евхаристіи при Апостолахъ и о связи этого акта съ агапами или общественными трапезами первыхъ христіанъ. Второй періодъ, доходящій до послѣдней четверти второго вѣка, обращаетъ на себя особенное вниманіе нѣмецкаго ученаго, какъ историческій пунктъ, къ которому относятся первые образцы писанныхъ литургій. Къ такимъ образцамъ Бунзенъ причисляетъ записъ литургіи, изданную Лудольфомъ и принадлежащую къ фамиліи литургій Александрійской церкви (S. 444. ff). Краткое описаніе литургіи, сдѣланное Іустиномъ мученикомъ, въ его апологіи (1 apol. с. 65—67), даетъ Бунзену точку опоры для заключенія о времени происхожденія названной нами редакціи литургіи. Третій періодъ отъ конца предъидущаго до половины третьяго столѣтія—вѣкъ Климента Александрійскаго, Оригена, Ипполита—представляетъ матеріалы для возстановленія подлиннаго текста греческой литургіи, извѣстной съ именемъ Ев. Марка. Четвертый періодъ обнимаетъ собою судьбу литургіи во времена Василія Великаго, Златоуста и Амвросія Медиоланскаго.

Въ этихъ предѣлахъ заключены критическіе труды Бунзена по исторіи восточной литургіи; но несмотря на сравнительную хронологическую сжатость, они довольно широки для того, чтобы охватить судьбу этой отрасли христіанскаго богослуженія въ самый важный и интересный періодъ его существованія. Авторъ очерка православной литургіи назначаетъ для себя болѣе широкіе предѣлы. Не ограничиваясь первыми четырьмя вѣками исторіи литургіи, онъ слѣдитъ за ея судьбою до XIV вѣка, и раздѣляетъ этотъ широкій историческій путь на нѣсколько періодовъ, соотвѣтственно главнымъ измѣненіямъ въ составѣ литургіи. При такой широкой постановкѣ вопроса авторъ, разумѣется, долженъ былъ выйти изъ круга работъ Бунзена и обратиться къ изученію литургіи по другимъ источникамъ. Такъ поступилъ онъ прежде всего при изложеніи состоянія литургіи въ періодъ апостольскій. Мы уже замѣтили, что Бунзенъ касается этого предмета лишь мимоходомъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе на слѣдующемъ, болѣе содержательномъ періодѣ ея исторіи. Авторъ очерка относится къ апостольскому періоду съ болѣшимъ вниманіемъ и дѣлаетъ попытку представить общую схему тогдашней литургіи на основаніи библейскихъ указаній. Труды Гарнака (*Der christliche Gemeindegottesdienst im apostolischen und altkatholischen Zeitalter*. Erlang. 1854) и Клифота (*Liturgische Abhandlungen*. Schwerin. 1858) даютъ обстоятельное изложеніе этого вопроса, и авторъ конечно имѣлъ ихъ въ виду при составленіи своего очерка; что касается до изложенія литургіи въ періодъ послѣ-апостольскій, то здѣсь авторъ болѣею частію стоитъ на почвѣ Бунзеновыхъ изслѣдованій и принимаетъ его выводы. Правда, онъ иногда поправляетъ его; но эти поправки касаются лишь частныхъ дѣла.

и не имѣютъ отношенія къ основнымъ воззрѣніямъ нѣмецкаго ученаго. Такъ авторъ пользуется выводами Бунзена касательно древнѣйшей редакціи литургіи Ев. Марка, изданной Лудольфомъ и помѣщенной въ книгѣ Бунзена. Вмѣстѣ съ нимъ авторъ очерка причисляетъ литургію апостольскихъ постановленій (*Constit. Apostol. l. VIII. Hippol. S. 398. ibid. 514—532*) къ отрасли литургій Антиохійской церкви, связанныхъ съ именемъ Ап. Іакова. Согласно съ Бунзеномъ онъ причисляетъ къ той же категоріи и очеркъ литургіи вѣрныхъ, сдѣланный Кирилломъ Іерусалимскимъ въ пятомъ тайноводственномъ поученіи. Затѣмъ, переходя къ литургіямъ Златоуста и Василия Великаго, онъ признаетъ ихъ видоизмѣненіемъ и переработкою антиохійскаго типа и дѣлаетъ попытку возстановить первоначальный текстъ литургіи Св. Златоуста, на основаніи свидѣтельствъ изъ его бесѣдъ—трудъ, который предпринятъ былъ еще Бингамомъ (*Orig. Eccles. vol v. p. 193—234*) и выполненъ имъ очень обстоятельно, хотя и безъ системы. На этомъ пунктѣ Бунзенъ оставляетъ исторію литургій восточныхъ и переходитъ къ судьбѣ литургій западныхъ. На этомъ же пунктѣ авторъ очерка заканчиваетъ второй періодъ исторіи литургіи, обнимающій, по его раздѣленію, промежутокъ отъ III-го до VI вѣка.

При такомъ отношеніи къ дѣлу было бы излишнимъ искать у автора очерка самостоятельныхъ критическихъ приѣмовъ, при изслѣдованіи происхожденія и взаимнаго отношенія различныхъ редакцій литургіи: въ этомъ отношеніи онъ пользуется уже готовыми критическими выводами новой сравнительно-исторической школы и держится преимущественно Бунзена. Авторъ рассматриваемой нами статьи обнаруживаетъ свою самостоятельность въ расположеніи и классификаціи этого обширнаго литургическаго матеріала, заимствованнаго у Ренодота и Бунзена. Въ то время какъ послѣдній, согласно съ своею критическою теоріею, рассматриваетъ литургію по главнымъ отраслямъ и такимъ образомъ держится строго сравнительнаго плана обозрѣнія,—г. Катанскій слѣдуетъ при обозрѣніи путемъ чисто историческимъ, отъ чего изложеніе его получаетъ болѣе простоты, ясности и популярности. Тогда какъ Бунзенъ рассматриваетъ порознь каждую изъ литургическихъ группъ—Александрійскую, Антиохійскую, Константинопольскую—и вездѣ доискивается древнѣйшихъ основныхъ формъ для каждой группы, нашъ авторъ ведетъ дѣло такимъ образомъ, что названныя нами отрасли смѣняются исторически одна другою и укладываются въ тѣ хронологическія рубрики, которыя онъ проводитъ для своего очерка. Такое изложеніе безспорно имѣетъ свои выгоды, и представляетъ въ связномъ историческомъ очеркѣ то, что у Бунзена находится разрозненнымъ въ сравнительныхъ таблицахъ разныхъ литургическихъ отраслей. Съ большею полнотою предъ Бунзеномъ и съ большею самостоятельностью обработанъ вопросъ о происхожденіи и составѣ литургій Константинопольской фамиліи, имѣющей особенную важность и особенно обширное употребленіе въ православномъ восточномъ мірѣ, это—литургіи Василия Великаго и Златоуста. Бунзенъ отрицаетъ самостоятельность типа этихъ литургій и назы-

ваетъ ихъ эклектическими, т. е. обработкою прежнихъ литургическихъ формъ, дошедшихъ по преданію и державшихся въ мѣстныхъ церквахъ Востока (§ 402). Далѣе онъ считаетъ совершенно неосновательнымъ мнѣніе, будто эти литургіи дѣйствительно принадлежатъ названнымъ отцамъ, и считаетъ невозможнымъ возстановить ихъ первоначальный текстъ за отсутствіемъ древнихъ списковъ этихъ литургій. (Древнѣйшій—Барбериновъ относится къ VIII вѣку). Авторъ очерка обратилъ на эту отрасль литургіи гораздо болѣе вниманія, чѣмъ ученый изслѣдователь западный. Признавая происхожденіе этихъ литургій изъ пересмотра различныхъ редакцій литургій, сдѣланнаго Василиемъ Великимъ, нашъ авторъ ставитъ ихъ въ ближайшее отношеніе къ фамиліи литургій Антиохійской Церкви, и эту генетическую связь ихъ, признаваемую и Бунзеномъ, доказываетъ голосомъ преданія и особеннымъ отношеніемъ Каппадокійскаго и Константинопольскаго архипастырей къ Антиохіи. Признавъ затѣмъ литургію Златоуста за видоизмѣненіе и сокращеніе литургіи Василиевой, авторъ старается возстановить первоначальный текстъ первой на основаніи свидѣтельствъ о литургіи того времени, извлеченныхъ изъ сочиненій Св. Златоуста. Этимъ сравненіемъ авторъ очерка заканчиваетъ исторію литургіи во второй ея періодъ отъ III-го до IV-го вѣка.

Съ шестаго вѣка судьба восточной литургіи видимо отдѣляется отъ судьбы литургіи западной и какъ бы локализуется. На Западѣ, благодаря трудамъ Амвросія Медиоланскаго, папъ Льва и Геласія, устанавливается также свой особенный типъ литургіи, который поглощаетъ мѣстныя національныя ея формы, и, подъ именемъ литургіи Римской, господствуетъ на всемъ Западѣ до реформации. Это обособленіе оказало вліяніе на разработку исторіи литургіи восточной за этотъ періодъ времени. Западные ученые, по естественному сочувствію къ судьбѣ своего роднаго богослуженія и по особенному отношенію литургіи римской къ реформации, обращаютъ свои изслѣдованія преимущественно на изученіе литургіи римской и оставляютъ безъ вниманія судьбы восточнаго типа. Сами нѣмецкіе ученые сознаются, что для нихъ нѣтъ непосредственнаго интереса слѣдить за судьбою восточной литургіи, послѣ того какъ прекратилось ея отношеніе къ литургіи западной и эта послѣдняя пошла своимъ особеннымъ историческимъ путемъ. Ссылаемся на Клифота, который, ограничивая свое изученіе восточной литургіи ея редакціею въ апостольскихъ постановленіяхъ, прямо сознается, что для протестантскаго историка нѣтъ практическихъ побужденій заниматься дальнѣйшимъ ходомъ литургіи на Востокѣ, потому что судьба протестантскаго богослуженія не связана органически съ этою послѣднею (Liturg. Abhandl. B. 1. S. 5 ff. ср. B. II. S. 118). Здѣсь не мѣсто рѣшать вопросъ, насколько научно подобное отношеніе къ дѣлу; скажемъ только, что оно заявлено и слѣдовательно имѣетъ за себя извѣстныя основанія. Счастливое исключеніе изъ этого правила представляетъ сочиненіе Гасса. Мистика Николая Кавасилы (Die Mystik des Nikolaus Cabasilas. Greifswald. 1849), но и оно касается нашего предмета лишь

стороною и отчасти. Оно преслѣдуетъ не историко-литургическія задачи, а слѣдитъ за ходомъ церковнаго ученія на Востокъ, въ средневѣковой періодъ, и для этой цѣли обращается къ греческой литургіи и ея толкованію у отцевъ восточныхъ, начиная съ Діонисія Ареопагита до Симеона Солунскаго и Николая Кавасилы, послѣднихъ представителей греческаго богословскаго образованія временъ упадка имперіи. Ихъ-то истолковательные труды по части богослуженія и служатъ главнымъ источникомъ для исторіи литургіи этого времени (Толкованія ихъ собраны и изданы въ русскомъ переводѣ). Но историческій элементъ въ этихъ сочиненіяхъ совершенно подчиненъ цѣлямъ истолковательнымъ: названные нами отцы заняты объясненіемъ существующихъ формъ богослуженія, ихъ мистическаго значенія, не обращая вниманія на историческія условія ихъ образованія. Чтобы воспользоваться трудами восточныхъ толкователей для исторіи литургіи, нужно высвободить заключающійся въ нихъ историческій матеріалъ изъ его экзегетической рамки, выдѣлить его и дать ему самостоятельное значеніе. Авторъ очерка литургіи такъ и поступилъ: онъ воспользовался нужными для его дѣла данными, здѣсь заключающимися, и представилъ на основаніи ихъ связный историческій очеркъ литургіи за этотъ періодъ, — показалъ, какія новыя стороны произошли въ нее и какъ видоизмѣнились прежнія. Дальнѣйшая судьба восточной литургіи тѣсно связывается съ исторіей богослуженія въ Россіи и въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе для отечественной археологіи и исторіи. Вмѣстѣ съ другими формами своей церковно-религіозной жизни, Византія дала намъ и свою литургію. Съ этой литургіи началось первое знакомство еще некрещеной Руси—въ лицѣ пословъ Владиміровыхъ—съ православною вѣрою и православными обрядами восточной церкви. Эта литургія сдѣлалась священнымъ достояніемъ и православной Россіи. Спрашивается: имѣла ли литургія на Руси свою исторію, передана ли она была намъ въ прочно установившейся, такъ сказать, нормальной, законченной формѣ, или подвергалась и у насъ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ своемъ составѣ? На этотъ вопросъ нашей церковной практики авторъ Очерка отвѣчаетъ въ своемъ послѣднемъ отдѣленіи исторіи литургіи отъ IX до XIV вѣка, хотя, надо сказать, отвѣчаетъ кратко, и не изчерпываетъ всѣхъ подробностей дѣла. Изъ сравненія рукописныхъ литургій XII—XIV вѣка онъ фактически подтверждаетъ ту мысль, что въ нѣкоторыхъ несущественныхъ частяхъ своихъ (проскомидіи и заключительныхъ литургійныхъ молитвахъ), литургія этого времени еще обнаруживала колебаніе и разности, которыя усложнялись тогдашнимъ обычаемъ писать литургійныя молитвы въ служебникахъ не сполна, а только обозначать первыя слова возгласовъ, молитвъ и пѣснопѣній. Это колебаніе въ несущественныхъ подробностяхъ нашего устава литургіи авторъ ограничиваетъ, хотя и условно, изданіемъ устава Константинопольскаго патріарха Филовея и перенесеніемъ этого устава въ Россію. Эти измѣненія, конечно, неважны сами по себѣ,—они не мотивировались какими нибудь догматическими соображеніями; это, конечно, не та обширная работа на поприщѣ литургіи, какую представляетъ намъ третій и четвертый

вѣкъ,—во многихъ случаяхъ эти разности сводятся къ разнообразію литургійныхъ списковъ: но они важны для насъ какъ матеріаль для богослужебной практики того времени по своему отношенію къ расколу и даютъ историческую почву для борьбы съ нимъ. Они указываютъ сами собою на разность тогдашней литургической практики, хотя бы то были разности въ неважномъ и несущественномъ, хотя бы дѣло шло не о нѣсколькихъ молитвахъ проскомидіи или о порядкѣ отпуста, а о троекратномъ или однократномъ произнесеніи аллилуіа послѣ Апостола, о разности въ нѣсколькихъ словахъ священническаго возглашенія, или о другой какой варіаціи. Но для насъ эти мелочи важны и сто́ятъ серьезнаго изученія въ интересѣ историческомъ и полемическомъ. Разумѣется, авторъ очерка не имѣлъ въ виду полемическихъ задачъ, а коснулся взятаго имъ вопроса лишь въ той мѣрѣ, сколько было нужно для характеристики состоянія тогдашней литургіи по письменнымъ памятникамъ XII—XIV вѣка. Онъ обратилъ вниманіе на судьбу устава литургіи въ его наиболѣе важныхъ и выдающихся чертахъ; но онъ уже тѣмъ самымъ сдѣлалъ доброе дѣло, что сталъ на эту важную почву и принялъ трудъ охарактеризовать въ общихъ чертахъ сущность тѣхъ измѣненій, которыя испытала литургія въ нашемъ церковномъ употребленіи. Специальное изслѣдованіе этого интереснаго вопроса, въ связи съ общимъ строемъ тогдашней богослужебной практики въ Россіи, можетъ быть предметомъ не журнальной статьи, но солидной ученой монографіи. Этого послѣдняго названія, конечно, нельзя дать статьѣ г. Катанскаго, но мы смѣло укажемъ на нее какъ на прекрасный опытъ общеинтереснаго и общедоступнаго изложенія судьбы христіанской литургіи отъ ея начала до позднѣйшей законченной формы. Ею могутъ съ благодарностію воспользоваться какъ знакомые, такъ и незнакомые съ исторіею Богослуженія православной восточной Церкви.

И. МАНСВЕТОВЪ.

Ravenna. Eine kunstgeschichtliche Studie von Dr. Rud. Rahn.—
Leipzig. 1869.

Брошюра г. Рана есть отдѣльный оттискъ его статьи, помѣщенной въ журналъ Цана «Jahrbücher für Kunstwissenschaft». Предметъ ея—Равенна, городъ, рѣдко посѣщаемый путешественниками по Италіи. А между тѣмъ съ этимъ городомъ связано много историческихъ воспоминаній; кромѣ того онъ представляетъ особенный, исключительный интересъ по своимъ памятникамъ искусства. Нѣтъ другаго города, въ которомъ бы отъ V, VI и VII вѣковъ осталось столько замѣчательныхъ произведеній по архитектурѣ, скульптурѣ и живописи. Памятники Рима того же времени подвержены или разрушенію, или произвольному обновленію, которое часто скрываетъ отъ насъ характерныя черты ихъ первоначальнаго вида. Тѣмъ не менѣе нельзя

отвергать важности Рима для истории древне-христианского искусства, и оба города взаимно дополняют друг друга и представляют главные источники для изучения христианской археологии на Западѣ. Катакомбы и здания временъ Константина въ Римѣ даютъ изслѣдователю матеріалъ для самой ранней эпохи христианского искусства. Но далѣе для изучения V—VII вѣковъ ученый долженъ обратить все свое вниманіе на Равенну. Уже съ конца III в. Діоклитіанъ и его преемники оставляютъ Римъ, и Никомидія, Антиохія, Миланъ и Триръ попеременно дѣлаются резиденціями императоровъ и вмѣстѣ кратковременнымъ центромъ усиленной художественной дѣятельности. Искусство въ Римѣ замѣтно падаетъ. Еслибы мы имѣли возможность возстановить римскія базилики въ ихъ первоначальномъ видѣ, то мы увидали бы неправильность ихъ плана, небрежность въ кладкѣ стѣнъ, открытый стропильный потолокъ, дисгармонирующій съ золотымъ блескомъ мозаикъ, и отсутствіе сводовъ тамъ, гдѣ они были необходимы по самой архитектурной задачѣ. Уже со временъ Константина стали употреблять въ Римѣ античныя колонны, карнизы и другіе фрагменты изъ разрушенныхъ языческихъ храмовъ,—брали случайно попавшееся подъ руки, не стѣсняясь тѣмъ, что архитектурныя части, взятые изъ разныхъ зданій, противорѣчили другъ другу и не согласовались съ цѣльностью плана и расположеніемъ новаго зданія.

Равенна драгоцѣнна для археолога тѣмъ, что ея зданія представляютъ единство общаго и частныхъ,—всѣ подробности прямо выработаны для извѣстной постройки,—и здѣсь-то открываются ясно архитектурныя идеи трехъ столѣтій, господствовавшія въ той части Италіи, которой принадлежала довольно видная роль въ исторіи этихъ вѣковъ.

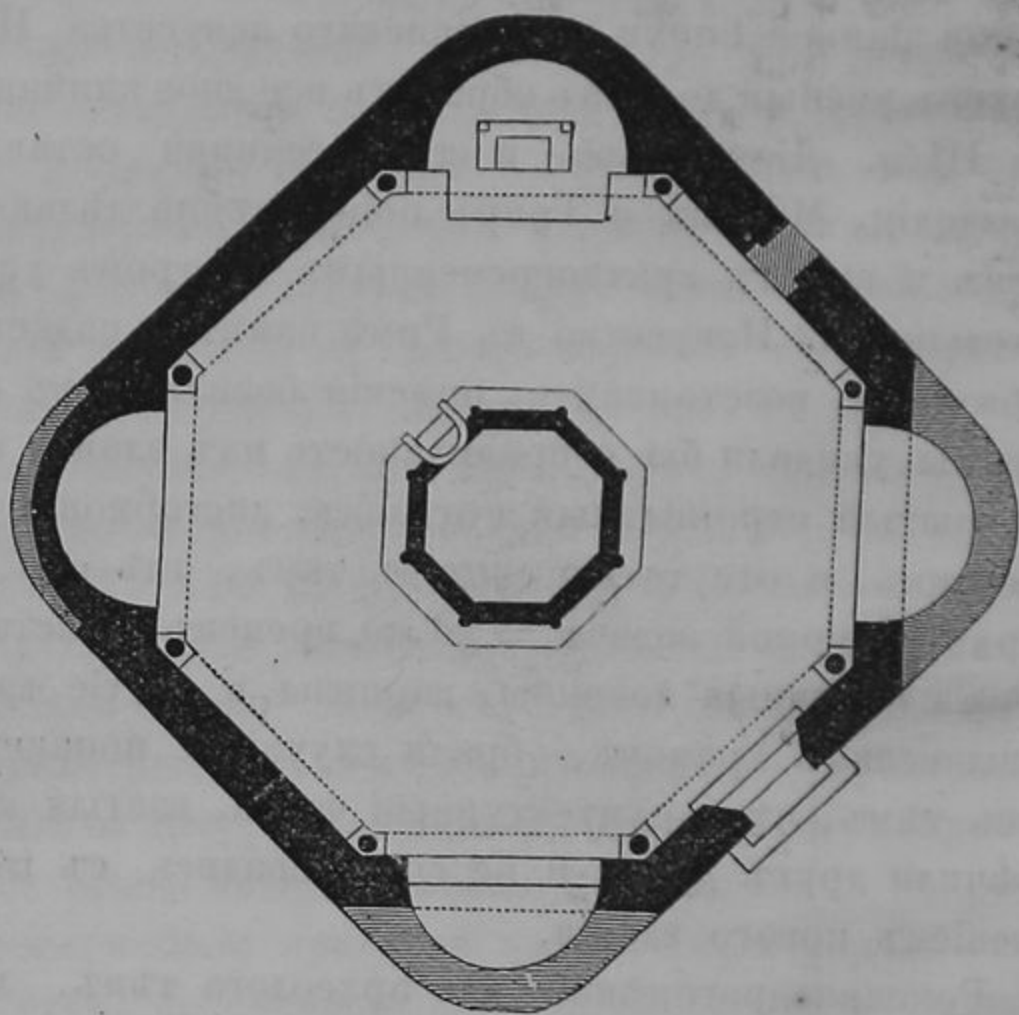
Недолго былъ Миланъ резиденціей императора. Походъ Алариха въ 403 году заставилъ Гонорія перенести свою столицу изъ Милана въ Равенну, военную гавань древняго Рима, городъ, защищенный и природой и искусствомъ.

Въ началѣ V вѣка язычество было еще сильно въ Римѣ, а Равенна была уже совершенно христианскимъ городомъ.—Есть положительныя извѣстія о постройкѣ церквей въ Равеннѣ еще до перенесенія туда резиденціи. Но, къ сожалѣнію, отъ нихъ осталось не много слѣдовъ.—Изъ хорошо сохранившихся памятниковъ первое мѣсто по времени принадлежитъ равенскому баптистерію (православныхъ, или св. Іоанна на Источникѣ). Постройка отдѣльныхъ крещаленъ или баптистеріевъ стоитъ въ связи съ древнехристианскими обрядами крещенія. Крестили взрослыхъ чрезъ погруженіе при многочисленныхъ зрителяхъ. Самой удобной и потому употребительной формой крещаленъ было центральное, купольное или многостороннее зданіе. Образцомъ служили многія римскія постройки.

Раскопки, недавно произведенныя инженеромъ Ланчіани, возстановили первоначальную форму зданія. (Rossi, Bull. di Arch. cr. 1866, стр. 77 и слѣд.). Но по описанію г. Рана нельзя составить вѣрнаго понятія о планѣ, какимъ онъ открывается послѣ раскопокъ. «Планъ, говоритъ онъ, обра-

зуеть осьмиугольникъ съ четырьмя полукруглыми выступами и двумя входами на западныхъ діагональныхъ сторонахъ». Эта осьмиугольная форма была видна только внутри зданія (и вѣроятно въ верхнемъ ярусѣ снаружи), тогда какъ наружная представляетъ четырехсторонникъ съ закругленными углами. Такой переходъ одной мегеотрической фигуры въ другую встрѣчается нерѣдко въ равенскихъ зданіяхъ въ особенности въ устройствѣ абсидъ. Отсюда внѣшняя форма баптистерія принимаетъ совсѣмъ не тотъ видъ, какой данъ ему, напр. въ изданіи Гюбша (*), вышедшемъ прежде открытія Ланчѣани. Въ изданіи Гюбша почти неразчлененное высокое зданіе имѣетъ видъ башни. Между тѣмъ первоначально четырехсторонній нижній ярусъ переходилъ съ помощію выступовъ въ шестиугольный верхній, и такимъ образомъ являлось—любимое и въ центральныхъ зданіяхъ—извѣстное отношеніе высокаго главнаго корабля къ боковымъ (**). Внутри аркады раздѣляютъ стѣны на два яруса. Мозаики украшаютъ сводъ и стѣны. Г. Ранъ даетъ подробное описаніе этихъ мозаикъ и прилагаетъ къ своей брошюрѣ литографическій рисунокъ одной части мозаикъ, начиная отъ средняго изображенія на сводѣ до капителей колоннъ нижнихъ аркадъ.

Во второй четверти V вѣка художественная дѣятельность въ Равеннѣ связана съ именемъ дочери Θεодосія Великаго, Галлы Плакидіи. Прекрасно сохранившійся памятникъ этой эпохи—церковь Назарія и Кельсіа, усыпальница, воздвигнутая Галлой Плакидией. Планъ церкви представляетъ латинскій крестъ. Раскопки Ланчѣани указали отношеніе этой усыпальницы къ базиликѣ св. Креста (S. Crucis), построенной Галлой и также въ видѣ креста. Базилика имѣла съ западной стороны широкій притворъ (narthex); къ южному концу притвора непосредственно примыкалъ притворъ усыпальницы Плакидіи, теперь не существующій. — Внутренность церкви Назарія и Кельсіа, при отсутствіи архитектурнаго разчлененія, производитъ своими мозаичными украшеніями и распредѣленіемъ свѣта сильное и оригинальное

(*) Гюбшъ, die altchristlichen Kirchen, T. XV, 2.

(**) Ueber den Ursprung und die Entwicklung des christlichen Central und Kuppelbaues von J. Rud. Rahn, S. 50.

впечатлѣніе. Тутъ нѣтъ столько свѣта и пестраго разнообразія цвѣтовъ, какъ въ баптистеріи; напротивъ, слабое освѣщеніе и мягкій тонъ красокъ возбуждаютъ мистически-торжественное настроеніе, соотвѣтствующее характеру гробницы.—По поводу саркофага Галлы Плакидіи Ранъ эпизодически говоритъ о саркофагахъ, алтаряхъ и другихъ произведеніяхъ архитектуры и скульптуры вмѣстѣ. Изображенія на саркофагахъ даютъ намъ почти единственный случай изучать древнехристіанскую пластику. Употребительная еще въ древности форма храма принадлежитъ и христіанскимъ саркофагамъ. Четырехугольный гробъ, архитектурноически разчлененный пиластрами или полуколоннами, накрывается крышей въ видѣ кровли сводомъ или съ прямолинейнымъ фронтономъ. Монограммы и символическіе знаки украшаютъ каменные гробы. Символическій элементъ преобладаетъ и въ библейскихъ сценахъ. Сцены и фигуры отдѣлены другъ отъ друга архитектурными деталями. Равенна сохранила не мало образцовъ саркофаговъ и алтарей. Рельефы саркофаговъ повторяются въ сокращенномъ видѣ и въ украшеніи алтарей. Замѣчательна ихъ форма. Она соотвѣтствуетъ значенію алтаря, какъ жертвеннаго стола на гробъ святыхъ или какъ раки-ковчегъ, заключающаго частицы мощей. Четыре подставки поддерживаютъ горизонтальную доску стола, а все вмѣстѣ представляетъ шкапъ, котораго боковыя стороны по большей части закрыты тонкими мраморными или алебастровыми пластинками.—Амвоны и каѳедры Равенны были также предметомъ изученія Рана, и читатель найдетъ въ его книгѣ изображеніе одного рельефа и архитектурныхъ деталей этихъ памятниковъ древняго христіанства.

Продолжая описаніе памятниковъ архитектуры въ хронологическомъ порядкѣ, авторъ останавливается на мозаикахъ капеллы епископскаго дворца (439—450).

Послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій, неблагопріятныхъ для искусства въ Равеннѣ, царствованіе Θεодориха (492—525) снова даетъ поощреніе художественной дѣятельности. Θεодорихъ не только защитилъ отъ разрушенія памятники древности, но и украсилъ новыми постройками Верону, Павію, Сполето, Террачину, и Равенна преимущественно передъ другими городами сдѣлалась мѣстомъ предпріятій въ области искусства. Потребность въ церк-вахъ вызвала значительное число новыхъ зданій.

Новый баптистерій—крещальня аріанская—былъ построенъ по образцу древнѣйшаго. Сходство это недавно было доказано раскопками (Lanciani въ Bull. Rossi, I. с.). Изъ четырехъ сторонъ осьмиугольника крестомъ выступаютъ экседры; купольный сводъ лежитъ на глухихъ аркахъ. Мозаичныя украшенія въ общемъ составляютъ тоже подражаніе мозаикамъ православной крещальни.

Самая большая изъ аріанскихъ базиликъ, построенныхъ Θεодорихомъ, св. Мартина (in coelo augeo) прекрасно сохранилась до нашего времени. Съ IX вѣка она носитъ названіе базилики Аполлинарія Новаго. Богатство украшеній и близость этой базилики къ дворцу заставляютъ предположить,

что она была придворной королевской церковью. Средний корабль представляет рядкий примѣръ внутреннихъ украшеній древнехристіанскихъ церквей. Двадцать четыре колонны проконезскаго мрамора раздѣляютъ церковь на корабли. Мраморныя капители и надставки—чисто византійской формы. Пиластры на узкихъ сторонахъ базилики, соотвѣтствующія рядамъ колоннъ, являютъ рядкій въ Равеннѣ образецъ капителей съ фигурами: быки на колоннахъ занимаютъ мѣсто угловыхъ завитковъ (волютъ). Арки и карнизъ надъ ними представляютъ антикизированное сопоставленіе трехчастныхъ архитравовъ, зубцовъ, ячечъ и листовыхъ карнизовъ. Украшенія превосходно исполнены и носятъ кромѣ того слѣды первоначальной позолоты и раскраски.

Большой циклъ мозаикъ покрываетъ стѣны средняго корабля. Между архивольтами и окнами процессіи святыхъ мужей и женъ, въ соотвѣтствіи раздѣленія половъ въ церкви (*pars virorum* и *pars mulierum*). Съ одной стороны каждой изъ двухъ процессій—изображеніе равенской гавани (*Classis*) и дворца; съ другой—Богородица съ Христомъ и волхвами, и Христосъ на престолѣ между 4 ангелами; правой рукой Онъ благословляетъ, а въ лѣвой держитъ загадочный сосудъ.

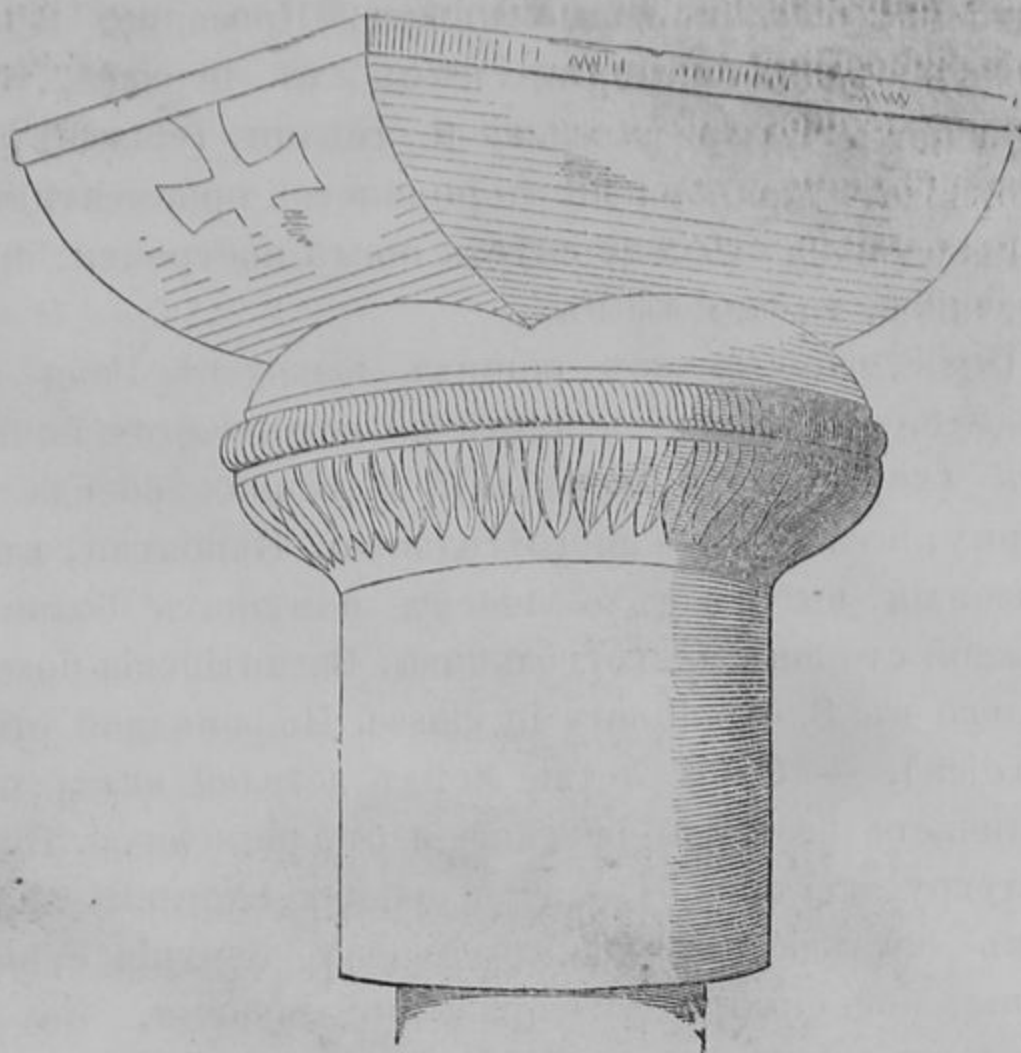

Выше, между окнами и потолкомъ въ малыхъ квадратахъ съ той и другой стороны по 13 сценъ изъ Новаго Завѣта. Двѣ стороны соотвѣтствуютъ двумъ цикламъ: одинъ относится къ проповѣди и чудесамъ Іисуса Христа, другой—къ Его страданіямъ. Въ пользу древности этихъ мозаикъ говоритъ отсутствіе изображенія распятія (*), вознесенія и сошествія Св. Духа. На лѣвой сторонѣ проповѣди и чудеса—Христосъ юный; а на правой страданія—съ бородой. Эти послѣднія мозаики, по мнѣнію Рана, принадлежатъ аріанскому періоду, тогда какъ нижніе ряды, процессіи, исполнены были въ половинѣ VI в., по обращеніи базилики изъ аріанской въ православную.

Ранъ даетъ въ своей брошюрѣ изображеніе дворца съ мозаикъ средняго корабля Аполлинарія Новаго и сравниваетъ его съ остаткомъ зданія, извѣстнаго теперь подъ именемъ дворца Θεодорика. Изображеніе на мозаикѣ указываетъ на знакомство мозаичиста съ равенскими постройками; но видно что этотъ послѣдній не копировалъ существовавшаго дворца, а создалъ фантастическое зданіе, на основаніи извѣстныхъ данныхъ. Часть сохранившагося фасада не имѣетъ почти ничего общаго съ мозаикой. Ранъ даетъ много деталей въ типажахъ своей брошюры. Византійское вліяніе очевидно въ обработкѣ листьевъ на капителяхъ пиластровъ; оно проявляется въ ихъ геометрической композиціи, въ правильномъ паденіи и встрѣчѣ концовъ листьевъ, въ ихъ негибкой и сухой формѣ. Интересна

(*) Древнѣйшее изъ доселѣ извѣстныхъ находится въ флорентійской рукописи Рабуанъ, 526 г.

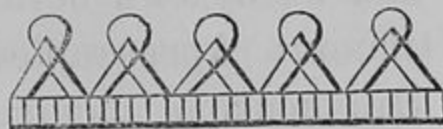
капитель трибуны, сильно напоминающая индвйскую архитектуру. Эта капитель, изсѣченная изъ одного куска, представляетъ три различные члена: вертикальная шейка, образующая продолженіе ствола колонны, сильно выступаетъ и переходитъ въ сдвленный шаръ, на верху котораго консольная надставка поддерживаетъ двойную арку окна.

Въ сохранившемся фасадѣ Ранъ видить остатокъ задней части дворца: архитектура представляетъ тутъ только

фальшивыя окна, кладка небрежная, для деталей взяты случайно попавшіяся архитектурныя части; между тѣмъ какъ мозаика представляетъ главный фасадъ дворца, хотя и не въ точной копій.

Византійское вліяніе сказалось отчасти въ другомъ замѣчательномъ памятникѣ временъ Θεодорика, въ его ротундѣ—мавзоль. Авторъ нашей брошюры подвергъ ученому анализу всѣ сохранившіяся детали этого зданія. Употребленіе трехчетвертныхъ валиковъ въ соединеніи съ скоціей (желобкомъ) на дверяхъ, грецизированные листья на консоляхъ и форма двойныхъ капителей указываютъ на Византію. Сравненіе карниза мавзолея съ золотымъ «вооруженіемъ» Одоакра (*) убѣждаетъ въ древнегерманскомъ вліяніи. Общее

памятника, его главныя архитектурныя части (**),—наслѣдіе классической римской архитектуры; въ орнаментикѣ очевидно вліяніе древнегерманскаго преданія. Мысль—покрыть зданіе громаднымъ куполомъ, монолитомъ, могла принадлежать только юношеской силѣ варварскаго народа.

Одновременно съ аріанскими постройками возникали и православныя; многія изъ нихъ были окончены до завоеванія Равенны въ 540 году. Но этимъ послѣднимъ не доставало поддержки со стороны аріанскихъ королей: онѣ воздвигались на средства, данныя епископами и частными людьми. Постройка многихъ православныхъ церквей приписывается Юліану Аргентарію. Былъ ли онъ самъ архитекторъ, строитель или только ктиторъ—

(*) Клещевидный орнаментъ и рисунокъ зигзагомъ.

(**) Напр. периптеросъ,—Ранъ открылъ несомнѣнные признаки сего существованія.

вопросъ остается нерѣшеннымъ. Прозвище Аргентарій относятъ къ его должности казначея равеннскихъ церквей. Въ построенной имъ церкви Аполлинарія въ равеннской гавани (classis), встрѣчается орнаментъ, очень употребительный въ романской орнаментикѣ. Ея интересныя мозаики, исполненныя столѣтіе спустя послѣ постройки, принадлежатъ къ послѣднимъ равеннскимъ мозаикамъ.

Вотъ главные изъ общихъ выводовъ Рана о равеннскихъ базиликахъ. Въ этихъ базиликахъ нигдѣ не встрѣчается поперечнаго корабля и эмпоріевъ (хоръ вдоль корабля). Алтарная абсида внутри имѣетъ круглую форму, а снаружи—многоугольную. Вѣроятно, въ этомъ проявилось вліяніе Византіи вмѣстѣ съ обычаемъ помѣщать большія дугообразныя окна на каждой сторонѣ многоугольника. Византійскія боковыя трибуны встрѣчаются только въ S. Apollinare in classe. На западной сторонѣ находится притворъ (ardica). — Соотвѣтствіе всѣхъ деталей между собою и съ общимъ зданіемъ отличаетъ базилики равеннскія отъ римскихъ. На колонны вездѣ опираются полукруглыя арки. Трапецидальная наставка надъ капителями объясняется какъ наслѣдіе древняго архитрава. Верхнія стѣны средняго корабля снабжены большими дугообразными окнами. За исключеніемъ памятника Θεодориха, всѣ зданія Равенны построены изъ кирпича. Снаружи украшеніемъ стѣнъ служатъ глухія аркады, которыя окружаютъ окна съ помощію мало выступающихъ лезенъ. Кирпичный карнизъ довершаетъ украшеніе внѣшнихъ стѣнъ. Онъ состоитъ изъ разнообразно сложенного кирпича то горизонтально, то вертикально, иногда опирается на консоли и производитъ превосходный эффектъ свѣта и тѣни.

Форма равеннскихъ колоколенъ, за немногими исключеніями, круглая. Колокольни вмѣстѣ съ колоколами вошли въ употребленіе въ VII вѣкѣ, между тѣмъ какъ башни ихъ начали строить еще въ VI-мъ.

Мы не будемъ останавливаться на описаніи другаго храма, построеннаго Юліаномъ Аргентаріемъ, церкви св. Виталія (526—547) (*).

Эта церковь занимаетъ очень важное мѣсто въ развитіи центральныхъ и купольныхъ зданій. Замѣтимъ только, что новыя раскопки подтверждаютъ древность не симметричнаго расположенія притвора (Гюбшъ опустилъ его въ своемъ планѣ и разрѣзѣ).

По поводу церкви св. Виталія нашъ авторъ опредѣляетъ византизмъ въ искусствѣ и его отношеніе къ этой церкви. Византійское искусство въ собственномъ смыслѣ, есть то направленіе, которое начало развиваться во время Константина Великаго, на основѣ античнаго искусства, но съ примѣсью извѣстныхъ восточныхъ элементовъ, и достигло во время Юстиніана своего высшаго развитія, соотвѣтствующаго духу и потребностямъ христіанства.

(*) Описаніе и изображеніе см. у Кваста, Гюбша, и на русск. яз. въ Сборникъ изъ 1866 года, изд. Обществомъ Древне-русскаго искусства, критика и библіографія, стр. 15 и въ Руководствѣ къ ист. искусства Куглера, перев. Корша, ч. 1-я, стр. 242.

Главный элементъ византійской архитектуры—куполь—ведетъ свое начало изъ классической древности, изъ любви Римлянъ къ сводамъ. Въ первый разъ величественно проявился онъ въ римскомъ Пантеонѣ. Дальнѣйшее развитіе его мы встрѣчаемъ въ Миланѣ, въ церкви S. Lorenzo и S. Vitale въ Равеннѣ. Современная S. Vitale церковь Сергія и Вакха въ Константинополѣ представляетъ тоже центральное расположеніе, но куполь выходитъ не изъ многоугольника, какъ въ Равеннѣ, а изъ квадрата. Упрощеніе и уничтоженіе многоугольной и круглой формъ, мало соответствующихъ христіанскимъ обрядамъ, дѣлается предметомъ стремленій восточной архитектуры, и храмъ Софіи въ Константинополѣ является блестящимъ рѣшеніемъ этой задачи. На квадратной основѣ, поддерживаемый только четырьмя мощными столбами, смѣло возвышается куполь. На Востокъ и на Западъ нѣкоторое время продолжаютъ строить полукруглые выступы,—послѣднее воспоминаніе о римскомъ происхожденіи центрального зданія. Но затѣмъ еще во время Юстиніана, экзедры замѣняются коробовыми сводами, которые крестомъ примыкаютъ къ четыремъ главнымъ аркамъ, поддерживающимъ куполь. Эта-то форма, исключительно восточная, и есть типъ византійской церковной архитектуры, которая живетъ доселѣ въ постройкахъ грековосточныхъ храмовъ. Расположеніе церкви Св. Виталія нисколько не византійское,—это есть переходная форма отъ римскихъ зданій къ зданіямъ византійскимъ.

Что касается до деталей S. Vitale и большей части равеннскихъ базиликъ, то онѣ отступаютъ отъ современныхъ имъ формъ западнаго происхожденія и исполнены изъ греческаго мрамора. Въ V и VI вв. каменоломни Италіи были позабыты, и всѣ архитектурныя детали готовыми привозились въ Равенну изъ Проконеза (*).

На Востокъ еще были цѣлы въ то время произведенія классической Греціи, Константинополь изобиловалъ памятниками античнаго искусства, привезенными изъ ограбленныхъ провинцій. Византійское искусство грецизируетъ детали, и греческій акантъ, отличающійся отъ римскаго, замѣтенъ въ орнаментѣ равеннскихъ капителей.

Г. Ранъ заключаетъ свой этюдъ краткимъ обзоромъ исторіи паденія архитектурной дѣятельности въ Равеннѣ, описаніемъ современнаго состоянія этого города и желаніемъ, чтобы другіе изслѣдователи дополнили на мѣстѣ тѣ пропуски, которые онъ легко могъ сдѣлать при своемъ кратковременномъ пребываніи въ Равеннѣ.

В. Виноградскій.

(*) Теперь островъ Мармора на Мраморномъ морѣ.

Jthaque. Le Péloponnèse. Troie. Recherches archéologiques par Henry Schliemann. Paris 1869. p. 239 in. 8.

Громкое прибавленіе къ заглавію словъ: «археологическія розысканія» заставило насъ съ восторгомъ приняться за чтеніе этого сочиненія. Мы должны были предположить, что тридцать слишкомъ вѣковъ, протекшіе съ того времени, какъ эти мѣста были поприщемъ историческихъ дѣйствій, обогатились еще неизвѣстнымъ вкладомъ автора настоящаго сочиненія. Но мы жестоко ошиблись! Авторъ-энтузіастъ, съ Гомеромъ въ рукахъ, совершилъ свое путешествіе по островамъ Корфу, Кефалоніи, Итакѣ, былъ въ Коринѣ, Микенахъ, на берегу Малой Азіи. Всѣ археологическіе его труды ограничились отысканіемъ на самыхъ мѣстахъ предполагаемаго путешествія Улисса, тѣхъ описаній, которыя съ точностію представляетъ Гомеръ въ своемъ безсмертномъ твореніи. Часто встрѣчающіяся выраженія у Гомера: ἥϊα δ' ἀρίγυντ', ἐστὶ καὶ ἄν παῖς ἡγήσαιο νῆπιος (легко признать и мальчикъ безсловесный довелъ бы) или ῥεῖα δ' ἀρίγυντ' ἐστὶ καὶ ἐν πολλοῖσιν ἰδέσθαι (легко признать и во множествѣ увидѣть) служатъ для нашего археолога путеводною нитью.

Высадившись на островъ Корциру, онъ безъ всякаго затрудненія, по указаніямъ Гомера (Одис. VI. 262—264), отыскиваетъ древній городъ *Θεακὸν* «Palaeopolis» на югѣ нынѣшняго города на островѣ (р. 3. Jthaque), между тѣмъ какъ вышеприведенное мѣсто изъ Одиссеи не даетъ никакихъ положительныхъ признаковъ существованія города до настоящаго времени. Общее описаніе, что около города высокая стѣна, хорошій портъ, тѣсный входъ, не даетъ еще права предполагать именно въ назначаемомъ авторомъ мѣстѣ городъ, описываемый Гомеромъ.

Далѣе на ст. 8 авторъ съ тою же увѣренностію находитъ въ серединѣ рѣки плоты (lavoirs), въ которыхъ Навзикая съ служанками полоскала бѣлье и сушила его на окружающихъ эту мѣстность камняхъ. Какъ ни трогательно описаніе усилій автора открыть на самомъ островѣ мѣсто событій V-й и VI книгъ странствованія Одиссеи, но оно бездоказательно, пока будетъ основано на однихъ фразахъ: „la situation répond parfaitement à la description d' Homère (p. 8) или la localité est décrite dans ce passage avec une telle précision, qu' il n' y a pas moyen de se tromper. Одной «наглядности» мало для археологическихъ изслѣдованій; поразительное сходство извѣстной мѣстности съ предлагаемымъ описаніемъ изъ сочиненій Гомера не можетъ еще дать этой мѣстности положительное историческое значеніе.

При этомъ невольно припоминается вѣрное замѣчаніе одного ученаго, что всякая попытка согласить гомерическія преданія объ островѣ Корцирѣ съ позднѣйшею географіею приводитъ къ неразрѣшимымъ трудностямъ (*).

(*) Real lexicon des clas. Alterth. von Lubker. Leipzig 1867, подъ словомъ «Scheria».

Но авторъ не находитъ такихъ трудностей въ своемъ археологическомъ путешествіи, для него не существуютъ несогласимыя мнѣнія и касательно гомерическаго описанія мѣстности острова Итаки. По той же дорогѣ, какой, по Гомеру (од. XXIV 205-207), слѣдовали Улиссъ и Телемахъ, достигаетъ онъ Лаѣртскаго поля (р. 40). Здѣсь, окруженный жителями, онъ громко читаетъ имъ стихи Гомера (Од. 205-412), о встрѣчѣ престарѣлаго царя Лаерта съ дорогимъ сыномъ Улиссомъ послѣ 20 лѣтней разлуки. Глаза предстоящихъ наполняются слезами при этомъ чтеніи; мущины, дѣти спѣшатъ обнимать восторженнаго чтеца и несутъ съ тріумфомъ въ деревню (р. 42). По нашему мнѣнію въ разсматриваемой книгѣ нѣтъ археологическихъ изысканій, а только живое сочувствіе автора къ пѣснямъ Гомера и неподдѣльный наивный рассказъ о его личныхъ впечатлѣніяхъ, возбужденныхъ позднимъ изученіемъ древности среди коммерческихъ дѣлъ. Приведенныя мѣста изъ сочиненія Гомера пріятно напоминаютъ молодые годы читателю, а поэтическая фантазія автора невольно переноситъ въ „предполагаемыя“ мѣста. Сочиненіе обращаетъ на себя вниманіе не какъ археологическое ученое изслѣдованіе, а только какъ увлекательный рассказъ личныхъ впечатлѣній путешественника по классическимъ мѣстамъ древней Греціи.

Вл. Ведровъ.

Bibliographia geographica Palaestinae. Zunächst kritische Uebersicht gedruckter und ungedruckter Beschreibungen der Reisen ins heilige Land von Titus Tobler. Leipzig. 1867. стр. 265. 8.

Новый трудъ извѣстнаго изслѣдователя географіи и топографіи Палестины представляетъ самое полное обзорѣніе литературы путешествій въ св. Землю. Онъ потребовалъ отъ автора много труда, путешествій изъ одной страны въ другую и изысканій въ знаменитѣйшихъ книгохранилищахъ Европы. Съ этою цѣлію посѣтилъ онъ не только главныя библіотеки Германіи, но и библіотеки Италіи и Рима, Лондона, Парижа и преимущественно Швейцаріи, родины автора. Въ этой послѣдней странѣ библіотеки въ Базелѣ и Сентъ-Галленѣ доставили ему обильный матеріалъ. Главною цѣлію его было собрать свѣдѣнія не только о всѣхъ напечатанныхъ путешествіяхъ въ св. Землю, но и о всѣхъ паломничествахъ, хранящихся еще въ рукописяхъ. Такимъ образомъ онъ знакомитъ насъ съ литературою путешествій по Палестинѣ, изученіе которой требуетъ цѣлой жизни. Какъ онъ самъ нѣсколько разъ посѣтилъ Палестину, чтобы сознательно изложить свои изслѣдованія, такъ точно онъ старался лично ознакомиться со всякимъ сочиненіемъ, касающимся этой страны, не только чтобы убѣдиться въ его существованіи, но и правильно занести въ свой трудъ его заглавіе

и указать его достоинства или недостатки. — Это трудъ чисто ученый, чрезвычайно драгоценный не только для библиографовъ, но и для специалистовъ. Тридцать лѣтъ употребилъ на него авторъ и онъ остается еще не увѣренъ въ его полнотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ книгѣ Тоблера нѣмецкая литература этого предмета изложена съ большею полнотою. Напротивъ, англичанинъ, америкалецъ, французъ, итальянецъ, испанецъ, русскій и другіе найдутъ пробѣлы изъ своей литературы, которые должны быть извиняемы отсутствіемъ подобныхъ библиографическихъ трудовъ въ литературахъ этихъ народовъ. Послѣ небольшого обзора сочиненій, въ которыхъ уже представленъ опытъ библиографіи Палестины, авторъ дѣлитъ свой трудъ на три отдѣла. Въ первомъ излагаетъ онъ библиографію сочиненій очевидцевъ, на самомъ дѣлѣ посѣтившихъ св. Землю. Этотъ отдѣлъ, какъ важнѣйшій, снабженъ обширными критическими замѣчаніями. Въ списокъ внесены 1200 путешествій по св. Землѣ, и авторъ прочелъ эту громадную массу странствованій, печатныхъ и рукописныхъ. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены заглавія сочиненій тѣхъ лицъ, которыя, какъ дѣйствительно доказано, или еще только предполагается, знали Палестину не изъ личнаго обозрѣнія. Такихъ сочиненій авторъ насчитываетъ около 150. Въ этомъ отдѣлѣ замѣчанія рѣдки, потому что и самыя сочиненія не заслуживаютъ такого вниманія сравнительно съ трудами очевидцевъ. Въ третьемъ отдѣлѣ исчислены виды и карты этой страны. Книга оканчивается тщательно составленнымъ указателемъ.

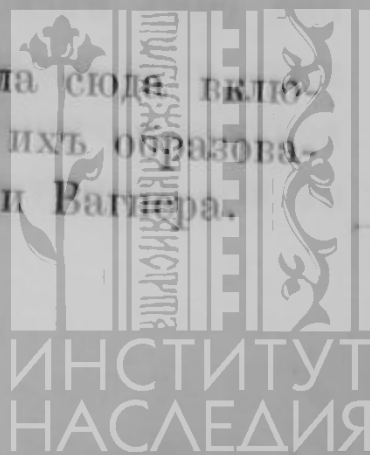
Этихъ немногихъ словъ достаточно, чтобы указать на важное значеніе новаго труда неутомимаго изслѣдователя Палестины. Онъ неогнѣнимъ во всѣхъ отношеніяхъ, и только человекъ, неутомимо ревностный и пламенно преданный наукѣ, хотя бѣдный и развлекаемый другими занятіями (авторъ по ремеслу врачъ въ Швейцаріи), могъ его совершить.

В. Ведровъ.

Hertha. Zeitschrift für Naturwissenschaft und Völkerkunde.
Herausgegeben von D-r. Friedrich Rolle. Erster Band, erstes
Heft. Frankfurt am Main. 1867.

Журналъ, первая тетрадь котораго предъ нами, предназначается для замѣчательныхъ новѣйшихъ успѣховъ естествознанія и народознанія. Особенное вниманіе обращаетъ редакція на Дарвинову теорію о происхожденіи видовъ въ царствѣ растений и животныхъ. Она дѣлаетъ изъ своего журнала центральный органъ для уразумѣнія и дальнѣйшаго изслѣдованія этой теоріи, какъ истиннаго образца къ пониманію растений, животныхъ и человека.

Неудивительно, что при такой широкой программѣ журнала сюда включено этнографическое изслѣдованіе „о древнихъ Этрускахъ, ихъ образованіи и происхожденіи“, съ рисункомъ изъ сочиненій Дениса и Вагнера.

На западномъ берегу средней Италіи, въ нынѣшней Тосканѣ и въ сосѣдней съ нею мѣстности, отъ устьевъ Тибра до Арно, проживалъ, въ доисторическое для Европы время, замѣчательный по своему образованію народъ Туски или Этруски, отъ Грековъ прозванный Тирренами. Темная сага у Геродота повѣствуетъ объ ихъ давнемъ переселеніи изъ Лидіи въ землю раннихъ обитателей Италіи—Умбровъ. Многіе древніе писатели повторяютъ Геродотовъ рассказъ. Только Діонисій Галикарнассскій противорѣчитъ этому и производитъ Этрусковъ отъ туземнаго народа Разеновъ. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, какъ Нибуръ, Момзенъ и др., склоняются къ послѣднему мнѣнію.

Значительная образовательная роль Этрусковъ, ихъ участіе въ римской культурѣ, которая съ распространеніемъ римскаго владычества глубоко повліяла на всю южную и среднюю Европу и еще продолжаетъ свое вліяніе понынѣ, придаютъ этрусскому вопросу разностороннюю привлекательность. Въ папствѣ нынѣшняго Рима, въ его уклоненіи отъ первоначальныхъ основъ христіанства, кроется неоспоримый слѣдъ этрусскаго господства жрецовъ и опеки надъ умомъ. Этрусскій элементъ было причиною того, что Римляне по большей части отличаются отъ другихъ Индогерманцевъ въ дѣлахъ государства и церкви. Такимъ образомъ объясненіе настоящаго положенія Италіи теряется въ отдаленной древности: *genetrix et mater superstitionis Etruria*. Изъясненіе историческихъ преданій, раскопка древностей, сравненіе древнѣйшихъ и новѣйшихъ искусствъ и обычаевъ, лингвистическія розысканія, изслѣдованія древнихъ череповъ изъ могилъ въ сравненіи съ черепами нынѣ живущихъ народовъ Италіи, освѣщаютъ нѣкоторыя стороны этой задачи.

Послѣ яснаго изложенія всѣхъ мнѣній и достаточной критической ихъ оцѣнки, авторъ статьи приходитъ къ слѣдующему выводу, на основаніи разнообразныхъ древнихъ извѣстій, новыхъ изъясненій и розысканій: Этруски очевидно былъ смѣшанный народъ отъ сліянія заморскихъ переселенцевъ и древняго туземнаго населенія. Вѣроятно семитическое азіатское племя подчинило своей власти индогерманское населеніе и постепенно слило его съ своею національнію. Чтеніе древне—этрусскихъ надписей и точное опредѣленіе формы этрусскихъ череповъ въ сравненіи съ черепами древнихъ и новыхъ народовъ Италіи и передней Азіи, могутъ еще въ будущемъ дать послѣднее вѣрное рѣшеніе предложенной задачи.

В. Ведровъ.

Chronologie des Manetho. Von Georg Friedrich Unger. Berlin. 1867. 360 стр.

Это сочинение совершенно специальное, филолого-историческое изыскание и объяснение 30 династий египетских царей. Манетонъ, египтянинъ, уроженецъ Себеннита, жилъ во время Птолемея Филадельфа (283—246 до Р. X) и былъ главнымъ гелиопольскимъ жрецомъ. Онъ считался авторомъ многихъ историческихъ, физическихъ и астрономическихъ сочинений, которыя для насъ утрачены. Изъ его египетской исторіи, доведенной до Александра В., сохранились отрывки и хронологическое исчисленіе различныхъ египетскихъ династій съ ихъ государями. При настоящемъ изученіи гіероглифовъ исчезаетъ всякое сомнѣніе въ неправильности хронологіи Манетона.

Двадцать лѣтъ назадъ ученый Бёкъ своимъ изслѣдованіемъ о Манетонѣ проложилъ методическій путь къ его изученію. Авторъ настоящаго сочиненія, принявъ въ основаніе въ общихъ выводахъ положенія и методъ знаменитаго ученаго, не внушаетъ читателю своими рѣшительными приговорами и окончательнымъ рѣшеніемъ главныхъ вопросовъ большой къ себѣ довѣренности. Жаль, что не занимаясь самостоятельно гіероглифическими изысканіями, онъ принужденъ былъ пользоваться чужими трудами и не всегда дѣлалъ вѣрный выборъ. Впрочемъ сочиненіе Унгера отличается начитанностью, богатымъ запасомъ источниковъ, ловкою филологическою критикою, свѣтлымъ соображеніемъ и яснымъ, сжатымъ изложеніемъ. Особенно важна для историка и филолога блестящимъ образомъ исполненная авторомъ задача: снабдить текстъ Манетона обильными и непрерывными комментаріями чрезъ сравненіе съ другими хронологическими данными и тѣмъ подтвердить достоинство манетонской системы и ея значеніе для хронологіи и исторіи.

Большая часть разбираемаго сочиненія (I, 77—360) посвящена этому драгоцѣнному труду и составляетъ его неотъемлемое достоинство.

В. Ведровъ.

Philon d' Alexandrie. Ecrits historiques, influence, luttres et persécutions des juifs dans le monde romain par Ferdinand Delaunay de Fontenay. Paris. 1867 p. 389.

Филонъ, александрійскій ученый, былъ представителемъ современной учености древняго міра въ самую важную эпоху для человѣчества.

ренія христіанства. Въ этой личности соединялось все, что только могло выставить для борьбы іудейство и язычество (*).

Значеніе еврейской колоніи въ Александріи начинается при преемникахъ Александра Македонскаго. Въ правленіе Лагидовъ Евреи первенствовали въ Египтѣ и его угнетали. Безъ сомнѣнія паденіе самой династіи было слѣдствіемъ ужаса и непопулярности, распространеннымъ въ странѣ вызывающимъ положеніемъ и денежными притязаніями Евреевъ. Кровавая реакція послѣдовала за этимъ. Евреи дорого искупили свое прошлое вліяніе. Притѣсняемые Клеопатрою, они съ жаромъ приняли сторону Юлія Кесаря, вознаградившаго ихъ заслуги торжественными хвалами, постояннымъ благоволеніемъ и признаніемъ всѣхъ правъ и привилегій. Сенатъ утвердилъ это покровительство, Августъ его продолжилъ. Евреямъ позволено было имѣть своего начальника — этнарха, который, при содѣйствіи совѣта или сената изъ 40 членовъ, служилъ скорѣе посредникомъ, чѣмъ намѣстникомъ римской власти. Онъ носилъ титулъ «алабарха,» по причинѣ одной изъ своихъ обязанностей собирать поголовную подать со скота. Еврейская колонія въ Александріи была очень многочисленна. Изъ пяти частей города двѣ были вполне заняты ими; кромѣ того въ остальныхъ частяхъ они жили разсѣянно.

При Тиверіѣ число египетскихъ Евреевъ, по достовѣрному исчисленію, доходило до милліона, такъ что можно полагать на Александрію болѣе 200 т. Такая многочисленность выясняетъ значеніе Евреевъ въ городѣ, какъ политическаго общества и какъ средоточія философскаго и религіознаго движенія, вліявшаго чуднымъ образомъ на остальную часть человѣчества. Александрійская еврейская ученость въ соприкосновеніи съ греческими доктринами и подъ вліяніемъ пантеистическихъ системъ Египта приняла особенный характеръ, совершенно отдѣляющій ее отъ еврейства Палестины. Она имѣла свои собственныя постановленія, своеобразное развитіе, оригинальныя стремленія и производила реакцію въ чистомъ еврействѣ, сохранившемся въ Іудеѣ.

Алабархъ избирался Евреями. Эта важная должность предоставлялась не только человѣку истинно преданному благочестію и національнымъ преданіямъ, но и извѣстному по своему происхожденію. Никогда не забывали, что колѣно Левино составляло родъ аристократической касты. Во времена Тиверіа и Калигулы алабархомъ былъ Александръ Лизимахъ, братъ Филона. Огромныя богатства, пріобрѣтенныя вѣроятно торговлею и финансовыми

(*) Новѣйшій изслѣдователь историческаго значенія христіанства Dt. Кеймъ въ своемъ сочиненіи (*Geschichte Jesu von Nazara in ihrer Verkettung mit dem Gesamtleben seines Volkes. Zürich. 1867*) такъ говоритъ о Филонѣ стр. 211: «Исторія Іисуса не можетъ обойти человѣка, который и по своей современности, по большому сходству и по значительному контрасту требуетъ сравненія, даже когда совершенно извѣстно, что ихъ жизненныя дороги никакимъ образомъ не сходились»

операціями, не остались безъ вліянія на его быстрое возвышеніе; они придавали своему обладателю огромное значеніе.

Чрезвычайно важно опредѣлить точно годъ рожденія Филона: оно разъяснило бы многое въ исторіи христіанства. Предполагають, на основаніи разсказа Евсевія, что Филонъ перешелъ въ христіанство, но это предположеніе не оправдывается.

Въ 40 году по Р. Х. онъ былъ избранъ Евреями въ начальники александрійской депутаціи, отправленной въ Римъ, предъ лицо Императора, для защиты правъ александрійскихъ Евреевъ и свободнаго исповѣданія религіи. По этому поводу Филонъ говоритъ о самомъ себѣ, какъ о старикѣ, убѣленномъ сѣдинами. Общее мнѣніе ученыхъ на этомъ основаніи относитъ его рожденіе къ 21 году до Р. Х.

Съ ревностью предался Филонъ изученію греческой литературы, любилъ греческихъ поэтовъ, часто приводилъ изрѣченія изъ Гомера и Эврипида, (мы ему обязаны сохраненіемъ отрывковъ этого трагика), но преимущественно занимался Аристотелемъ и Платономъ. Усвоивъ для нравственности ученіе стоиковъ, онъ глубоко изучилъ сочиненія Пифагорійской школы, кромѣ того пріобрѣлъ свѣдѣнія въ геометріи, музыкѣ и астрономіи. Болѣе всего онъ предпочиталъ сочиненія Платона, изъ которыхъ усвоилъ себѣ простоту, силу выраженія, ясность, доставившія ему прозваніе отъ современниковъ еврейскаго Платона (*). Подобно другимъ философамъ древности онъ посѣтилъ Италію, Грецію и Азію.

Если александрійская школа заимствовала у греческой философіи языкъ и множество свѣтлыхъ идей, то въ свою очередь и она привила греческимъ школамъ новый характеръ, создавшійся въ Египтѣ отъ столкновенія съ мистическими и пантеистическими системами Востока.

Александрійская философія имѣла свои аскетическіе приемы, разросшіеся три вѣка спустя въ сочиненіяхъ Ямблихія, Прокла, Порфирія и Плотина. Сверхъестественный элементъ, усвоенный ею изъ еврейскихъ доктринъ и отъ другихъ восточныхъ народовъ, составлялъ пунктъ соприкосновенія съ христіанствомъ и въ нѣкоторой степени былъ тою нейтральною мѣстностью, на которой завязалась борьба.

Цѣль посольства Филона въ Римъ при Калигулѣ не удалась и о событіяхъ его жизни послѣ этого времени ничего неизвѣстно. Изъ его сочиненія «о жизни созерцательной», въ которомъ онъ описываетъ святую жизнь отшельниковъ еврейскихъ на горѣ Нитрійской, не подалеку отъ Александріи, можно заключить, что послѣдніе дни своей прекрасной жизни Филонъ провелъ въ этихъ мѣстахъ, среди полного очарованія роскошной

(*) Keim, Geschichte Jesu von Nazara p. 215. Platon's Ideenlehre, die stoische Tugendlehre läuft ihm so in der Feder, dass die Alten sagten: entweder platonisirt Philon, oder platonisirt Platon.

природы, на берегу озера съ великолѣпными видами на синѣющійся горизонтъ Средиземнаго моря.

Изъ этого краткаго обзора можно оцѣнить значеніе труда г-на Делоне, знакомящаго читателя пока еще только съ историческими трудами александрійскаго ученаго, но обѣщающаго въ слѣдующихъ двухъ томахъ разсмотрѣть и остальные его сочиненія. Болѣе половины страницъ вышедшаго тома занято свѣдѣніями о жизни, сочиненіяхъ Филона и положеніи Евреевъ при Помпеѣ, Цезарѣ, Августѣ, Тиверіѣ и Калигулѣ; въ остальной находится переводъ только двухъ трактатовъ Филона: 1) противъ Флакка или о Провидѣніи и 2) Посольство къ Каю или о доблести. Послѣдній представляетъ особый интересъ въ археологическомъ отношеніи.

Ученость и ясность изложенія служатъ отличительными качествами разсматриваемаго нами труда французскаго писателя.

В. Ведровъ.

ТРУДЫ

ГУБЕРНСКИХЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ КОМИТЕТОВЪ.

1. Труды Владимирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Выпускъ VII. Подъ редакціею Секретаря Комитета К. Тихонравова. Владиміръ. Въ Типографіи Губернскаго Правленія, 1868. 8-^о, съ 2 литографированными видами, 147 стр.

2. Указатель мѣстныхъ статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей съ 1838 по 1868 годъ. Составилъ Секретарь Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и редакторъ неофициальной части губернскихъ вѣдомостей К. Тихонравовъ. Владиміръ. Въ Губернской Типографіи, 1867. 8-^о, 140 стр.

3. Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1868 годъ прочтенный 18-го февраля 1869 года въ общемъ годичномъ собраніи членовъ Комитета Секретаремъ его А. Сементовскимъ. Витебскъ, 1869. 12-^о, 47 стр.

4. Отчетъ о дѣятельности Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1866 и 1867 годы, составленный и. д. Секретаря Комитета А. К. Фогель. Ярославль, 1869. 8-^о 36 стр.

5. Труды Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціей и. д. Секретаря Комитета А. Фогель. Выпускъ пятый. Ярославль, 1868. 8-^о 104 стр., съ картою.

6. Труды Казанскаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціею Члена и Секретаря Комитета Н. Н. Вечеслава. Выпускъ 1-й, Казань, 1869. 8-^о, 97 стр.

Мы не можемъ не занести съ особымъ удовольствіемъ въ библиографическій отдѣлъ нашего журнала радостный фактъ, что въ послѣднее время археологія начала входить въ кругъ занятій нѣкоторыхъ изъ нашихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Наконецъ-то поняли, что изученіе памятниковъ мѣстной древности лежитъ прямо на обязанности мѣстныхъ ученыхъ. Заглавія выписанныхъ нами изданій служатъ тому доказательствомъ. Однимъ изъ первыхъ провинціальныхъ органовъ, обратившихъ на мѣстную археологію серьезное вниманіе, являются Владимірскія Губернскія Вѣдомости. Недавно изданный редакторомъ ихъ неофициальной части, почтеннымъ сочленомъ нашимъ К. Н. Тихонравовымъ, указатель всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ газетѣ въ теченіе тридцатилѣтняго ея существованія, знакомитъ насъ съ множествомъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній о памятникахъ Владимірской губерніи, упомянутыхъ или описанныхъ въ этомъ изданіи. Въ седьмомъ выпускѣ «Трудовъ» Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, издаваемыхъ подъ редакціею того же дѣятельнаго лица, помѣщено нѣсколько статей, касающихся церковныхъ памятниковъ Владимірской губерніи и журналъ раскопокъ Висельковскихъ кургановъ въ Суздальскомъ уѣздѣ, произведенныхъ г. Тихонравовымъ въ 1852 году. Результаты этихъ изслѣдованій, вѣроятно, войдутъ въ общее описаніе раскопокъ кургановъ Владимірской губерніи, составленное, по собственнымъ наблюденіямъ, графомъ А. С. Уваровымъ.—Изъ Отчета Витебскаго Статистическаго Комитета за истекшій годъ намъ пріятно было узнать, что при Комитетѣ учрежденъ музей мѣстныхъ древностей, нынѣ преимущественно состоящій изъ собранія монетъ. Образование подобныхъ коллекцій при всѣхъ губернскихъ комитетахъ, въ видахъ сохраненія мѣстныхъ памятниковъ древности, часто гибнущихъ вслѣдствіе отсутствія мѣста для храненія подобнаго рода предметовъ, есть одна изъ насущныхъ нашихъ потребностей.—Ярославскій Статистическій Комитетъ принадлежитъ къ числу дѣятельнѣйшихъ провинціальныхъ учреждений. Съ 1866 года онъ издалъ пять выпусковъ своихъ «Трудовъ» и реестръ статей, находящихся въ редакціи этого изданія, указываетъ, что въ распоряженіи Комитета имѣется достаточное количество матеріаловъ для продолженія своего изданія. Въ недавно изданномъ пятомъ выпускѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя: Описаніе кургановъ Мологскаго уѣзда, весьма тщательно составленное Л. П. Сабанѣевымъ. Кромѣ общаго плана кургановъ Мологскаго уѣзда (южной половины), приложеннаго къ этому описанію, каждая замѣчательная группа кургановъ иллюстрирована въ статьѣ особымъ планомъ, рѣзаннымъ на деревѣ, на которомъ перенумерованъ каждый курганъ. Вся статья раздѣляется на четыре главы. Въ первыхъ двухъ описываются курганы въѣздной мѣстности, въ третьей—раскопка 24 кургановъ по р. Сити, не приведшая однако къ открытію замѣчательныхъ древностей, потому что курганы ока-

записъ боевыми и, наконецъ, въ четвертой главѣ изложены преданія, связанные съ вышеозначенными мѣстностями и курганами. Такое точное описаніе Мологскихъ кургановъ есть дѣйствительное обогащеніе нашей литературы по этому предмету. Сверхъ того г. Сабанѣевъ составилъ атласъ кургановъ, заключающій въ себѣ болѣе 40 картъ, изъ которыхъ вѣроятно заимствованы полиптихи, находящіеся въ его статьѣ. На эти карты нанесены всѣ группы кургановъ каждой мѣстности, съ обозначеніемъ числа самыхъ кургановъ. Это—драгоцѣнный матеріалъ для дальнѣйшаго изслѣдованія кургановъ Ярославской губерніи. Весьма желательно, чтобы и другія мѣстности этой губерніи подвергнуты были столь же подробному изслѣдованію, гдѣмъ болѣе что въ рукахъ Московскаго Археологическаго Общества есть небольшой капиталъ, исключительно назначенный для этой цѣли просвѣщеннымъ сочувствіемъ нашего уважаемаго сочлена В. И. Лѣствицына. Наконецъ въ первомъ выпускѣ «Трудовъ» Казанскаго Статистическаго Комитета напечатаны «Замѣтки о памятникахъ древности Казанской губерніи», составленные по памятнымъ книжкамъ и другимъ мѣстнымъ изданіямъ. Желательно, чтобы за этимъ трудомъ компилятивнаго характера послѣдовали другія, болѣе самостоятельныя описанія и изслѣдованія древностей, которыми такъ богата Казанская губернія.

К. ГЕРЦЪ.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 20-й. 1865 года, Ноября 2 дня. Протоколъ двѣнадцатаго обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ Общества: архимандрита Амфилохія, А. Н. Афанасьева, А. В. Брыкина, А. А. Гатцука, Н. В. Дмитріева, И. Е. Забѣлина, Н. В. Закревскаго, И. В. Калачева, А. А. Котляревскаго, Д. В. Разумовскаго, С. М. Соловьева и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ двухъ предыдущихъ засѣданій.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Члена-Корреспондента Р. Г. Игнатьева, Дѣйств. Чл. К. М. Бэра, В. Е. Тизенгаузена, Археологическаго Института въ Римѣ, Академій Наукъ въ Парижѣ и Берлинѣ—извѣщенія о полученіи ими перваго выпуска «Трудовъ Общества».

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

Рукописями:

Отъ Дѣйств. Чл. К. Н. Тихонравова: Писцовая книга Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи, письма и мѣръ Василя Ивановича Колычева, 1628, 29 и 30 годовъ, по станамъ Суходольскому и Щитовскому; in 4°, маленькаго формата. Въ этой книгѣ прописаны всѣ помѣстья: старинныя родовыя, прожиточныя, купленныя, приданныя, заложенныя и жалованныя за королевичевъ приходъ. Кромѣ того въ этой же книгѣ подробно описаны монастырскія вочины въ Суходольскомъ уѣздѣ: Пафнутіева монастыря Вознесенскаго, Дѣвичьяго, что на Москвѣ у Фроловскихъ воротъ, и Архангельскаго

протопопа Іоанна съ братією, что на Москвѣ у Кремлегорода, а въ Шитовскомъ уѣздѣ: Троице-Сергіева монастыря и Алексѣевского Дѣвичьяго, что на Москвѣ въ Чертолоѣ.

Книгами:

I. Отъ Эстляндскаго Дворянства—*Nachrichten über Leben und Schriften des Hrn. Geheimraths D-r Karl Ernst von Baer, mitgetheilt von ihm selbst. S.-Petersburg. 1865. in 4°.*

II. Отъ Императорской Археографической Коммисіи—Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношеній къ Россіи и Польшѣ. С. Петербургъ 1865 ст. 4°.

III. Отъ Ученаго Эстонскаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ: а) *Sitzungsberichte der gelehrten esthnischen Gesellschaft. 1861—1864. 4 брошюры.* б) *Schriften der gelehrten esthnischen Gesellschaft. 1863—1864. 4 брошюры.*

IV. Отъ Дѣйств. Чл. К. Я. Эрбена—различныхъ имъ изданныхъ сочиненій 5 названій.

V. Отъ Вятской Публичной Библіотеки—П. Алабина, Замѣтка относительно нѣкоторыхъ древностей Вятскаго края. Вятка 1865, брошюра.

VI. Отъ Дѣйств. Чл. Я. Э. Воцеля—различныхъ имъ изданныхъ сочиненій 14 названій.

VII. Отъ Дѣйств. Чл. Н. В. Калачева: а) Текстъ Русской Правды. Москва, 1847. в) Артели въ древней и нынѣшней Россіи, С. Петербургъ 1864. с) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. С. Петербургъ 1857 г., 2 тома in 4°.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

4. Дѣйств. Чл. А. А. Котляревскій прочелъ докладъ коммисіи, избранной для обсужденія вопроса о съѣздѣ русскихъ археологовъ. (Докладъ напечатанъ ниже).

Г. Предсѣдатель высказалъ мнѣніе, что прежде чѣмъ ходатайствовать о разрѣшеніи привести въ исполненіе мысль о съѣздѣ, необходимо обратиться къ другимъ русскимъ ученымъ Обществамъ и учрежденіямъ съ предложеніемъ принять участіе въ обсужденіи средствъ и условій съѣзда.

Опредѣлили: исполненіе мысли Предсѣдателя возложить на ту же Коммисію, которой и поручено составить по этому дѣлу пригласительное письмо.

5. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія гг. Членовъ, что Святѣйшій Синодъ, по его просьбѣ, препроводилъ въ Общества экземпляръ неизданныхъ фотографическихъ (илиминованныхъ) снимковъ съ Новгородскихъ древностей, съ уполномочіемъ распорядиться изданіемъ ихъ по усмотрѣнію Общества. Обращая вниманіе Членовъ на этотъ предметъ, г. Предсѣдатель вызываетъ желающихъ изъ нихъ посвятить свои труды ученому разсмотрѣнію этихъ древностей.

Опредѣлили: принести отъ имени Общества Святѣйшему Синоду глубочайшую благодарность и принять къ свѣдѣнію.

древности. II.

6. По поводу вопроса о началѣ западнаго вліянія на памятники русской старины, предложеннаго г. Предсѣдателемъ въ прошедшемъ засѣданіи, дѣйствительный членъ А. А. Котляревскій указалъ на нѣкоторыя мѣста русскихъ лѣтописей, изъ которыхъ ясно видно довольно раннее (12 и 13 вѣка) существованіе у насъ иностранныхъ западныхъ художниковъ (мастеровъ). Остались ли на русской землѣ слѣды этого вліянія, справедлива ли мысль о томъ, что такіе древніе памятники русскаго церковнаго зодчества, какъ Покровскій и Дмитревскій соборы во Владимирѣ, принадлежатъ романскому (ломбардскому) стилю?

Г. Предсѣдатель замѣтилъ, что нѣтъ ничего общаго между вышеназванными памятниками и произведеніями романскаго стиля, и что скорѣе слѣдуетъ признать сходство древнихъ памятниковъ русскаго церковнаго зодчества съ памятниками церковнаго зодчества Норманновъ, напр. въ южной Италіи, но что вопросъ этотъ, за неимѣніемъ данныхъ, еще не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Обсужденіе вопроса вызвало многія замѣчанія гг. членовъ: С. М. Соловьева, И. Е. Забѣлина, Н. В. Дмитріева и Д. В. Разумовскаго, который замѣтилъ, что слово мастеръ еще не можетъ служить доказательствомъ западнаго происхожденія художниковъ, такъ какъ оно встрѣчается и въ языкѣ греческомъ въ значеніи учителя художествъ, музыки, пѣнія.

7. Г. Дѣйств. Чл. Шепингъ предложилъ обсужденію членовъ вопросъ объ источникѣ Новгородскаго преданія о Волхвѣ Всеславьевичѣ и первоначальномъ значеніи этого преданія.

8. Г. Предсѣдатель сообщилъ, что, въ видахъ сближенія и облегченія сношеній между Обществомъ и иногородными его членами, редакціонная Коммиссія испрашиваетъ разрѣшенія гг. Членовъ выпускать въ свѣтъ протоколы Общества (въ числѣ 150 экзмп.), прежде чѣмъ они будутъ напечатаны въ изданіи «Трудовъ Общества». Общество изъявило на это свое полное согласіе и утвердило предложеніе редакціонной Коммиссіи.

9. Предсѣдатель представилъ фотографическій снимокъ съ надгробнаго камня, найденнаго на границѣ Можайскаго и Гжатскаго уѣздовъ, въ 3 верстахъ отъ села Порѣчья.

10. Дѣйств. Чл. А. А. Гатцукъ прочелъ первую часть своей статьи: Замѣчанія на сочиненіе графа К. П. Тышкевича о курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси. По мнѣнію г. Гатцука, при изученіи доисторическихъ древностей, археологія, нерѣдко сосредоточивающая свое вниманіе на весьма мелкихъ сторонахъ и предметахъ первобытныхъ культуръ, вообще говоря, слишкомъ мало обращала вниманіе на столь важный предметъ, какъ внѣшній видъ и приемы сооруженій доисторическихъ могилъ, изъ которыхъ значительная часть быть можетъ носить образъ древнѣйшихъ жилищъ того или другаго племени, и приемы сооруженія которыхъ, безъ сомнѣнія, были болѣе или менѣе различны у различныхъ народовъ. При изысканіяхъ теперь матеріалахъ въ данномъ отношеніи не только необходимо, но уже и возможно было бы сравнительное изученіе собственно формъ и приемовъ

сооруженія дохристіанскихъ и доисторическихъ могилъ разныхъ странъ и народовъ.

11. Дѣйств. Чл. А. А. Гатцукъ показалъ гг. Членамъ желѣзный гвоздь и кремневое орудіе, найденное имъ при раскопкахъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ глубинѣ насыпи могилы, по его мнѣнію, каменнаго вѣка; онъ просилъ гг. Членовъ разрѣшить нѣкоторыя сомнѣнія относительно странной отдѣлки этого кремня, который, по видимому, есть наконечникъ стрѣлы, формы, до сихъ поръ не встрѣчавшейся.

12. Читана статья, сообщенная Членомъ-Корреспондентомъ Р. Г. Игнатьевымъ: Описаніе антимиона Буйницкаго монастыря.

Опредѣлили: передать статью въ редакціонный комитетъ.

13. Г. Предсѣдатель сообщилъ, что, вслѣдствіе постановленія Общества, предметомъ занятій слѣдующаго засѣданія будутъ матеріалы для археологическаго словаря.

№ 21. 1865 года, Ноября 23 дня. Протоколъ тринадцатаго обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ граф. А. С. Уварова, въ присутствіи Членовъ: архимандрита Амфилохія, А. В. Брыкина, И. Е. Забѣлина, Д. П. Исаенко, П. С. Казанскаго, Н. В. Калачева, А. А. Котляревскаго, Д. В. Разумовскаго, Д. О. Шепинга и Секретаря Общества К. К. Гѣрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Дѣйств. Чл. А. А. Котляревскій представилъ отъ имени К. И. Невоструева статью подъ заглавіемъ: Семь древнихъ актовъ о духовномъ значеніи и преимуществахъ Аѳонской горы. Текстъ актовъ взятъ изъ рукописи Синодальной Библіотеки въ Москвѣ. Они снабжены переводомъ и объяснительными примѣчаніями. Такъ какъ эти акты до сихъ поръ нигдѣ не были изданы, то А. А. Котляревскій полагаетъ, что они могутъ быть помѣщены въ приготавливаемомъ Обществомъ къ изданію сборникѣ археологическихъ матеріаловъ.

Опредѣлили: благодарить г. Невоструева и передать въ редакціонную Комиссію.

3. Читаны были слѣдующіе матеріалы для археологическаго словаря:

a) Архимандритомъ Амфилохіемъ—слова: Антифонъ, Тріодъ.

b) Д. О. Шепингомъ—слово: Алконостъ.

c) П. С. Казанскимъ: Замѣчанія на статью графа А. С. Уварова: Потиръ, помѣщенную въ 1-мъ выпускѣ Трудовъ.

d) А. А. Котляревскимъ: слово—Перунъ.

e) Графомъ А. С. Уваровымъ: Обыденныя церкви.

f) Г. Предсѣдатель объявилъ, что въ редакціонный Комитетъ уже переданы матеріалы для археологическаго словаря по части древне-русскаго церковнаго пѣнія на буквы А. и Б., составленные Дѣйств. Д. В. Разумовскимъ.

4. Вслѣдствіе возникшихъ разсужденій объ объемѣ и цѣли словаря, опредѣлили: помѣщать въ этомъ отдѣлѣ изданія Общества и такіе матеріалы, которые еще не имѣютъ окончательной обработки изслѣдованій, какъ напр. объясненіе терминовъ, встрѣчаемыхъ въ древнихъ письменныхъ памятникахъ.

Въ видахъ ускоренія занятій по этому предмету г. Предсѣдатель предложилъ гг. Членамъ озаботиться доставленіемъ—каждому по крайней мѣрѣ по нѣскольکو словъ—къ первому засѣданію наступающаго года.

№ 22. 1865 года, декабря 7-го дня. Протоколъ четырнадцатаго обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи Членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, А. В. Брыкина, А. А. Котляревскаго, Д. В. Разумовскаго, Д. О. Шепинга и секретаря Общества К. К. Гѣрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ, что поступили слѣдующія бумаги:

а) Отъ редакціи Извѣстій и ученыхъ записокъ Казанскаго Университета, отъ Управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи и отъ Члена-Корреспондента А. И. Свирѣлина—извѣщенія о полученіи перваго выпуска «Трудовъ Общества».

б) Отъ Дѣйствительныхъ Членовъ: А. А. Потебни, брат. І. и Г. Иречекъ и Фіорелли—письма, въ которыхъ они благодарятъ за избраніе въ члены Общества.

3. Секретарь доложилъ, что поступили слѣдующія приношенія:

Книгами:

а) Отъ Императорскаго Харьковского Университета—различныхъ изданныхъ имъ сочиненій 11-ть названій.

б) Отъ А. А. Котляревскаго: Chodakowskiego, O Slowiansczyznie przed chrzescianstwem. W Krakowie. 1835.

в) Отъ Дѣйствительнаго Члена Я. И. Гануша—различныхъ имъ изданныхъ сочиненій—4 названія, на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

г) Отъ Секретаря Общества К. К. Гѣрца—особый оттискъ его статьи: Эпиграфика Константинополя. Москва 1865.

д) Отъ Профессора А. П. Богданова: Курганное племя Московской губерніи. Москва 1865.

е) Отъ Члена-Корреспондента Священника А. И. Свирѣлина: а) Историко-статистическое описаніе Переславскаго Троицкаго Данилова монастыря. Москва. 1860 г. б) О началѣ и устроеніи Переславскаго Данилова монастыря. Москва. 1863 г.

ж) Отъ Дѣйствительныхъ Членовъ І. и Г. Иречекъ—различныхъ ими изданныхъ сочиненій 11 названій, на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Статьями:

а) Отъ Члена-Корреспондента П. И. Ревякина: Сближенія и слѣды. Каменные молотки.

б) Отъ Дѣйствительнаго Члена А. А. Потебни: а) о Долѣ и сродныхъ съ нею представленіяхъ; б) Корочунъ, Кресъ; с) Замѣчанія на ст. Аонасьева: (1-я кн. Трудовъ) для археологіи русскаго быта.

с) Отъ Члена-Корреспондента А. И. Свирѣлина—объясненіе двухъ словъ для Археологическаго словаря.

д) Отъ Дѣйствительнаго Члена Графа К. П. Тышкевича: Замѣтка къ его статьѣ: о свинцовыхъ оттискахъ.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую признательность Общества.

4. Секретарь Общества прочелъ письмо Члена-Корреспондента П. Троцкого (въ Кіевѣ), отъ 26 Ноября 1865 года, въ которомъ, благодаря за избраніе въ члены Общества, проситъ указать, какими трудами онъ можетъ быть полезенъ Обществу.

Опредѣлили: обратиться къ г. Троцкому съ просьбою сообщить, если найдетъ возможнымъ, разныя дополнительныя свѣдѣнія о древностяхъ Кіева для предпринимаемаго Обществомъ изданія о древностяхъ этого города.

5. Г. Предсѣдатель сообщилъ, что Дѣйствительный Членъ Н. В. Закревскій, послѣ трицатилѣтнихъ трудовъ, окончилъ составленное имъ описаніе древностей города Кіева. Это сочиненіе было рассмотрѣно многими знатоками отечественныхъ древностей, которые считаютъ его самымъ полнымъ и добросовѣстнымъ изъ всѣхъ доселѣ вышедшихъ сочиненій объ этомъ предметѣ. Оно должно сопровождаться атласомъ рисунковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что лице, желающее остаться неизвѣстнымъ, сочувствуя цѣли и дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества, изъявило желаніе взять на себя издержки печатанія этого сочиненія, а потому нынѣ и приступлено къ печатанію его въ типографіи Грачева и К°, а на заглавіи сочиненія г. Закревскаго будетъ напечатано: Изданіе Московскаго Археологическаго Общества.

6. Секретарь Общества К. К. Гѣрцъ представилъ на разсмотрѣніе гг. Членовъ триптихъ, рѣзанный на деревѣ, весьма мелкой работы, съ греческими надписями, при чемъ прочелъ и объяснилъ надписи, вмѣстѣ съ встрѣчающимися въ нихъ ошибками противъ языка и орфографіи. Триптихъ принадлежитъ кабинету изящныхъ искусствъ и древностей Московскаго Университета. По мнѣнію г. Гѣрца—триптихъ, котораго одна боковая половина, къ сожалѣнію, потеряна, есть произведеніе монаховъ Аѳонской горы и относится къ XVII вѣку, съ чѣмъ согласился и г. Предсѣдатель Общества.

7. Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій прочелъ написанное имъ объясненіе къ доставленнымъ гр. К. П. Тышкевичемъ снимкамъ съ оттисковъ на днахъ дохристіанскихъ могильныхъ сосудовъ.

8. Читана статья Члена-Корреспондента П. И. Ревякина, подъ заглавіемъ: Каменные молотки.

9. Предсѣдатель, графъ А. С. Уваровъ прочелъ отрывокъ изъ Русской Символики: Недреманное Око.

Опредѣлили: передать означенныя статьи въ редакціонный Комитетъ.

10. Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій прочелъ составленный выбранною въ прежнихъ засѣданіяхъ Коммиссіею проектъ письма, приглашающаго различныя общества и ученыхъ высказать свои мнѣнія объ археологическомъ съѣздѣ.

Постановили: напечатать это письмо на бланкахъ Общества и разослать различнымъ обществамъ и частнымъ ученымъ.

№ 23. 1866 года, января 11-го дня. Протоколъ пятнадцатаго обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи Членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Аванасьева, А. В. Брыкина, А. П. Ключкова и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ, что поступили слѣдующія приношенія:

Вещами:

а) Отъ Священника Василя Антонова (въ Кіев. губ.) мѣдный крестъ, 1 серебряная и 26 мѣдныхъ монетъ.

Книгами:

а) Отъ дѣйствительнаго Члена И. И. Срезневскаго слѣдующія изданныя имъ сочиненія: 1) Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ, С. П. Б. 1865; 2) Обзоръ научныхъ трудовъ Востокова, С. П. Б. 1865 и 3) Филологическія наблюденія А. Востокова, С. П. Б. 1865 г.

д) Отъ Дѣйствительнаго Члена А. А. Котляревскаго: 1) Noorden, *Symbolae ad comparandam mythologiam Vedicam cum mythologia germanica*. Bonnæ S. a 8°. 2) Kapper, *die Handschriften von Grüneberg und Königinhof*. Prag. 1859. 12°. 3) Closs, *Jordanis—de Getharum sive Gothorum origine et rebus gestis*. Stuttgart. 1861. I. 4) Pott, *Studien zur griechischen Mythologie*. Leipzig. 1859 года. 8°.

с) Отъ Императорской Академіи Наукъ: Записокъ, ею издаваемыхъ, томъ VIII, книжка 1-я. С.-Петербургъ. 1865.

д) Отъ Секретаря Археологическаго Института въ Римѣ, Гельбига, его статья: *Oreste e Pilade in Tauride. Dipinto pompeiano*. Roma. 1865. in 8.

е) Отъ Члена-Корреспондента Р. Г. Игнатьева его статьи, напечатанныя въ Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, 1865 года, №№ 39, 43, 44 и 45 (вырѣзки).

г) Отъ Дѣйствительнаго Члена П. И. Лерха: 1) Каталогъ древностей, собранныхъ г-жею Раевскою, и 2) о каменныхъ орудіяхъ. in 8°. С. Пб.

г) Отъ Дѣйствительнаго Члена Ф. Пипера въ Берлинѣ: 1) *Evangelischer Kalender*. 1866. 2) *Ueber die Einführung der monumentalen, insbesondere der christlich-monumentalen Studien in den Gymnasial—Unterricht*. Leipzig. 1865 года. 4°.

Статьями:

1. Отъ Дѣйствительнаго Члена А. А. Потебни (въ Харьковѣ) двѣ статьи:
1) Переправа чрезъ воду, какъ представленіе брака и 2) О купальскихъ огняхъ.
2. Отъ Члена-Корреспондента архимандрита Амфилохія—Матеріалы для Археологическаго Словаря.
3. Отъ Архимандрита Паисія—опись старыхъ антиминовъ въ разницѣ Чудова монастыря.
4. Отъ Дѣйствительнаго Члена А. В. Брыкина—описаніе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ.
5. Отъ Члена-Корреспондента Р. Г. Игнатьева—древній земляной валъ близъ Саклинскаго завода, Уфимской губерніи.
6. Отъ Дѣйствительнаго Члена Д. П. Сонцева—Монеты съ надписью Василя и Ивана Ивановичей.
7. Отъ Дѣйствительнаго Члена П. И. Лерха—двѣ рецензіи на сочиненія Гольмберга и Гревинга о каменныхъ орудіяхъ.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

3) Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ гг. Членовъ: П. Лебединцева, П. И. Ревякина, А. А. Хованскаго, Мюнхенской Академіи Наукъ, Британскаго музея въ Лондонѣ и ученаго Эстонскаго Общества въ Дерптѣ—увѣдомленія о полученіи перваго тома Древностей.

б) Отъ Членовъ-Корреспондентовъ: П. И. Ревякина и П. Троцкаго письма, въ которыхъ они благодарятъ за избраніе ихъ въ Члены-Корреспонденты Общества.

в) Отъ Дѣйствительнаго Члена Маннгардта (въ Данцигѣ) письмо, въ которомъ онъ обращается къ Обществу съ просьбою сообщить ему различные матеріалы для труда по миѳологіи и древностямъ, имъ предпринятаго.

г) Отъ Члена Корреспондента А. М. Сементовскаго-Курилло письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ описаніе стариннаго герба Могилевской губерніи.

4. Секретарь Общества представилъ на разсмотрѣніе гг. Членовъ серебряный жалованный ковшъ 1700 года.

5. Секретарь Общества К. К. Гёрцъ прочелъ первую часть написанной имъ статьи: Новѣйшія изслѣдованія Палестины.

6. Читана статья Дѣйств. Чл. Д. П. Сонцева: Монеты съ надписью Василя и Ивана Ивановичей.

Опредѣлили: передать статьи въ редакціонный Комитетъ.

№ 24. 1866 года, Февраля 22 дня. Протоколъ шестнадцатаго обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи Членовъ: А. Н. Андреева, А. Н. Афанасьева, А. В. Брыкина, Н. В. Калачева, А. А. Котляревскаго, Д. В. Разумовскаго, Д. О. Шепинга и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
2. Секретарь доложилъ, что поступили слѣдующія приношенія:

Вещами:

а. Отъ Профессора Московскаго Университета Н. А. Попова—двѣ арабскія монеты. Онѣ найдены въ Тульской губерніи, въ Каширскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Гритчинѣ, расположенномъ на рѣкѣ Большой Смедвѣ, впадающей въ Оку. Противъ усадьбы на противоположномъ берегу Смедвы (на правомъ) есть небольшая роща, за которою тянется крестьянское поле; въ этомъ полѣ и найдена была, въ Апрѣлѣ 1865 года, кубышка съ восточными деньгами. Не смотря на незначительное количество ихъ, всѣ онѣ принадлежали только къ двумъ видамъ, по одному экземпляру которыхъ и представлено М. Археологическому Обществу чрезъ Н. А. Попова. Приложенное къ нимъ описаніе сдѣлано Профессоромъ Московскаго Университета П. Я. Петровымъ.

Книгами:

а. Отъ Казанской Духовной Академіи: Православный Собесѣдникъ 1866, № 1-й. Январь.

б. Отъ дѣйств. Чл. Н. Н. Мурзакевича:

1. Монеты, отысканныя на островѣ Левки или Фидонисіи. Одесса. 1852. 12°.
2. Обзоръ православной епархіи тѣхъ мѣстъ, которыя составляютъ нынѣ Новороссійскій край и Бессарабію. (Изъ Новороссійскаго календаря на 1848 годъ. 8°).
3. О пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи. С. П. Б. 1838. 8°.
4. Очеркъ заслугъ, сдѣланныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ М. С. Воронцовымъ. Одесса. 1860. 8°.
5. О Славяно-сербскомъ сборникѣ, напечатанномъ въ Венеціи Божедаромъ въ 1538 году. (Изъ Ж. М. Н. П. 1482. 8°).
6. О младенчествѣ Одессы. Одес. 1844, 8°.
8. *Descriptio numorum veterum Graecorum atque Romanorum, qui inveniuntur in museo Odes. auc. N. Mur zakewiez, Odessae. 1835. 8°.*
9. Достопамятности города Смоленска, безъ означенія года и мѣста.
10. Письменные памятники Тохтамышъ-Хана. (Изъ Ж. М. Н. П. 1840) 8°.
11. Васильевскіе двери въ городѣ Александровѣ. (Изъ Ж. М. Н. П. 1837) 8°.
12. Отчетъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей за 1864. Одесса. 1865. 8°.

13. Бахчисарайскія арабскія и турецкія надписи. Одесса. 1849, 4°.

14. *Descriptio musei publici Odessani, pars I. Odessae, 1849, 4°.*

с. Отъ Дѣйствительнаго Члена Д. В. Маннгардта:

1. *Correspondenzblatt des Gesamtvereines der deutschen Geschichts—und Alterthumsvereine. 1865. № 11 und 12.*
2. *Xczeczka dla Kaszebow przez Wojkasena. We Gdańsku. 1850. 12°.*
3. *Dorade Lekarzkje. 12°.*
4. *Die Oberpfarrkirche zu St. Marien in Danzig und deren seltener und reicher Schatz von mittelalterlichen Paramenten. Eine Vorlesung von A. Hing. Danzig. 1868. 8.*

5. W. Mannhardt, Roggenwolf und Roggenhund. Beitrag zur germanischen Sittenkunde. Danzig. 1868. 8°.

d) Отъ Общества Исторіи и древностей Остзейскихъ провинцій въ Ригѣ—Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-Est-und Kurlands. Band XI. Heft I. Riga. 1865. 8°.

e) Отъ Дѣйствительнаго Члена Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета П. А. Голышева издачное имъ сочиненіе: Богоявленская слобода Мстера Вязниковскаго уѣзда. Москва. 1865. 8°.

ж) Отъ Императорской Академіи Наукъ—издаваемыхъ ею Записокъ томъ VIII, кн. 2-я. СПб. 1866. 8°.

к) Отъ Императорскаго Археологическаго Общества—издаваемыхъ имъ Извѣстій Томы V и VI. 1. С. Петербургъ 1865 и 1866 г. 4°.

л) Отъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета—издаваемыхъ имъ трудовъ, выпускъ IV. Владимірь. 1865. 8°.

м) Отъ ученаго Эстонскаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ:

1. Sitzungsberichte der Gelehrten esthnischen Gesellschaft. 1868. Dorpat. 8.
2. Körber, Materialien zur Kirchen und Predigerchronik der Stadt Dorpat. Dorpat. 1860. 8°. 3) Schirren, der Codex Samoscianus. Dorpat. 1865. 4°.

к) Отъ Чешскаго Музея въ Прагѣ: а) Cäsopis Musea království—Ceského. 1865. XXXIX. 1. 2. б) Památky archeologické a místopisné. Díl. VI 5—7.

Рукописями:

а) Отъ Коллежскаго Регистратора И. А. Егорова: Краткое и новѣйшее изъ лучшихъ и новѣйшихъ описателей, вмѣстѣ снесенное и до нынѣшнихъ нашихъ временъ продолженное Московское время и земель, гражданскихъ чиновъ и церковное описаніе. Въ Нюрнбергѣ обрѣтается у Юганна Гофмана художными вещами и книгами куплю дѣлающаго, 1687. 4° малое.

Статьями:

а) Отъ Священника В. Антонова—статья подъ заглавіемъ: Археологическая достовѣрность.

Опредѣлили: выразить за эти пожертвованія вышеозначеннымъ лицамъ и ученымъ Обществамъ глубочайшую благодарность Общества.

3. Читана замѣтка Дѣйств. Чл. Н. В. Закревскаго по поводу издаваемого имъ описанія древностей Кіева (Напечатана ниже).

4. Поступили слѣдующія письма:

а) Отъ Коллежскаго Регистратора И. А. Егорова,—въ которомъ онъ проситъ о разрѣшеніи ему произвести раскопки въ мѣстности, гдѣ, по находящимся у него свѣдѣніямъ, зарытъ большой кладъ.

Постановили: Увѣдомить г. Егорова, что Общество, занимаясь только предметами науки,—не можетъ съ нимъ войти въ сношенія по такому предмету.

б) Письмо Члена-Корреспондента П. И. Ревякина, при которомъ онъ присылаетъ рисунокъ къ статьѣ: Каменные молотки.

Опредѣлили благодарить г. Ревякина.

с) Письмо Дѣйств. Чл. А. Морло, который благодаритъ за избраніе его

древности. II.

въ Члены Общества и просить выслать экземпляръ «Древностей» для публичной библіотеки города Берна, при чемъ онъ увѣдомляетъ, что пришлетъ Обществу всѣ свои сочиненія.

Опредѣлили: выслать означенный экземпляръ.

5. Д. Чл. В. Маннгардтъ прислалъ нѣсколько печатныхъ экземпляровъ составленныхъ имъ вопросовъ (на нѣмец., французскомъ и датскомъ языкахъ) по части обычаевъ, связанныхъ съ земледѣліемъ и проч., съ просьбою роздать эти вопросы гг. Членамъ Общества и въ свое время сообщить ему ихъ отвѣты.

Общество, разсмотрѣвъ присланные г. Маннгардтомъ вопросы, опредѣлило: перевести ихъ на русскій языкъ и просить Дѣйств. Чл. А. Н. Аѳанасьева взять на себя окончательный пересмотръ этого перевода, послѣ чего напечатать для разсылки какъ всѣмъ Членамъ Общества, такъ и нашимъ ученымъ обществамъ и статистическимъ комитетамъ, для собранія тоже свѣдѣній, которыя желаетъ имѣть г. Маннгардтъ.

6. Дѣйствительный членъ Н. В. Калачевъ сообщилъ разныя свѣдѣнія о древнемъ домѣ, какъ говорятъ, бывшемъ Малюты Скуратова, а теперь принадлежащемъ Министерству Юстиціи. Этотъ домъ на берегу Москвы-рѣки, противъ церкви Спаса, сохранилъ много остатковъ архитектуры XVI вѣка и они также весьма замѣчательны для археолога. Теперь, какъ Министерство Юстиціи намѣрено приступить къ перестройкѣ этого замѣчательнаго зданія, то Н. В. Калачевъ предлагаетъ, составить Коммиссію для осмотра и описанія, на основаніи имѣющихся у него документовъ, этого дома.

Общество, изъявляя искреннюю свою признательность Н. В. Калачеву за сообщенныя свѣдѣнія, избрало въ коммиссію Членовъ: Н. В. Калачева, графа А. С. Уварова и И. Е. Забѣлина.

7. Членъ-Основатель А. В. Брыкинъ показалъ финифтяную тарелку, работы XVIII вѣка, превосходной сохранности и гравированный образъ изъ позолоченнаго серебра, сдѣланные въ Стародубѣ въ 1792 году.

8. Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій сообщилъ о результатахъ своей недавней поѣздки въ С. Петербургъ и представилъ отъ Дѣйств. Чл. Общества И. И. Срезневскаго для помѣщенія въ трудахъ Общества статью (съ рисунками). — О древнихъ изображеніяхъ В. К. Владиміра и В. К. Ольги.

Опредѣлили: изъяснить И. И. Срезневскому глубочайшую благодарность Общества, а присланную статью передать въ редакціонный Комитетъ.

9. Г. Предсѣдатель Общества, излагая результаты своего одномѣсячнаго пребыванія въ Италіи, обратилъ вниманіе членовъ на слѣдующіе предметы: Въ Миланѣ, въ Амвросіанской Библіотекѣ, онъ нашелъ русскую рукопись Евангелія XVI вѣка, съ современнымъ ему окладомъ, фотографіи съ котораго представилъ на разсмотрѣніе гг. Членовъ. Рукопись эта перевезена была изъ Россіи при Карло-Борромео (1538 — 1584). Въ Монцѣ онъ изучилъ свинцовые сосуды, присланные Лонгобардской Королевѣ Теодолиндѣ съ муромъ отъ гроба Господня. Сосуды, какъ важные памятники для исторіи иконографіи, будутъ подробно описаны. Во Флоренціи онъ посвятилъ нѣсколько дней на изслѣдованіе времени, къ которому должны быть ос-

несены миниатюры известнаго Сирійскаго Евангелія 536 г. Результаты своего изслѣдованія представитъ онъ Обществу.

10. Секретарь Общества К. К. Гёрцъ прочелъ вторую часть своей статьи: Новѣйшія изслѣдованія Палестины.

11. Г. Предсѣдатель Графъ А. С. Уваровъ прочелъ свою статью: о древней картинѣ XVII вѣка съ олицетвореніемъ синагоги и церкви.

Опредѣлили: обѣ статьи передать въ редакціонный Комитетъ.

№ 25. 1866 года, Марта 8 дня. Протоколъ семнадцатаго обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. Членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, Н. А. Артлебена, А. В. Брыкина, Н. В. Калачева, А. А. Котляревскаго, Д. В. Разумовскаго, Д. О. Шеппинга и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ, что поступили слѣдующія приношенія:

Книгами:

а) Отъ Дѣйствительнаго члена А. А. Потебни: два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ. 1866, 8°.

Опредѣлили: изъявить жертвователю глубочайшую благодарность Общества.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Можайскаго мирового посредника 2-го участка увѣдомленіе, что онъ въ непродолжительномъ времени представитъ въ Общество свѣдѣнія о находящихся въ его участкѣ курганахъ.

б) Письмо Члена-Корреспондента П. Троцкаго изъ Кіева о новооткрытыхъ въ этомъ городѣ старинныхъ фрескахъ въ древней Печерской Спасской (близъ Лавры) и Кирилловской церквахъ.

4. Читана статья Дѣйствительнаго Члена И. И. Срезневскаго: Древнія изображенія В. К. Владиміра, В. К. Ольги.

5. Дѣйствительный Членъ Д. О. Шеппингъ представилъ рецензіи на два сочиненія: Braun, Naturgeschichte der Sage и Perger, Deutsche Pflanzensagen.

Опредѣлили: передать обѣ статьи въ редакціонный комитетъ.

6. Членъ-Корреспондентъ Н. А. Артлебенъ представилъ два снимка съ древнихъ вещей, найденныхъ въ Владимірѣ, въ Ноябрь 1865 года, въ саду учителя семинаріи г. Бѣльева. Изображенныя, въ натуральную величину, на этихъ двухъ рисункахъ, вещи суть: части золотыхъ дутыхъ крестиковъ; золотой ковчежецъ съ эмалевыми украшеніями и такимъ же изображеніемъ святаго; дутая буса, двѣ каменные пуговицы, золотое украшеніе вродѣ петлицы, состоящее изъ трехъ филигранныхъ бусъ, надѣтыхъ на толстую проволоку; серебряная вызолоченная панагія съ награвированнымъ на ней изображеніемъ Архангела; отломокъ другой подобной же панагіи.

Вещи, изображенныя на этихъ двухъ рисункахъ, относятся къ XII вѣку.

Общество съ глубочайшею благодарностію приняло прекрасно и отчетливо сдѣланные рисунки г. Артлебена.

7. Дѣйствительный Членъ А. Н. Андреевъ представилъ на разсмотрѣніе гг. Членамъ древне-египетскій скарабей изъ камня, украшенный на обратной сторонѣ длинною іероглифическою надписью и пріобрѣтенный имъ изъ собранія графа Нессельроде.

8. Дѣйствительный членъ А. А. Котляревскій представилъ свое мнѣніе о статьѣ г. В. Лѣствицына «Историческій указатель», помѣщенной въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1866 г. № 3) и представляющей погодный списокъ историко-археологическихъ трудовъ Ярославской мѣстности. Высказавъ нѣсколько замѣчаній о настоящей потребности точныхъ библиографическихъ указателей для успѣха науки русской древности и отозвавшись съ полною признательностію о трудахъ г. Лѣствицына, г. Котляревскій предложилъ Обществу войти съ нимъ въ сношеніе и просить его обработать археологическую часть Указателя для помѣщенія въ Трудахъ Общества.

Гг. Члены, изъявивъ свое полное согласіе, поручили г. Котляревскому привести въ исполненіе его предложеніе (и приведено).

9. Дѣйствительный членъ А. В. Брыкинъ представилъ на разсмотрѣніе гг. Членамъ древнерусскую печать и рельефное изображеніе св. Магдалины, рѣзанное изъ слоновой кости, западной работы.

10. Читана статья Дѣйствительнаго Члена Э. И. Эйхвальда: о древностяхъ Заволочской Чуди Печерскаго края.

Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій высказалъ по поводу этой статьи нѣсколько замѣчаній о современномъ состояніи вопроса о скиѣскихъ древностяхъ. Не соглашаясь съ основной мыслью Э. И. Эйхвальда о чудской народности Скиѣовъ и признавая въ составѣ скиѣскихъ племенъ несомнѣнное присутствіе Эранскаго элемента, г. Котляревскій находилъ подтвержденіе этого и въ свидѣтельствахъ письменныхъ источниковъ, и въ самыхъ вещественныхъ памятникахъ, открытыхъ на почвѣ древней Скиѣи.

12. Читана замѣтка Члена-Корреспондента А. И. Селиванова о кольчугѣ, находящейся въ Воронежской публичной библиотекѣ.

11. Читано сообщенное Членомъ-Корреспондентомъ А. М. Сементовскимъ Курилло описаніе древняго Могилевскаго (на Днѣпрѣ) герба.

Опредѣлили: передать статьи въ редакціонный комитетъ.

13. Г. Фоминъ представилъ на разсмотрѣніе гг. Членамъ древнія утвари, открытыя въ Брянскомъ уѣздѣ, въ селѣ Вицижѣ или Щижѣ, бывшей столицѣ удѣльнаго княжества Вицижскаго или Ущижскаго. Имя этого княженія въ первый разъ встрѣчается въ 1142 году, замѣчаетъ И. М. Снегиревъ въ описаніи древностей, найденныхъ на этой собственности въ 1840 году (Русская старина, изданіе г. Мартынова, часть первая). Предметы, пожертвованные въ Московское Археологическое Общество г. Фоминымъ, такъ замѣчательны, что будутъ подробно описаны и изданы во II томѣ «Древностей», съ приложеніемъ рисунковъ каждаго предмета. Указанія г. Фомина доставить

намъ много новыхъ данныхъ для описанія этихъ памятниковъ искусства XII вѣка.

14. Предсѣдатель сообщилъ, что онъ назначаетъ въ слѣдующій вторникъ 15 Марта первое годовое собраніе, на что присутствующіе гг. Члены изъявили свое желаніе.

15. Г. Предсѣдатель сообщилъ, что Московское Археологическое Общество понесло новую утрату: 28 Февраля скончался, послѣ продолжительной болѣзни, Членъ-Корреспондентъ Н. В. Дмитріевъ. Въ лицѣ этого Члена, ревностно занимавшагося древнерусскою архитектурой, Общество лишилось одного изъ своихъ дѣятельнѣйшихъ членовъ по этой вѣтви археологіи, которая до сихъ поръ находитъ у насъ еще весьма мало изслѣдователей. покойный сочленъ началъ рядъ статей по этому предмету, изъ которыхъ первую: объ архитектурѣ въ Кіевѣ, онъ прочелъ въ одномъ изъ засѣданій Общества. Трудъ этотъ не приведенъ имъ къ концу и Н. В. Дмитріевъ остановился на изложеніи архитектуры въ Новгородѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ИЗДАВАЕМОЕ ОПИСАНІЕ КІЕВА.

Записка Д. Чл. Н. В. Закревскаго.

Я назвалъ трудъ свой Описаніемъ Кіева,—название съ перваго взгляда какъ будто не указывающее прямо на его древности; но Кіевъ самъ по себѣ есть уже древность (*) и, говоря объ немъ, можно ли не говорить о древностяхъ русскихъ и даже византійскихъ. Хотя необходимо описывать состояніе кіевскихъ древностей и въ наше время: но все это принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ области археологіи, къ области,—которую разрабатываетъ Московское Археологическое Общество, удостоившее благосклоннаго вниманія и мой посильный трудъ.

Сочиненіе мое приготовлено было къ печати въ 1847 году, но вышло въ свѣтъ только въ 1858 году. Между тѣмъ съ 1847 г. я не переставалъ преслѣдовать любимый свой предметъ и въ теченіи времени успѣлъ кое-что изучить обстоятельнѣе, иное лучше выразумѣть и пріобрѣсть много полезныхъ матеріаловъ. И теперь я удержалъ прежній планъ и направленіе, потому что не могъ придумать лучшаго; думаю, что описаніе города, расположенное по мѣстности, хорошо только для указателей, когда богомольцу нужно имѣть краткое и сподручное свѣдѣніе о предметѣ. Но изслѣдователь

(*) Мысль И. И. Срезневскаго.

древностей не ограничивается временемъ и поверхностнымъ знаніемъ. Впрочемъ предлагаемое Описаніе Кіева, въ видѣ словаря, столь же удобно при употребленіи, какъ и обыкновенные путеводители. Обиліе матеріаловъ и интересъ предмета побудили меня прежнее мое изложеніе совершенно вновь передѣлать. Если первое изданіе моего сочиненія содержитъ 17½ листовъ сжатой печати, то думаю, что настоящее второе будетъ содержать въ пять разъ болѣе, то-есть до 80-ти печатныхъ листовъ.

Все мое сочиненіе почти готово. Рѣшаюсь употребить слово почти, потому что мнѣ остается кое-что дополнить или исправить и переписать, также приготовить нѣсколько плановъ и чертежей. Впрочемъ первая часть уже готова и переписана на-бѣло. Вторая и послѣдняя третья часть также почти готовы и переписаны. Съ Божіею помощію надѣюсь вскорѣ совершенно окончить все.

Ученое Археологическое Общество хорошо знаетъ, что въ подобныхъ сочиненіяхъ рисунки и чертежи составляютъ существенную часть, дополняя и объясняя описаніе. Но число и качество рисунковъ совершенно зависитъ отъ благоусмотрѣнія и — скажу не обинуясь — отъ просвѣщенной любви Общества къ своему предмету.

Въ заключеніе осмѣливаюсь обратиться къ гг. Членамъ Общества съ моею почтительнѣйшею просьбой:

1. Удостоить меня совѣтовъ, также сообщить свѣдѣнія, матеріалы, рисунки и проч., относящіеся къ Исторіи Кіева, если у кого что либо находится. Съ своей стороны я положилъ себѣ за правило о всякомъ содѣйствіи и помощи упомянуть съ благодарностію и тѣмъ воздать всякому свое.

2. Указать на недостатки моего труда, если кто знаетъ его по первому изданію, или благоволитъ просмотрѣть приготовленный манускриптъ ко второму изданію или въ корректурѣ. Такого рода указанія и наставленія будутъ приняты мною съ сердечною благодарностію, потому что дѣло отъ этого можетъ только выиграть.

3. При описаніи кіевскихъ пещеръ весьма важны планы. Къ счастью, мы имѣемъ отъ разныхъ временъ четыре плана, и именно 1638, 1674, 1795 и 1825 годовъ. Всѣ они нужны при сличеніи и обстоятельномъ описаніи этой древней и драгоцѣнной мѣстности для православной Руси. Выключая плана Кальнофойскаго 1638 г., всѣ прочіе я имѣю и въ надлежащемъ мѣстѣ сдѣлана имъ обстоятельная оцѣнка.—Въ Румянцевскомъ музеѣ находится экземпляръ Тератургимы Кальнофойскаго и въ немъ подробное описаніе плановъ, которое мною переписано, но самыхъ плановъ нѣтъ. Любитель русскихъ древностей, преосв. Евгеній, къ своему Описанію Кіевской лавры приложилъ три чертежа плановъ Кальнофойскаго въ уменьшенной копіи. На сколько они однакожь вѣрны, нельзя судить безъ оригинала, потому что русскій переводъ съ польскаго Описанія Кальнофойскаго не всегда точенъ. Итакъ желалъ бы я скопировать планы Кальнофойскаго, какъ это сдѣлалъ съ планами Иннокентія Гизеля 1674 г., изданными Гербиусомъ.

4. Слышалъ я, что издатель журнала Христiанскiя Древности, г. Прохоровъ, предлагалъ нѣкоторымъ лицамъ купить у него рисунки съ фресковъ, находящихся на стѣнахъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Фрески эти весьма замѣчательны; но, къ сожалѣнію значеніе ихъ, по малоизвѣстности предмета, доселѣ русскими археологами не объяснено. А попытка г. Сементовскаго, видѣвшаго въ нихъ изображеніе великокняжеской охоты, ниже всякой критики. При одномъ взглядѣ на эти фрески видна вся странность подобной мысли.

Во всякомъ случаѣ изображенія эти, издавныя въ приличномъ видѣ, были бы достойны изысканія ученыхъ нашихъ археологовъ, знающихъ средневѣковую символику. Впрочемъ и священныя изображенія альфреско, на стѣнахъ этого собора, хотя болѣе или менѣе реставрированы, достойны всякаго вниманія. Не знаю, гдѣ находятся рисунки съ нихъ, сдѣланные г. Сонцевымъ, но я видѣлъ нѣсколько рисунковъ въ очеркахъ у священника-живописца, Іосифа Желтоножскаго, который провелъ десять лѣтъ, участвуя при возобновленіи фресковъ, и который обѣщалъ мнѣ сообщить ихъ Обществу Древне-Русскаго искусства, но и доселѣ отъ него еще ничего не получено. Въ бытность мою въ Кіевѣ въ 1864 г. съ самыхъ замѣчательныхъ и нетронутыхъ подновленіемъ фресковъ снялъ я рисунки съ возможнымъ тщаніемъ и за вѣрность отвѣчаю. Весьма желательно было бы имѣть рисунки и съ тѣхъ фресковъ въ церкви Спаса на Берестовѣ, которые о. Іосифъ Желтоножскій недавно освободилъ отъ новой подмалевки. Въ 1864 г. я видѣлъ нѣсколько уже открытыхъ фресковъ; они нарисованы несравненно лучше чѣмъ Софійскіе. Еслибы Общество благоволило отнестись объ этомъ прямо къ священнику Іосифу Желтоножскому, то русская археологія сдѣлала бы новыя важныя пріобрѣтенія.

5) Мнѣ сказывали, что въ Кіевскомъ Губернскомъ Управленіи и въ бывшемъ Кіевскомъ Магистратѣ, теперешней городской Думѣ, сохранились старинные планы Стараго Кіева и Кіево-Подолы, составленные въ прошломъ столѣтіи. Еще въ началѣ 16-го вѣка упоминаются многія урочища и церкви. Первые въ началѣ текущаго столѣтія съ трудомъ припоминались старожилыми, а многія церкви, какъ-то: Святодуховская, Васильевская, Вознесенская, Спасская истреблены страшнымъ пожаромъ въ 1811 г. Отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ, и безъ старинныхъ плановъ невозможно съ точностію означить ихъ мѣсто. Тамъ же на Подолѣ, со стороны Днѣпра и Оболони, были и древнія укрѣпленія съ башнями и тріумфальными воротами. Все это извѣстно только гадательно. Къ весьма любопытнымъ рисункамъ принадлежатъ планъ и фасадъ бывшаго до пожара Магистрата Бого-спасаемаго града Кіева, которые хранятся въ архивѣ этой, нѣкогда бывшей Магдебурщины, столь близкой для Кіевлянъ, столь пріятной по воспоминаніямъ. Должно полагать, что въ этомъ же самомъ архивѣ отыщется и книга *Porządek Sadow i Spraw Mieyskich Prawa Magdeburskiego, w Krakowie 1618 г. in 4°*. По этому кодексу нѣкогда Магистратъ производилъ судъ и расправу въ стѣнахъ Кіева. По препорученію Ив. Ив. Фундуклея

книгой этой руководствовался и г. Журавскій при статистическомъ описаніи Кіевской губерніи. Къ сожалѣнію ея нѣтъ въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ. Думаю, что старанію нашего Археологическаго Общества не оставить содѣйствовать нынѣшній высокообразованный Кіевскій генералъ-губернаторъ, генералъ Безакъ.

6. Единственная во всей Россіи и притомъ драгоцѣнная и великолѣпная мозаика Софійскаго собора, надъ которою протекло уже восемь столѣтій, и доселѣ почти неизвѣстна знатокамъ и любителямъ отечественныхъ древностей, потому что публика не имѣетъ рисунковъ, достойныхъ своего предмета.—Въ 1810 г., по Высочайшему повелѣнію, были въ Кіевѣ отправлены Констан. Матв. Бороздинъ, Алекс. Иванов. Ермолаевъ, какъ археологи-описатели, и Дмитрій Ивановичъ Ивановъ, какъ архитекторъ и живописецъ. Первые два представили текстъ, описывающій это путешествіе, а художникъ Ивановъ представилъ рисунки и чертежи въ трехъ частяхъ, въ большую продолговатую четверть листа. Всѣхъ рисунковъ, относящихся къ Кіеву, 19-ть. Особенно рисунки этого незабвеннаго художника съ Кіевскихъ мозаикъ составляютъ теперь единственную—извѣстную мнѣ — въ Россіи копію этихъ древнихъ изображеній: они переданы красками подлинника, даже означены направленія мозаическихъ камешковъ, показаны мѣста отпадной мозаики, какъ на изображеніяхъ, такъ равно и на золотомъ фонѣ, и составляютъ самый точный, рабски копированный рисунокъ оригинала, характеръ коего переданъ съ неподражаемою вѣрностію, какъ было въ 1810 г. Теперь же мозаики подновлены и подмалеваны. Въ числѣ многихъ знатоковъ, видѣвшихъ оригиналы, восхищался этими рисунками и Петръ Ив. Кеппенъ, и крайне сожалѣлъ, что такое драгоцѣнное сокровище скрывается подъ спудомъ (*). Можетъ быть просвѣщенной ревности Московскаго Археологическаго Общества предоставлено удовлетворить желанію читателей отечественныхъ древностей и вывести на свѣтъ рисунки Иванова, именно въ томъ видѣ и величинѣ, какъ они сдѣланы художникомъ, потому что всякое уменьшеніе испортитъ ихъ. Упомянутые рисунки и текстъ къ нимъ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Одно лицо сообщило мнѣ, что тамъ же хранятся старинные рисунки и планы Кіева и есть особый каталогъ кіевскимъ документамъ и древностямъ. Очевидно, что пользуясь всѣмъ этимъ, можно бы значительно обогатить мои тридцатилѣтнія занятія по описанію Кіева.

7. Весьма было бы полезно узнать, нѣтъ ли въ архивѣ военнаго министерства чего либо изъ старинныхъ рисованныхъ или гравированныхъ плановъ Кіева, напримѣръ укрѣпленій, возведенныхъ генераломъ Гордономъ, графомъ Минихомъ около Старога Кіева и Кіево-Подола, тогдашнихъ видовъ и проч., и наконецъ

(*) См. Списокъ Русскихъ Памятниковъ, стр. 14.

8. Вслѣдствіе Высочайшаго указа Императрицы Екатерины II отъ 10 апрѣля 1786 г. монастырскія помѣстья поступили въ казенное управленіе, а грамоты и прочіе документы на эти имѣнія переданы были въ Казенныя Палаты. При учрежденіи Археографической Коммиссіи, принесшей столь обильную пользу для отечественной исторіи, Высочайше было повелѣно доставлять изъ присутственныхъ мѣстъ всякіе документы. Вслѣдствіе этого повелѣнія въ ноябрѣ 1828 г. изъ Кіевской Духовной Академіи отправлено въ Археографическую Коммиссію 150 старинныхъ документовъ. Въ августѣ 1842 г. изъ архива Кіевской Казенной Палаты отослано туда же 175 актовъ, всего 325. Бывшій редакторъ актовъ, относящихся къ Исторіи Западной Россіи, придворный протоіерей Іоаннъ Григоровичъ, извлекъ изъ перваго отдѣленія только 29, а изъ втораго 47, всего 76 актовъ, а прочіе 249 актовъ пока оставлены. При его знакомствѣ съ южно-русскимъ нарѣчіемъ, главное—онъ не зналъ мѣстности кіевской, и какую нибудь дарственную запись или сдѣлку, по незначительности цѣны, счелъ неважною; а между тѣмъ иногда встрѣтившееся названіе какой либо мѣстности открываетъ историческій фактъ, бывший дотолѣ неизвѣстнымъ. Напр. мѣстность, на которой выстроенъ теперь университетъ въ Кіевѣ, издавна называлась Панковщина. Не будь напечатана грамота, никакъ нельзя догадаться, что въ 1516 г. марта 17-го, 1562 г. октяб. 18-го, 1577 г. іюля 6-го, былъ Софійскимъ намѣстникомъ Василій Панковичъ, который овладѣлъ этимъ мѣстомъ, принадлежавшимъ Софійской каѳедрѣ, безъ вѣдома митрополита продалъ его, чѣмъ причинилъ тяжбу и даже нареканіе въ народѣ. Такихъ примѣровъ довольно: Красница, Кудрявецъ, Лукьяновка, Юрковица, Сырецъ, Уваровъ великій и проч. и проч. Слѣдовательно, упоминаемые 249 актовъ, которые не изданы, подлежатъ еще тщательному разсмотрѣнію. Почему я и осмѣливаюсь утруждать Археологическое Общество моею покорнѣйшею просьбой, употребить свое содѣйствіе, чтобы воспользоваться этими важными актами для Исторіи Кіева.

Москва.

Ноября 9 дня, 1865 г.

II.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Записка Дѣйств. Члена А. А. Котляревскаго.

Г. Лѣствицынъ, начальникъ газетнаго стола Ярославскаго губернскаго правленія, представилъ въ Общество составленный имъ «Историческій Указатель» (*) какъ печатныхъ мѣстныхъ (ярославскихъ) трудовъ по оте-

(*) Ярослав. Губерн. Вѣдомости. 1866 г. № 3-й.

чественной исторіи, археологіи, этнографіи, исторіи церкви и т. д., такъ и археологическихъ коллекцій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ той же мѣстности; при этомъ, въ письмѣ, г. Лѣствицынъ проситъ Общество, въ вознагражденіе его труда, указать ему ошибки, которыя гдѣ либо и бѣмъ либо будутъ замѣчены въ «Историческомъ Указателѣ». Обществу угодно было поручить мнѣ разсмотрѣніе этого труда. Представляя мое мнѣніе, не могу не припомнить, что еще до офиціального утвержденія нашего Устава, во время частныхъ совѣщаній, гр. А. С. Уваровъ обращалъ вниманіе гг. сочленовъ на необходимость составленія обстоятельной археологической библіографіи. Нѣкоторые изъ членовъ Общества тогда же изъявили готовность заняться этимъ предметомъ: одни—по отдѣлу собственно русскому, другіе—по славянскому..., и нельзя сомнѣваться, что лишь трудности, сопряженныя съ занятіями этого рода и желаніе представить Обществу работу, отвѣчающую всѣмъ требованіямъ современной науки—были причиною, почему мысль г. Предсѣдателя до сихъ поръ остается безъ видимаго исполненія.... Кажется, еще ранѣе—необходимость для успѣха науки имѣть обстоятельную археологическую библіографію стала предметомъ заботы Императорской Археологической Коммисіи: мнѣ извѣстно, что, подѣ опытнымъ руководствомъ члена ея В. Е. Тизенгаузена, такой трудъ не только задуманъ, но и предпринятъ и дѣятельно подвигается впередъ и, нѣтъ сомнѣнія, будетъ исполненъ съ тѣмъ знаніемъ дѣла и добросовѣстною тщательностью, какою отличаются всѣ ученыя предпріятія Коммисіи.

Если въ двухъ ученыхъ учрежденіяхъ, независимо другъ отъ друга, высказались одинаковая мысль и одинаковыя стремленія, то они должны быть признаны существенными и необходимыми; и дѣйствительно—такими представятся они каждому, кто привыкъ относиться къ предмету науки съ приличнымъ вниманіемъ и осторожностью, съ желаніемъ разсмотрѣть предметъ во всемъ доступномъ его объемѣ, принять въ расчетъ все извѣстное, чтобы не оступиться и не опустить изъ виду существенно важнаго. Наука не создается единичнымъ трудомъ лица, но главнымъ образомъ преемственнымъ трудомъ поколѣній, и ничто такъ не замедляетъ успѣховъ ея, какъ вольное или невольное невниманіе къ усиліямъ предшественниковъ; потому близкое знакомство съ прошедшимъ науки, ея такъ сказать наличнымъ капиталомъ, необходимо и обязательно для каждого изслѣдователя: это—столько же вопросъ его ученой добросовѣстности, сколько и условіе плодотворной прочности его труда... Но такое требованіе, само по себѣ справедливое и законное, будетъ слишкомъ строго въ примѣненіи къ русскому изслѣдователю и, главнымъ образомъ, по причинѣ отсутствія предварительныхъ спеціальныхъ библіографическихъ трудовъ по предмету. Наша историко-археологическая наука еще не знаетъ раздѣленія труда: ученому необходимо до всего доходить самому, въ одно и то же время быть и библіографомъ, и изслѣдователемъ предмета въ собственномъ смыслѣ, а трудность совмѣстить эти два различные рода занятій вредно отзывается и на всей наукѣ: не только старина выдается за новое, но часто пускаютъ въ ходъ

такія мнѣнія, о которыхъ не могло бы быть и помину, еслибы изслѣдователь имѣлъ возможность и удобство осмотрѣть предшествующую литературу предмета; иногда строятся и цѣлыя системы, которыя не переживаютъ дня своего появленія—и все это только потому, что ученый, не имѣя подъ руками справочной библіографіи, забываетъ какое нибудь свидѣтельство или памятникъ, заброшенный гдѣ нибудь въ старомъ изданіи, журналѣ или сборникѣ. Это явленіе столь справедливо, столь знакомо каждому изслѣдователю по личному печальному опыту, что даже не нуждается ни въ примѣрахъ, ни въ поясненіяхъ. Вообще—требованія полноты изслѣдованія, осторожности выводовъ, а потому и правильныхъ успѣховъ науки вообще — неизбѣжно приводятъ къ мысли о необходимости обстоятельныхъ специальныхъ библіографій предмета, къ какой бы отрасли историческихъ наукъ онъ ни принадлежалъ.... Возвращаясь собственно къ наукѣ русской древности, не могу не замѣтить, что всѣ наши извѣстные библіографическіе труды помогаютъ изслѣдователю лишь въ незначительной степени (*): одни изъ нихъ, исполненные съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла, съ тщательностію, заслуживающею искренней признательности, не имѣютъ строго спеціальнаго характера и ограничены литературою трехъ-четырехъ лѣтъ, ближайшихъ къ нашему времени (таковы добросовѣстные труды бр. Ламбиныхъ) (**); другіе—хотя и обнимаютъ болѣе обширный періодъ времени и имѣютъ болѣе спеціальныя характеръ, но обнаруживаютъ такіа наивныя отношенія своихъ авторовъ къ наукѣ, такую опрометчивую поспѣшность исполненія, что—по истинѣ—нельзя не поскорѣть о томъ изслѣдователѣ, который рѣшится довѣриться ихъ указаніямъ: результатъ не вознаграждаетъ въ этомъ случаѣ и половины труда, затраченного на приисканіе статей и справки по нимъ. Повидимому вѣрною мыслью руководятся эти библіографы: они хотятъ достигнуть возможной библіографической полноты указаній, но полнота собранныхъ свѣдѣній—еще не ручательство за практическую полезность труда; она не исключаетъ хаотическаго безпорядка въ немъ, при чемъ самая полная библіографія окажется бесполезною для практическаго сподручнаго употребленія. Полнота есть одно изъ необходимыхъ условій хорошаго библіографическаго труда; но цѣль его заключается въ томъ, чтобы доставить людямъ, занимающимся наукою, удобную и надежную книгу справочныхъ свѣдѣній; библіографической полноты можетъ достигнуть и простой копистъ-регистраторъ, котораго судьба поставитъ въ возможность вести списокъ выходящихъ книгъ и статей, но лишь опытный библіографъ можетъ изъ этой регистратуры сдѣлать полезный справочный библіографическій трудъ; для писца—это занятіе механическое, требующее лишь аккуратности машины, для библіографа—это вмѣстѣ съ тѣмъ и умственный трудъ, предполагающій знаком-

(*) Говоримъ здѣсь объ археологической новѣйшей библіографіи, но никакъ не о библіографіи рукописей и старопечатныхъ книгъ, гдѣ существуютъ почтенные и многополезные труды Калайдовича, Строевыхъ, Кеппена, Востокова, Ундольскаго, Сахарова, Срезневскаго, Горскаго, Невоструева и др.

(**) Русская историческая библіографія, годы 1855, 56 и 57, 3 книги. Спб. 1861—65. 8.

ство съ наукой. За вычетомъ упомянутого труда гг. Ламбинныхъ и немногихъ указателей старыхъ журналовъ (напр. Указателей г. Афанасьева къ Сѣверному Архиву и Отечественнымъ запискамъ Свиньина (*), отвѣчающихъ требованіямъ и полноты и библиографической толковости, ни одинъ библиографическій трудъ по литературѣ новой науки не соединяетъ въ себѣ условій, удовлетворяющихъ изслѣдователя, полнѣйшимъ долженъ быть признанъ нѣмецкій указатель покойн. Штукенберга (**), гдѣ между прочимъ удѣлено мѣсто археологіи въ собственномъ смыслѣ.

Возвращаясь къ «Указателю» г. Лѣствицына, замѣчу, что это—первый опытъ мѣстной историко-археологической библиографіи и опытъ, заслуживающій вниманія не только по мысли, но и по труду, потраченному на его исполненіе: онъ не великъ объемомъ (всего 4 столбца газеты); но кто понимаетъ, какъ при такого рода занятіяхъ—иногда для одной строки или одного свѣдѣнія—потребны самыя кропотливыя и утомительныя развѣдки,—тотъ не упрекнетъ его лишь за краткость содержанія; а что составителю онъ стоилъ труда, въ этомъ убѣждаетъ насъ полнота собранныхъ свѣдѣній, собранныхъ, очевидно, не случайно, а съ задуманною напередъ мыслью и планомъ. Отдавая съ этой стороны полную справедливость труду г. Лѣствицына, не могу однакоже не замѣтить, что въ отношеніи библиографическихъ пріемовъ онъ оставляетъ мѣсто многимъ и многимъ желаніямъ; скажу болѣе—въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, онъ оказывается едва ли не бесполезнымъ для историко-археологической науки: кажется, что составитель не имѣлъ даже въ виду требованій точной ученой библиографіи и цѣлей исторической науки, а хотѣлъ предложить лишь матеріалы для статистики образованности ярославской мѣстности; точная библиографическая обстановка, при такой цѣли, конечно оказывалась излишнею, и вотъ почему изслѣдователь, историкъ или археологъ, почти не можетъ воспользоваться свѣдѣніями, столь тщательно собранными г. Лѣствицынымъ: во всемъ «Указатѣлѣ» онъ находитъ лишь одну случайную библиографическую ссылку на періодическое изданіе—и то безъ означенія №; всѣ другіе труды помянуты однимъ голымъ заглавіемъ и годомъ, безъ означенія мѣста печати и другихъ обстоятельствъ (т. е. напечатаны ли они отдѣльно или въ какомъ періодическомъ изданіи, сборникъ и т. д.). Свѣдѣнія о коллекціяхъ древностей также не отличаются точною опредѣленностью и слишкомъ общи. Понятно, что при такомъ характерѣ извѣстій «Указателя», всякія справки по немъ—становятся невозможны или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени затруднительны; а между тѣмъ въ трудѣ г. Лѣствицына историкъ и археологъ встрѣтятся со многими, въ высшей степени важными и неизвѣстными для нихъ, указаніями (напр. извѣстіе о Владиміровой и другихъ монетахъ, о рукописяхъ, о коллекціяхъ древностей), съ заглавіями многихъ трудовъ, о которыхъ и помину не было въ текущей литературѣ, но которые, судя

(*) Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній о Россіи. к. I—IV. М. 1850—64.

(**) Versuch eines Quellen-Anzeigers alter und neuer Zeit für das Studium der Geographie, Topographie, Ethnographie.... des Russischen Reiches. Spb. 1851—2. 2 v.

по предмету, должны быть и важны и интересны.... Жаль было бы, еслибы «Историческій Указатель» г. Лѣствицына прошелъ даромъ для науки, и она не извлекла бы изъ него возможной существенной пользы; потому и имѣю честь предложить Обществу войти въ сношенія съ г. составителемъ и просить его пополнить свой трудъ, переработавъ его сообразно требованіямъ точнаго библиографическаго справочнаго указателя, именно:

1. При указаніи печатныхъ трудовъ привести точное заглавіе ихъ, время и мѣсто печати, отдѣльно ли онъ напечатанъ, или въ какомъ изданіи, сборникѣ, газетѣ или журналѣ.

2. Обозначить, хотя въ общихъ чертахъ, содержаніе статьи или книги, въ особенности указать на памятники старины, въ нихъ описываемые или напечатанные.

3. При указаніи коллекцій древностей (монетъ, рукописей и др. предметовъ) привести свѣдѣнія болѣе подробныя и опредѣленныя, въ особенности если предметъ относится къ болѣе отдаленной старинѣ.

Не скрою, что удовлетвореніе этимъ требованіямъ повлечетъ за собою не мало новаго труда со стороны составителя, но, исполнивъ ихъ по возможности, онъ не только пріобрѣтетъ полное право на признательность со стороны изслѣдователей, историковъ и археологовъ, но и обогатитъ отечественную науку трудомъ, какого она еще не имѣла и какого нельзя ждать отъ библиографовъ, работающихъ только въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и мало знакомыхъ съ мѣстными трудами, иногда вовсе неизвѣстными жителямъ столицъ и даже непопадающими въ самыя публичныя библіотеки.

Я не считаю нужнымъ распространяться, что, измѣненный сообразно требованіямъ науки, «Историческій Указатель» г. Лѣствицына можетъ всегда найти мѣсто въ изданіи Общества.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы примѣръ г. Лѣствицына вызвалъ соревнованіе со стороны гг. редакторовъ мѣстныхъ вѣдомостей и секретарей статистическихъ комитетовъ и побудилъ ихъ къ подобнымъ трудамъ. Не задаваясь многимъ, хорошо было бы на первый разъ имѣть, по крайней мѣрѣ, указатели или обзоры богатаго историко-археологическаго матеріала губернскихъ вѣдомостей и памятныхъ губернскихъ книжекъ со времени ихъ основанія. Я не говорю уже о томъ, что нѣкоторые матеріалы и статьи заслуживаютъ вторичной перепечатки въ изданіи, болѣе доступномъ публикѣ, чѣмъ листы провинціальной газеты (*).

Сборникъ замѣчательныхъ статей историко-археологическаго содержанія, толково, съ знаніемъ дѣла, составленный обзоръ прочаго матеріала науки, схороненнаго на столбцахъ губернскихъ вѣдомостей и провинціальныхъ

(*) Образцомъ толковаго обзора губернскихъ вѣдомостей нельзя не признать обзоры г. Боричевского (съ 1842—по 1850 г.), помѣщавшіеся въ Журн. Мин. Нар. Просв.; къ сожалѣнію—они не полны. Существовали также у насъ опыты перепечатокъ статей въ видѣ отдѣльнаго сборника (если не ошибаемся изъ Оренбургскихъ и Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей), но они, кажется, не поступали въ продажу, по крайней мѣрѣ еще менѣе извѣстны и доступны изслѣдователямъ, чѣмъ самыя губ. вѣд.

памятныхъ книжекъ—не только дастъ новую жизнь этому, доселѣ мертвому, капиталу, но, нѣтъ сомнѣнія, выгодно подѣйствуетъ и вообще на успѣхи самой науки.

Во надеждѣ на близкое исполненіе такого дѣла, я позволяю себѣ думать, что и наше Общество не останется къ нему равнодушнымъ: оно исполнить одну часть своей задачи, указанной г. Предсѣдателемъ, если предложитъ такимъ трудамъ зависящую отъ него поддержку, т. е. доведетъ ихъ, посредствомъ печати, до всеобщаго свѣдѣнія и пользоваія.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НАХОДКИ

ПРИ РАБОТАХЪ РОСТОВСКОЙ-ТАГАНРОГСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Въ Донскомъ Вѣстникѣ помѣщена статья г. Гривина, осматривавшаго подземные ходы, открытые близъ древняго Танаиса, около хутора Недвиговскаго, Гниловской станицы, Черкаскаго округа. Авторъ говоритъ, что назадъ тому два года, по распоряженію правительства или Археологическаго Общества, на мѣстѣ бывшаго въ древности города Танаиса, разрывали курганы и отыскивали подземный ходъ. Свидѣтелями этого розыска служатъ разрытыя древнія могилы, крѣпостной валъ и на 329 № отъ Таганрога, по линіи желѣзной дороги, поперечный чрезъ крѣпость вырытый ровъ и яма въ 35 футовъ глубины. Всѣ, повидимому, тщательные, сопряженные съ значительными издержками розыски съ цѣлію открыть подземный ходъ остались напрасными. Послѣ того въ апрѣлѣ настоящаго года рабочіе, обязавшись выставить на строящуюся нынѣ Ростовско-Таганрогскую желѣзную дорогу нѣсколько сотъ кубиковъ камня, на 30-ти-саженномъ разстояніи отъ будки желѣзной дороги, выстроенной на 330 №, напали на слишкомъ мягкій грунтъ земли, изъ котораго почти сплошною массой, немного пересыпаною землей, вырыли или, скорѣе, безъ особеннаго труда набрали до 53 кубиковъ песчаника, мелкаго камня, но когда прорыли въ глубь около шести аршинъ, то подъ ногами рабочихъ образовался провалъ. Рабочіе, заинтересованные такимъ явленіемъ, небольшое отверстіе разрыли шире, и имъ представилась канава, обложенная камнемъ. При осмотрѣ авторомъ статьи, подземный ходъ представлялъ слѣдующій видъ: наружное отверстіе, какъ бы колодезь; на подошвѣ ямы, на югъ къ Мертвому Донцу, начинается узкій проходъ, выложенный на-сухо песчаникомъ и въ безпорядкѣ на разстояніи около пяти сажень; затѣмъ въ глубь узкое отверстіе выложено, съ соблюденіемъ порядка, въ два шара сверху и по

бокамъ тесанымъ аршиннымъ бѣлымъ камнемъ. Входъ въ эту пещеру, по узкости боковъ и выдавшихся, должно-быть отъ времени, камней, слишкомъ труденъ, такъ что человѣкъ съ свѣчою не могъ пройти далѣе указаннаго разстоянія. Отверстіе этого большого входа накрыто цѣльнымъ камнемъ, имѣющимъ въ длину $2\frac{1}{4}$ аршина, въ ширину 5 четв. и въ толщину съ одной 9, а съ другой стороны 5 вершк.; на верхней части его высѣчены двѣ круглыя небольшія ямы, въ которыхъ можетъ вертеться цилиндръ. Съ восточной стороны подъ этимъ камнемъ пошла гряда сложенныхъ камней, имѣющая видъ стѣны; на сѣверъ окончаніе выхода, обложеннаго камнемъ. Земля, закрывающая входъ въ подземелье, насыпная, перемѣшанная съ мелкимъ камнемъ, битою глиняною посудой, и видны слѣды человѣческихъ костей; въ ямѣ, возлѣ большого камня, закрывающаго ходъ въ пещеру, найденъ человѣческій зубъ и другія раздробленныя кости. Въ апрѣлѣ же сего года рабочіе, по подряду управленія той же дороги, продолжая рыть камень, выбрали другую довольно глубокую яму, которую вслѣдъ затѣмъ дожди налили до краевъ водою; постоявъ нѣкоторое время, какъ бы въ котловинѣ, вода, какъ говорятъ жители, съ страшнымъ шумомъ и ревомъ ринулась подъ землю и такимъ образомъ образовала другой подземный ходъ, направленный отъ перваго на востокъ, выложенный также сѣченымъ камнемъ, но внутренность его г. Гривинымъ не осмотрѣна, потому что входъ снова забить землею и камнями, и снаружи остались только края камней, которыми обложена вторая канава. На сѣверо-востокъ отъ этого входа, одновременно съ открытіемъ его, вырыты были два огромнѣйшіе тесаные камня, какъ говорятъ, имѣющіе сходство съ камнями Крымскаго полуострова, которые поставлены были вмѣстѣ и представляли какъ бы ворота, но, къ сожалѣнію, камни эти рабочими разбиты на мелкія части и употреблены въ дѣло. Такъ безслѣдно, отъ невѣжественной руки рабочихъ, погибли памятники глубокой древности! Въ будкѣ на 330 № отъ Таганрога хранится, пудовъ до пяти вѣса, мраморный, бѣлаго цвѣта, камень, имѣющій видъ угла гробницы съ карнизами и съ одной стороны съ дырою для пирона. 14-го іюля въ Гниловскую станицу съ хутора Недвиговки доставлены семь кусковъ мраморныхъ камней съ надписями по-гречески; два изъ нихъ, по наружному виду, представляютъ одинъ камень, разбитый пополамъ и съ надписью одного шрифта; толщиною первая часть 4, шириною 8 вершк., длины по срединѣ $7\frac{1}{2}$ вершк., имѣетъ 14 строкъ, изъ которыхъ 11 можно прочесть, а три повреждены и не составляютъ слоговъ; вторая часть того же камня въ одномъ концѣ 9, а въ другомъ 5 вершк. ширины, толщины одинаковой съ первою, длины до $7\frac{1}{2}$ вершк.; здѣсь выбито 18 строкъ, изъ которыхъ одна верхняя и четыре нижнихъ не разобраны; мѣсто на которомъ, вѣроятно, былъ высѣченъ годъ сооруженія сего памятника, отбито. Повидимому, вся надпись заключаетъ въ себѣ мужскія имена, числомъ до пятидесяти. Камни эти, какъ говорятъ Недвиговскіе жители, найдены каменоломщиками также на мѣстѣ Недвиговскаго городища. Остальные пять кусковъ должны быть остатки отъ над-

гробныхъ памятниковъ, тонкія, мраморныя пластинки, разной по объему величины; на одномъ изъ нихъ изсѣченъ видъ орла, а на остальныхъ греческія буквы, но какъ разбитыя на части, не составляютъ слоговъ. Кромѣ мраморныхъ кусочковъ, найдено глиняное ушко греческой урны съ клеймомъ по-гречески «Аполлодонъ». Всѣ камни эти Гниловское станичное правленіе намѣрено отослать въ Черкасское окружное полицейское управленіе.

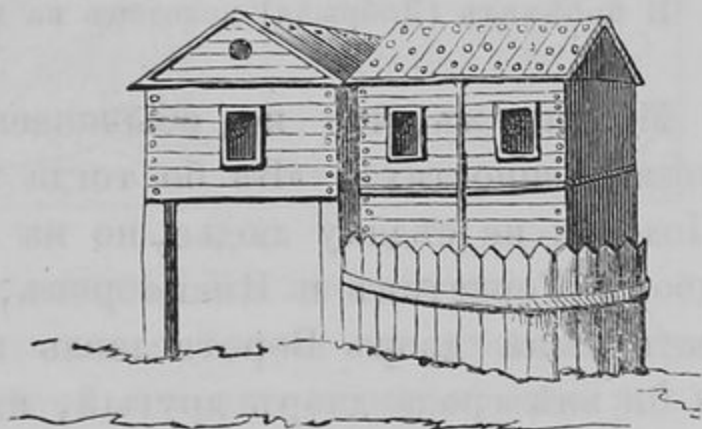
(Современная лѣтопись. 1869. № 32.)

Изъ Ростова на Дону въ С.-Петербургскія Вѣдомости сообщаютъ извѣстіе, весьма важное по своему археологическому значенію. По словамъ корреспондента, найдены признаки города Танаиса, существовавашаго около 1,300 л. тому назадъ. Изъ трехъ найденныхъ плитъ съ надписями, какъ говорятъ, на генуэзскомъ языкѣ, на мѣстѣ этого города, двѣ отосланы г. Поляковымъ въ археологическій музей, третья же привезена въ Черкасскъ. На 37-й верстѣ отъ Ростова, гдѣ находился древній Танаисъ, по предположенію, и гдѣ нынѣ казачій хуторъ Недвиговка, на берегу Донецкихъ гирлъ, рабочіе г. Полякова, ломая камни для постройки желѣзной дороги, попали на подземный ходъ, выложенный въ ростъ человѣка цѣльными камнями, и сверху обложенный также камнями, безъ всякихъ склеекъ цементомъ. Этотъ ходъ, идущій по направленію къ рѣкѣ Донцу, въ 25-ти саженьяхъ отъ берега, имѣетъ въ вышину два съ пол. арш., а въ ширину слишкомъ аршинъ. Пробовали туда входить со свѣчею и свѣча не гасла на 8 саж. Далѣе ходъ суживается. Неподалеку отъ этого главнаго отверстія находятся еще два—ближе къ Донцу, и тутъ-то, въ одномъ изъ нихъ, и найдены три плиты и маска. Отверстія эти завалены камнями и требуютъ значительной расчистки. По предположеніямъ и по надписямъ на плитахъ, здѣсь по близости долженъ быть ходъ, идущій отъ воротъ древняго Танаиса къ нынѣшнему устью Донца, т. е. къ морю, такъ какъ тогда, за 1300 л., здѣсь вѣроятно было море и Танаисъ былъ приморскимъ городомъ.

(Русскія Вѣдомости. 1869. № 235.)

Жилище. Деревянные постройки. Главный матеріалъ для построекъ у насъ, какъ вообще во всѣхъ сѣверныхъ странахъ, состоялъ изъ дерева, а потому наши памятники древнѣйшаго періода народнаго зодчества не сохранились. Въ настоящее время пополнить этотъ пробѣлъ въ памятникахъ можно только, отыскивая въ лѣтописяхъ всѣ указанія на постройки; такія же указанія встрѣчаются въ преданіяхъ и описаніяхъ въ древнихъ пѣсняхъ народа. Многое отыщется и у путешественниковъ, посѣтившихъ Россію, но, къ несчастію, число этихъ путешественниковъ увеличивается только къ концу XVI и въ XVII вѣкахъ, когда и безъ того мы имѣемъ довольно полныя свѣдѣнія о жилищахъ этого времени. За тѣмъ для изслѣдованія древнѣйшихъ жилищъ, кромѣ выше упомянутыхъ источниковъ и кромѣ изображеній въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, мы имѣемъ еще сравненіе нашихъ древнихъ построекъ съ устройствомъ домовъ въ Скандинавіи. Вліяніе варяжскихъ пришельцевъ отразилось, какъ кажется, по преимуществу на сѣверной части Россіи, между тѣмъ какъ на югѣ византійское вліяніе вступило въ борьбу съ скандинавскимъ и получило перевѣсъ. Какъ воспоминаніе византійскаго вліянія на зодчество сохранились у насъ названія: теремъ, келья, колиба, хыза, трапеза и другія (Аристовъ, Промышлен. др. Р. 85); но во всякомъ случаѣ оба вліянія замѣтны на первоначальномъ нашемъ зодествѣ.

Первыя свѣдѣнія о деревянныхъ постройкахъ Славянъ мы встрѣчаемъ у Прокопія и другихъ писателей (Макушевъ, Сказанія иностр. 108 и слѣд.), а за тѣмъ первыя изображенія такихъ жилищъ мы находимъ на знаменитой Траяновой колоннѣ (Froehner, La colonne Trajane). Этотъ памятникъ II вѣка представляетъ въ длинномъ барельефѣ всѣ Траяновы походы въ Дакію. Въ селахъ Даковъ дома деревянные, обитые снаружи досками, на которыхъ замѣтны гвозди. Крыши также изъ теса, прикрѣпленнаго гвоздями. Около деревень ограда изъ заостренныхъ кольевъ, а нѣкоторые дома въ два этажа, съ проѣздомъ внизу для воротъ, точно такъ, какъ въ нашихъ избахъ въ два жилья. Въ числѣ другихъ строеній изображена вышка или лѣтняя горница; вокругъ деревни частоколъ съ воротами, ведущими въ село. (Чертковъ, Временникъ X, 29; рисунки I—VIII). За тѣмъ восточный писатель Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ о деревянныхъ домахъ русскихъ: «Приплывая изъ земли своей, бросаютъ якорь на широкой рѣкѣ Итилѣ (Волгѣ), выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные дома на обѣихъ ея сторонахъ. Въ каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20» (Карамз. I. пр. 364).

Общія названія для жилищъ большаго размѣра были: хоромы, хоромъ, храмъ, храмина, храмница. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ селились Руссы, но знаемъ, что въ Скандинавіи деревни, по преимуществу, строились въ долинахъ, между тѣмъ какъ для отдѣльных домовъ предпо-
древности. II.

читали возвышенности и склоны горъ. То же самое дѣлали и у насъ съ отдѣльными дворами, и располагали ихъ также на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ (Костомаровъ, Очеркъ домашн. жизни, 37). По скандинавскимъ деревнямъ помѣщеніе и величина каждаго дома были опредѣлены, но общее расположеніе, какъ въ деревняхъ, такъ и въ отдѣльныхъ постройкахъ, было одинаково (Weinhold, Altnord. Leben. 214—216). За тѣмъ, сравнивая расположеніе скандинавскаго дома съ свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о древнихъ русскихъ жилищахъ, мы поражены будемъ разительнымъ сходствомъ между ними; и тѣ и другія какъ бы выстроены по одному плану.

Вокругъ всего жилища разстилался обширный дворъ, обнесенный заборомъ (tûn, gardr) состоящимъ или изъ столбовъ (Skidgardr), или изъ досокъ, или даже изъ столбовъ съ камнями. Онъ строился въ особенности крѣпко и прочно для отдѣльно лежащихъ домовъ, для защиты отъ нападеній, и потому назывался Virki. У насъ было то же самое, отъ чего слово дворъ получило значеніе жилища. Такимъ образомъ мы видимъ, въ лѣтописяхъ, что въ Кіевѣ упоминаются: «дворъ Коснячковъ», «дворъ Брячислава», «Княжь дворъ». Въ другомъ мѣстѣ сказано: (6491 г.) «Бяше Варягъ единъ и бѣ дворъ его, идѣже есть церкви Св. Богородица, юже сдѣла Владимиръ».... «и розъяша дворъ около его» (П. С. Л. I, 73, 35). Въ народныхъ пѣсняхъ дворъ, какъ неотъемлемая часть жилища, употребляется также вмѣсто словъ домъ и жилище.

Подѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому.

И проѣхалъ (Добрыня) молодецъ на вдовій дворъ (Кирѣевскій, Пѣсни. I, 44; II, 21).

Мы видимъ, что по обыкновенію скандинавскому дворы строились на возвышенностяхъ. «Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кіевскія, и на Подольи не сѣдаху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ города, и бѣ внѣ града дворъ другой, идѣже есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень» (П. С. Л. I, 23). Дворъ Коснячъки, воеводы Изяслава Ярославича, былъ также на возвышенности, потому что послѣ совѣщанія, когда народъ пошелъ къ воеводѣ: «идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ». Иногда вмѣсто слова дворъ, въ значеніи жилища, въ пѣсняхъ употреблены выраженія: подворье и придворье (Кирѣевскій I, 43. III, 30. II, 34). У людей зажиточныхъ дворы огораживались тыномъ или столпьемъ, а большею частію дворы обносились кольями или плетнемъ. Такъ о началѣ Печерскаго монастыря сказано: «Игуменъ же и братья заложиша церковь велику и монастырь огородиша столпьемъ» (П. С. Л. I, 68). На рисункѣ изъ рукописи XVI вѣка (житіе Св. Сергія, л. 90 обор.) мы видимъ, какимъ образомъ строился тынъ вокругъ двора. Заостривъ столбы и сдѣлавъ ихъ

всѣ одной мѣры, ихъ крѣпко вбивали въ землю. Въ лѣтописяхъ (III, 51) сохранилось выраженіе: «отынеша тыномъ всѣ». Дворы въ древней Руси были весьма обширны, и мы имѣемъ примѣры, что они дѣлились какъ удѣлы (П. С. Л. II, 27), и что два князя владѣли однимъ дворомъ (Костомаровъ, 36). Вообще обширность двора соотвѣтствовала, повидимому, знатности и богатству хозяина, отъ чего въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ дворы волшебниковъ восхваляются пространствомъ и крѣпостью тына.

Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзный тынъ,
А на всякой тынинкѣ по маковкѣ,
И на той по головѣ богатырскія (Кирѣевскій, I, 43).

У волшебницы Марины Добрыня находитъ жилище совершенно одинаковаго устройства, какъ у Соловья разбойника:

У Маришки-то дворъ на семи верстахъ,
А около двора у ней все желѣзный тынъ,
И на всякой тынинкѣ маковка позолоченная,

И середъ двора два терема стоятъ,
Два терема златоверховаты (II, 41, 44, 48).

А въ пѣсни о Иванѣ Гостиномъ сынѣ отмѣчена непрочность деревяннаго тына:

Уже какъ тотъ жеребецъ, сивогривый жеребецъ,
Онъ и тынъ изломилъ, онъ и въ поле ушелъ (III, 4).

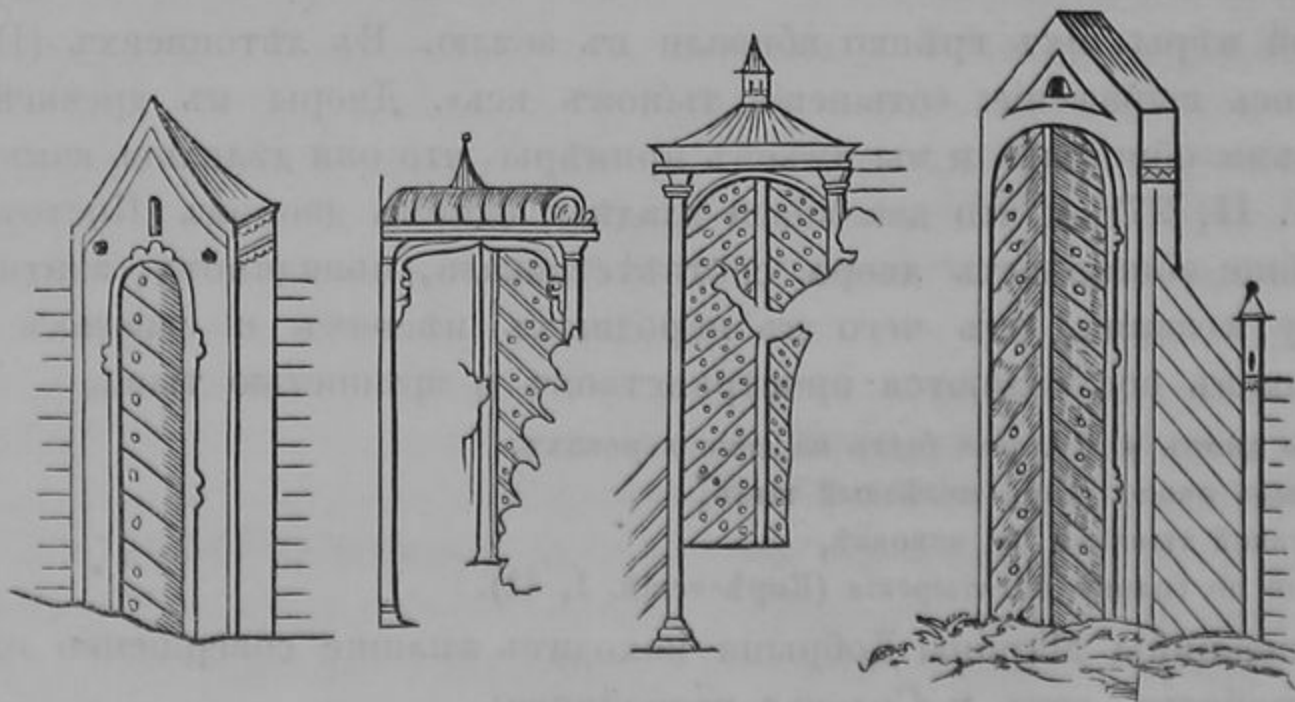
И о Добрынѣ Никитичѣ сказано:

Приѣхалъ онъ къ широку двору,
Онъ и пнулъ столбы своимъ чоботомъ,
Столбики пошатались,
Воротечки растворилися (II, 6).

Бояринъ Ставръ хвастается обширностію своего двора:

У меня-де, Ставра боярина,
Широкій дворъ не хуже города Кіева,
А дворъ у меня на семи верстахъ (Древн. р. стихотв. 124).

На дворъ вели двое и трое воротъ, иногда и болѣе—пять и семь (Акт. юр. 130, 132). При этомъ припомнимъ, что уже Маврикій пишетъ, что «Славяне дѣлаютъ въ своихъ жилищахъ много выходовъ на всякій случай» (Макушевъ, 110—111). Между воротами однѣ были главными, имѣвшими у Русскихъ, какъ замѣчаетъ Костомаровъ (стр. 38), нѣкотораго рода символическое значеніе. Онѣ украшались съ особенною заботливостію и дѣлались крытыя, а иногда въ видѣ отдѣльнаго проѣзднаго строенія (какъ на Траяновой колоннѣ) съ надстроенными на верху башенками. Самыя створки украшали разными изображеніями, какъ-то: орловъ, оленей, цвѣтовъ и т. п. (Въ Валгаллѣ надъ главною дверью висѣли волкъ и орелъ). Въ житіи св. Сергія XVI вѣка (листы 316, 321, 106, 234, 232, 263, 294) мы видимъ много образцовъ такихъ узорчатыхъ воротъ: однѣ въ двѣ створы съ досками, расположенными елками и съ правильно вбитыми гвоздями; другія—одностворныя, но съ такимъ же расположеніемъ

теса и гвоздей. Въ пѣсняхъ упоминаются ворота съ подворотнею:

Вскочила большая дочь (Соловья разбойника)
И взяла подворотню,

И хотѣла убить подворотней Илью Муромца;
Онъ взялъ калену стрѣлу
И застрѣлилъ ее на воротахъ (Кирѣевскій, I, 28—29).

Вѣроятно подъ воротами широкими надо подразумѣвать главныя ворота, какъ въ пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ:

А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія (I, 42).

На рисункѣ 4, на углу забора у воротъ, изображенъ столбъ въ видѣ башни съ острымъ верхомъ; вѣроятно такой столбъ есть то, что въ пѣсняхъ называютъ башнями на угольныхми:

Онъ въ подвѣргъ его кидалъ
Выше башни наугольной (Кирѣев. I, 84).

Дворъ, по положенію своему вокругъ жилища, былъ въ тѣсной связи съ домашнимъ бытомъ хозяина. Тутъ на дворѣ дѣлались встрѣчи, тутъ же на дворѣ собиралась дружина. Когда гости пріѣзжали верхомъ, то или сами привязывали коня къ столбу, къ кольцу булатному, или отдавали его конюхамъ. Это обыкновение было такъ общеизвѣстно, что въ нашихъ пѣсняхъ видно, какъ легко судить о пріѣзжемъ и о состояніи его духа по заботѣ его о своемъ конѣ.

Добрыня пріѣзжаетъ къ матери:

Пріѣхалъ къ ней среди двора,
Скочилъ Добрыня со добра коня,
Привязалъ къ дубову столбу,
Къ тому кольцу булатному (Кирѣевскій, II, 21; сравн. I, 44).

У Владиміра на столбѣ было кольцо золоченое (III, 51; II, 74). Когда же злой Калиникъ царь пріѣзжаетъ въ Кіевъ, то нарушаетъ всѣ принятые обычаи:

А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ
Среди двора княженецкаго,
Скакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Вѣжитъ онъ во gridню во свѣтлую,
А Спасу образу не молится... (I, 71).

Такое же нарушеніе обычая дѣлаетъ и Илья Муромецъ, какъ «дѣтина—сельщина», когда въ первый разъ пріѣзжаетъ къ князю Владиміру:

Становилъ коня да среди двора,
Становилъ онъ, да не привязывалъ,
Никому держать не приказывалъ (I, 82).

Тутъ же на дворѣ, кромѣ главнаго дома, у насъ, какъ и у Скандинавовъ, стояли отдѣльныя службы (*ûtibûr*, *ûtihûs*), которыя состояли изъ конюшни, амбаровъ, сараевъ, поварни или пекельницы, хлѣбни, бани, хлѣва и другихъ (Аристовъ, Промышл. д. Р. 86). Такія отдѣльныя службы сохранились доселѣ у насъ въ деревняхъ и въ скандинавскихъ поселеніяхъ въ Исландіи (Weinhold. 223).

Конюшня (haesthus) рѣдко попадаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ, но зато довольно часто упоминается въ народныхъ пѣсняхъ:

Идетъ на конюшню стоялю,

Беретъ онъ своего добра коня.

Походилъ онъ на конюшню бѣлодубовую (II, 23; III, 6).

Въ одной даже пѣсни говорится о конюшнѣ, какъ о зданіи каменномъ:

Выходилъ Ермакъ на широкій дворъ,

Заходилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны (I, 61).

Хлѣва устраивались для помѣщенія скота (Аристовъ, 86).

Амбаръ былъ назначенъ для храненія хлѣба, а когда устраивался въ нижнемъ этажѣ жилья, то носилъ названіе подклѣта. Эти подклѣты напоминаютъ такія же названія у Скандинавовъ: undirskemma, iarcthûs (Weinhold, 225, 227). Поварни или пекельницы (П. С. Л. III, 114, Аристовъ, 85) и хлѣбни существовали также и въ скандинавскихъ жилищахъ, и, для избѣжанія мышей, строились не на землѣ, а на балкахъ (Weinhold, 227—228).

Порубъ—такъ называлось особое строеніе, которое назначалось для содержанія плѣнныхъ или преступниковъ. Изъ лѣтописей мы видимъ, что порубъ строился въ землѣ, въ родѣ погреба, но часть постройки выходила и надъ землею. Въ этой-то части были окна. О порубѣ мы находимъ самыя удовлетворительныя подробности подъ 1067 годомъ (П. С. Л. I, 73,—Карамз. II, пр. 119). Изяславъ Ярославичъ стоялъ на сѣняхъ съ дружиною, когда народъ пришелъ на «Княжь дворъ». Видя возстаніе народа: «рече Туки, братъ Чюдинъ, Изяславу: видиши, княже, людье возвыли; послѣ, ать Всеслава, блюдутъ»... и рекоша дружина Князю: се зло есть; послѣ ко Всеславу, ать призвавше лестью къ оконцю, пронзуть ѿ мечемъ; и не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславу; Изяславъ же се видѣвъ со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба, въ 15 день Сентября, и поставиша ѿ средѣ двора княжа». Изъ этого мѣста можно заключить, что порубъ былъ отдѣльное строеніе отъ главнаго дома, былъ выстроенъ изъ дерева и на части, выходящей изъ земли, имѣлъ одно небольшое окно.

Бани строились или отдѣльнымъ зданіемъ на дворѣ, или для этого назначенія опредѣляли особую комнату въ домѣ (Аристовъ, 85. Weinhold, 393—395). У насъ, какъ въ Скандинавіи, каждое жилище имѣло свою особую баню, и только подъ 1089 годомъ (П. С. Л. I, 89) мы встрѣчаемъ первое извѣстіе о постройкѣ общественныхъ бань въ Переяславлѣ: «строенье банное, сего же не бысть преже въ Руси».

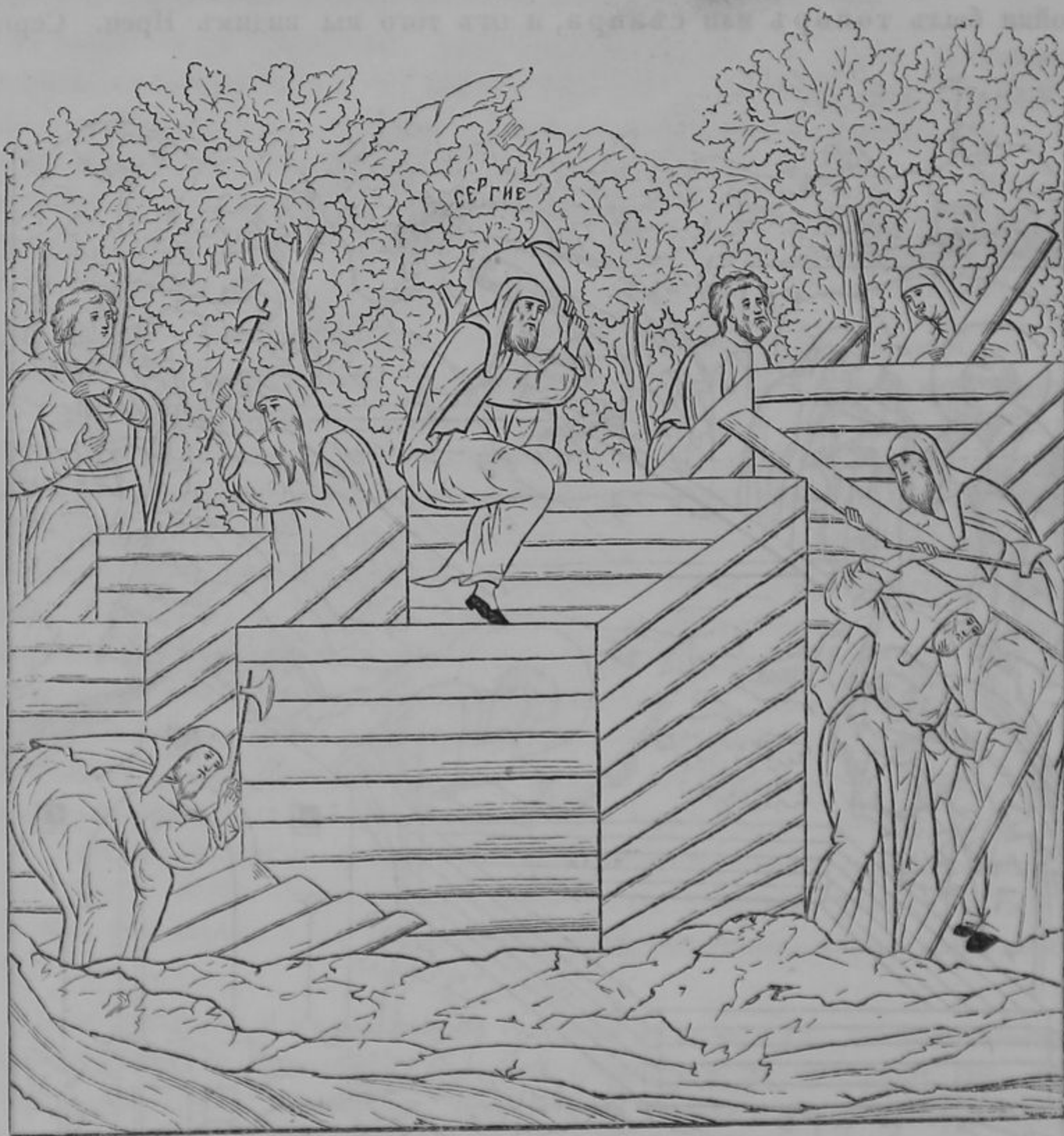
Переходя теперь къ изученію расположенія самаго главнаго дома, необходимо сперва бросить взглядъ на способъ постройки и на людей, которые исполняли эти постройки. Плотничество возшло у насъ въ ран-

нихъ . поръ на степень ремесла и промысла. Въ 988 году Владиміръ «повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири» (П. С. Л. I, 51); слѣдовательно уже въ то время были у насъ плотники; а подѣ 1016 годомъ мы видимъ, что Новгородцы въ особенности были извѣстны въ этомъ ремеслѣ: «И воевода нача Святополчѣ, ѣздя възлѣ берегъ, укарати Новгородцѣ, глаголя, что придосте съ хромьцемъ симъ, о вы плотници суще? а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ» (I, 61). Мы узнаемъ также, что зимою заготовляли лѣсъ на постройку, что пригоняли его водою на плотахъ, и что плотники составляли особую артель (Аристовъ, 87—89). Главнымъ и почти единственнымъ орудіемъ для постройки былъ топоръ или сѣкира, и отъ того мы видимъ Преп. Сергія

самаго, съ сѣкирою въ рукахъ работающаго (житіе XVI вѣка, листъ 58 оборотъ) надъ постройкою веліи. Плотники или древодѣлы и древодѣльцы, какъ мы видимъ на картинѣ, складывали брусья по землѣ, безъ каменнаго основанія, и съ такимъ умѣньемъ и такъ плотно, что въ цѣломъ

домъ не употребляли ни одного гвоздя, но за то скрѣпляли брусъ, положенные одинъ сверхъ другаго, посредствомъ зубцовъ въ нижнемъ и зарубокъ или выемокъ въ верхнемъ, такъ что зубцы вставлялись въ зарубки или выемки. Эти концы брусевъ назывались у Скандинавовъ (Weinhold, 217) *paefrag*; но мы не знаемъ, употребляли ли у нихъ мохъ между брусъ, какъ у насъ. Срубивъ всю избу, или всю церковь, до самой крыши, тогда только вырубали въ ней окна и двери, какъ мы это видимъ на рисункѣ въ Сильвестровскомъ житіи Бориса и Глѣба и въ житіи Св. Сергія, XVI вѣка.

(листъ 203). За тѣмъ въ Скандинавіи обивали стѣны тѣсомъ; а у насъ, по-видимому, это обыкновение не вошло въ употребленіе прежде XVI вѣка, когда начали обивать стѣны краснымъ тесомъ (Костомаровъ, 46). Въ упомянутомъ житіи Св. Сергія (на листѣ 132, на оборотѣ) мы видимъ предположеніе,

обивающаго домъ снаружи тѣсомъ. На этомъ же рисункѣ хорошо также видно устройство тесовой крыши.—Крышу, какъ замѣчаетъ Вейнгольдъ (стр. 217), сдѣланную изъ тѣса, березовой коры, осоки или дерна, не прикрѣпляли къ стѣнамъ, а только накладывали на нихъ, такъ что ее можно было стянуть долой. Такимъ образомъ, когда враги не могли одолѣть храбраго Гуннара въ его домѣ, тогда они стянули крышу съ дома и убили его (Weinhold, 217). Одинаковымъ почти образомъ поступили и по нашимъ лѣтописямъ (П. С. Л. II, 97) для убіенія Итлара. «И рече Итларь, «такъ буди». Яко влѣзоша въ истобку, тако запрени быша; възлѣзше на истобку, прокопаша ѿ верхъ, и тако Ольбекъ Ратиборичъ пріима лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итлара въ сердце и дружину его всю избиша». Стало быть горницы наши, какъ у Скандинавовъ, были большею частію безъ потолка; а крыша вѣроятно была покрыта березовою корою, осокою, дерномъ или соломою, потому что лѣтописецъ употребилъ слово: «прокопаша». Не имѣли пѣвецъ также въ виду этотъ древній скандинавскій обычай не прикрѣплять крыши, когда онъ рассказываетъ, что Илья Муромецъ.....

Приказалъ Соловью разбойнику свистнуть
Не во весь свистъ, а въ полъ свиста.
И Соловей свистнулъ
И крыши съ палатъ слетѣли (Кирѣевскій. I, 30).

Хотя въ другомъ варіантѣ той же пѣсни и говорится о желѣзныхъ связяхъ, но это выраженіе какъ бы прибавлено только для усиленія дѣйствія.

Сняло у палатъ верхъ до оконичьки,
Разломало всѣ связи желѣзныя (I, 38).

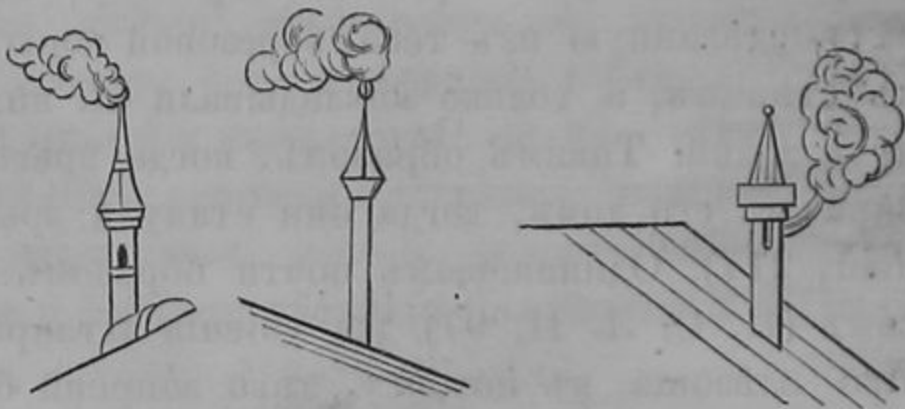
Обыкновенныя крыши домовъ были тесовыя, гонтовыя или изъ драни. Любопытно замѣтить, что скандинавское обыкновеніе покрывать крыши березовою корою сохранилось у насъ до XVI и XVII вѣка. Было въ обычаѣ, замѣчаетъ Костомаровъ (стр. 44), покрывать сверху кровлю березовою корою отъ сырости; это придавало ей пестроту, а иногда на кровлѣ клали землю и дернъ, въ предохраненіе отъ пожара. Крыши были на два ската, а иногда шатрами.

Съ теремовъ шатры посвалялися (Кирѣевскій. III, 3).

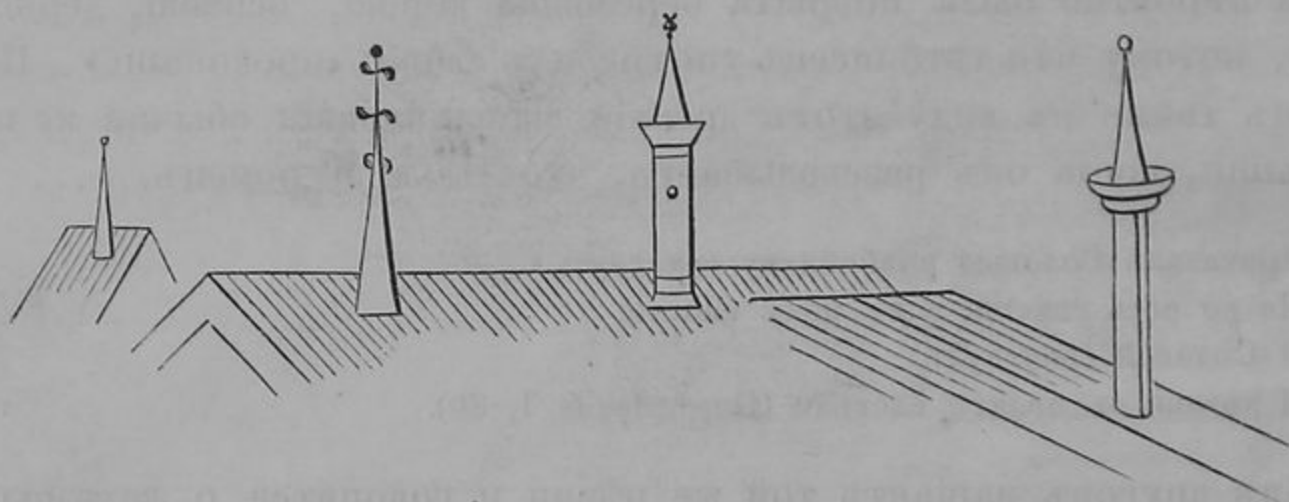
Теперь перейдемъ къ расположенію самаго дома, который состоялъ изъ теплаго жилья: избы, истбы, истопки, и сътопъки, истобки, подницы и холоднаго и лѣтняго жилья: клѣти. Загородныя лѣтніе дворы, какъ на примѣръ Берестовскій В. К. Владиміра, состояли, разумѣется, изъ однихъ холодныхъ покоевъ или клѣтей (Соловьева Исторія, I, 244). Первоначально теплое жилье не имѣло трубъ, и дымъ выходилъ чрезъ отверстіе въ крышѣ, но потомъ стали дѣлать трубы. Въ пѣсняхъ упоминается дымолокъ (дымоволокъ).

Полетѣло изъ дымолокъ кирпиче заморское (Кирѣевскій. I, 84).
древности. II.

И какъ видимъ на рисункѣ XVI вѣка (житіе св. Сергія) самыя разнообразныя формы трубъ.—Особая дорога, иногда мощеная, пролегла отъ главныхъ воротъ къ главному ходу. Добрый хозяинъ, говоритъ Домострой, долженъ содержать эту дорогу постоянно въ чистотѣ и наказывать слугамъ счищать съ нея грязь въ дождливое время и сугробы зимою.

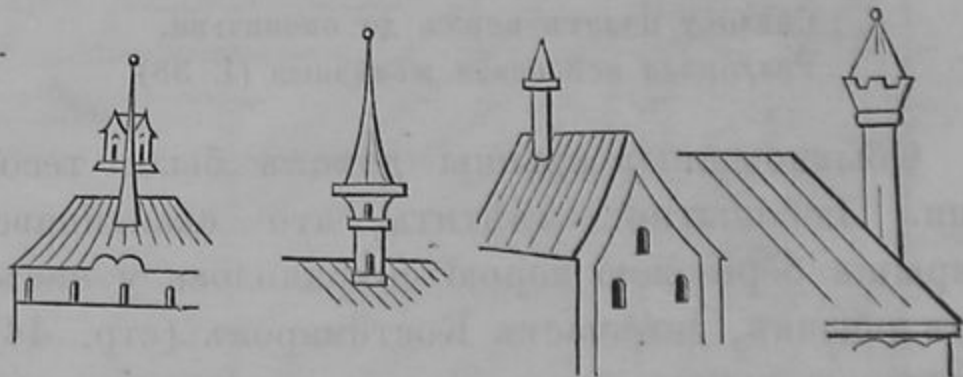
Передъ главными входными дверями въ домъ строили крыльцо, состоящее изъ лѣстницы, которая вела къ площадкѣ передъ дверьми.

Эта площадка, весьма обширная, возвышалась на высокихъ столбахъ, была накрыта навѣсомъ и называлась сѣнями, а иногда сѣнницею. Въ пѣсняхъ народныхъ все крыльцо, какъ главное, называется краснымъ.

Сбѣжалъ на крылечко, на красное;

А двери у терема желѣзныя (Ки-
рѣвскій. III, 118).

Въ одной пѣсни говорится даже о крыльцѣ злаченоемъ (III, 65).

Сѣни вели въ главное жилье, которое было расположено въ первомъ этажѣ; отъ того онѣ строились на высокихъ столбахъ, какъ замѣтили выше, чѣмъ и воспользовались убійцы двухъ Варяговъ при Владимірѣ: «Они же взявше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣняхъ съ сыномъ своимъ... и посѣкоша сѣни подъ нима и тако побиша я» (П. С. Л. I, 35). На приложенномъ рисункѣ (житіе св. Сергія л. 124) видны высокія сѣни, но довольно узкія, между тѣмъ какъ изъ лѣтописей знаемъ, что сѣни были очень обширны и могли вмѣщать цѣлый многочисленный пиръ. Тамъ, на-
примѣръ, въ Бѣлгородѣ князь Борисъ на сѣнницѣ пилъ съ дружиною и понами бѣлгородскими (П. С. Л. III, 56);

такая же толпа помѣстилась на сѣняхъ, когда хотѣли убить Вячеслава. «Въ то же время Вячеславъ сѣдѣше на сѣньниці, и мнози начаша молвити князю Изяславу: «княже! ими ѹ, дружину его изъеми», друзіи же молвахуть: «аѣть по сѣчемъ подъ нимъ сѣни. пойма съ собою мало дружины и лѣзе на сѣни къ Вячеславу» (II, 49). Въ пѣсняхъ мы видѣли, что употребляютъ слово: крыльцо вмѣсто сѣней; такимъ же образомъ въ лѣтописяхъ стоитъ слово: сѣни вмѣсто: крыльца. Въ числѣ сгорѣвшихъ въ 1183 году во Владимірѣ (П. С. Л. II, 127) вещей были также: «портъ шитыхъ золотомъ и женчугомъ, яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владычныхъ сѣній во двѣ же верви чюдныхъ». Въ пѣсняхъ сѣнямъ обыкновенно придаютъ прилагательное новыя. Когда Добрыня и Василій Казиміровичъ пріѣхали къ Батью, тогда:

Остался Добрыня на новыхъ сѣняхъ.

Въ палаты пошелъ Василій сынъ Казиміровичъ (Кирѣевскій. II, 84).

Выходилъ Черниговецъ изъ свѣтлой гряды,

Выходилъ Черниговецъ на новы сѣни,

Со новыхъ сѣней на крылечушко (III, 5).

Иногда ихъ называютъ косящатыми (отъ косяка):

И сбѣжалъ онъ на сѣни косящеты (Кир. II. 56).

Въ пѣсни объ Иванѣ Годиновичѣ (III, 12) весьма отчетливо описывается положеніе сѣней къ главнымъ дверямъ.

Онъ заѣхалъ къ царю на широкій дворъ,

Онъ поставилъ коня не привязавши.

Походилъ Иванъ на крылечушко,

Со крылечушка во новы сѣни,

Со новыхъ сѣней во свѣтлу гряду.

Онъ двери отпиралъ широко на пята,

Онъ двери запиралъ крѣпко на крѣпко.

Но иногда весьма трудно, въ нашихъ лѣтописяхъ, отличить эти сѣни или сѣнницы отъ первой комнаты, въ которую вступали, переступивъ первыя внѣшнія двери, потому что эту комнату, раздѣлявшую теплое жилье отъ холоднаго или клѣтей, также называли сѣнями. Для примѣра такого затрудненія: подъ 1145 годомъ (II, 21) говорится о совѣщаніи князей-братьевъ «у Всеволода на сѣнехъ». Хотя далѣе сказано, что послѣ семейнаго совѣщанья они цѣловали крестъ Игорю, но и это обстоятельство не разъясняетъ намъ тутъ слово сѣни. Между тѣмъ это различіе сѣней на крыльцѣ отъ сѣней—горницы иногда ясно опредѣлено въ лѣтописяхъ: «Петръ же поѣха въ градъ, и пріѣха на княжъ дворъ, и ту снидоша противу ему съ сѣней слугы княжи вси въ чернихъ мятлихъ, и видивъ се Петръ и подивися, что се есть; и яже взиде на сѣни, и види Ярослава сѣдѣща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его; и поставиша Петрови столецъ и сѣде» (П. С.

Л. П, 72). Отни мѣсто, т.е. мѣсто хозяина дома, было главнымъ мѣстомъ во вторыхъ сѣняхъ, потому что онѣ служили пріемною комнатою. Именно для этой цѣли сѣни освѣщались окнами. «Князю же изъ оконца зрящу и дружинѣ стояще у князя» (П. С. Л. I, 73). При этомъ такъ какъ князь въ сѣняхъ совѣщался и пировалъ съ дружиною, то отъ слова гридинъ, гридь прозвали эти сѣни гриднею, гридницею. (Погодинъ, Исслѣдов. III, 44, 221—232; Арцыбышевъ, I. прим. 19—20; Погодина Исслѣдов. VII, 90). Во всѣхъ нашихъ пѣсняхъ упоминаются свѣтлыя гридни (Кирѣевск. I, 71; II, 21, 22, 53, 67):

Пошелъ онъ ко ласкову Князю Владиміру,
Идетъ во гридню, во свѣтлую,
Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ Князь въ домъ свой.
И пошли во гридни свѣтлыя,

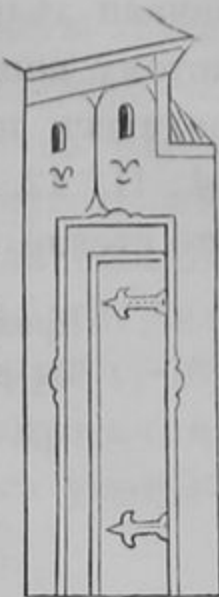
Садилися за столы бѣлодубовыя (Древ. р. стих. стр. 4, 11).

Названія свѣтлицы, горницы (Кирѣевскій, I, 82) вѣроятно принадлежали также сѣнямъ или гридницѣ (Костомаровъ, 39). Надо также тутъ обратить вниманіе на выраженіе свѣтлая гряда, часто употребляемое въ пѣсняхъ вмѣсто свѣтлая гридня или свѣтлыя сѣни:

Со новыхъ сѣней во свѣтлу гряду.
Тутъ пошелъ Иванъ изъ свѣтлой гряды,
Повелъ онъ Авдотью изъ свѣтлой гряды (Кирѣевскій, III. 12, 13, 14).

Гряда есть поперечное бревно отъ стѣны до печнаго голубца или вообще переводина или перекладина въ главной комнатѣ дома (Даль, Толк. Слов. Всякая жердь изъ стѣны въ стѣну. Платье на грядкѣ, а дуракъ на рукѣ. Арханг. полка вокругъ избы полѣвочникъ). Отсюда видимъ, что въ пѣсняхъ принимается часть сѣней за поперечную гряду, для обозначенія всей горницы. Но если эта гряда принимается за всю комнату, въ которой она лежитъ: то не значитъ ли это, что эта гряда составляла особо важную часть комнаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ этою именно грядою связано было какое нибудь важное преданіе? Тутъ мы невольно вспомнимъ, что и въ Скандинавіи народъ придавалъ особое суевѣрное значеніе тѣмъ грядамъ или бревнамъ, которыя стояли въ гридницѣ возлѣ главнаго мѣста, возлѣ «отни мѣста», какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ. Эти гряды или правильнѣе стойки носили особое названіе öndvegissäulen, Hochsitzbalken (Weinhold, 221) и украшались на верхней части рѣзьбою, по преимуществу изображеніемъ бога Тора. Разсказываютъ, что переселенцы въ Исландію брали съ собою эти бревна отъ роднаго жилья и, приплывъ къ берегу новаго отечества, кидали ихъ въ море, дабы боги указали имъ гдѣ селиться. Указанными мѣстами считались тѣ мѣста, куда море выкидывало эти бревна. Другіе переселенцы приносили жертвы Тору, прося его пригнать къ ихъ берегу такихъ завѣтныхъ бревенъ. Не вслѣдствіе ли такого же суевѣрнаго воспоминанія вошло у насъ въ обыкновеніе вмѣсто свѣтлыхъ сѣней, свѣтлой гридницы, употреблять выраженіе свѣтлая гряда?

Въ сѣни или въ гридницу вели внѣшнія двери, которыя по этой причинѣ устраивались вѣроятно крѣпче чѣмъ всѣ прочія. Онѣ «отпирались широко на пятау» и «закрывались крѣпко на крѣпко». Когда Блудъ заманилъ Ярополка, и зналъ, что за это убьютъ его, то «приде Ярополкъ къ Володимеру, яко полѣзе въ двери и подъяста ѿ два Варяга мечьми подъ пазусъ, Блудъ же затвори двери не да по немъ ити своимъ» (П. С. Л., I, 33). Рассматривая въ пѣсняхъ описаніе дверей, мы находимъ много подробностей объ устройствѣ ихъ. Въ каменныхъ зданіяхъ двери были большею частію желѣзныя (Костомаровъ, 47).

А двери у терема желѣзныя,

Двери у палатъ были желѣзныя (Кирѣев. II, 56; III, 74).

Въ житіи св. Никиты Переяславскаго (рукопись собр. гр. Уварова, № 351 въ л.) сказано: «Изыде (св. Никита) на предвратъ дома своего».

Мы уже видѣли, какъ часто упоминается о пятахъ; разъ говорится также о веревѣ или стойкѣ, на которой ходятъ двери:

Становился онъ о верію тоцѣную (Кирѣев. II, 13).

Въ другой пѣсни:

Онъ беретъ двери за скобу,

Отпираетъ двери на пятау (Кирѣев. I, 82).

Когда хотѣли выразить, что очень тайно, очень скрыто дѣлали, то писали:

Тутъ за тремя дверями умывалася,

Собиралася Маришка на пиръ-бесѣдушку (Кирѣев. II, 42).

Съ внутренней части Скандинавы прикрѣпляли двери толстыми поперечными бревнами, крѣпкими замками, а снаружи украшали рѣзьбою (Weinhold, 219). Въ пѣсняхъ говорится:

Онъ двери отпираетъ широко на пятау,

Онъ двери запираетъ крѣпко на крѣпко:

Дубовыя ободверины покосилъ (Кирѣевскій. III, 11).

У насъ принимали тѣ же самыя предосторожности для прикрѣпленія дверей. Онѣ дѣлались деревянныя на желѣзныхъ крюкахъ или на мѣдныхъ луженыхъ жиковинахъ (пѣтляхъ), подъ которыя подкладывали красное сукно. Жиковины и крюки были украшаемы золотою насѣчкою, какъ на бронзовыхъ дверяхъ, изготовляемыхъ въ Греціи (см. Амальфи, Трани и пр.).

Двери у палаты были желѣзныя,

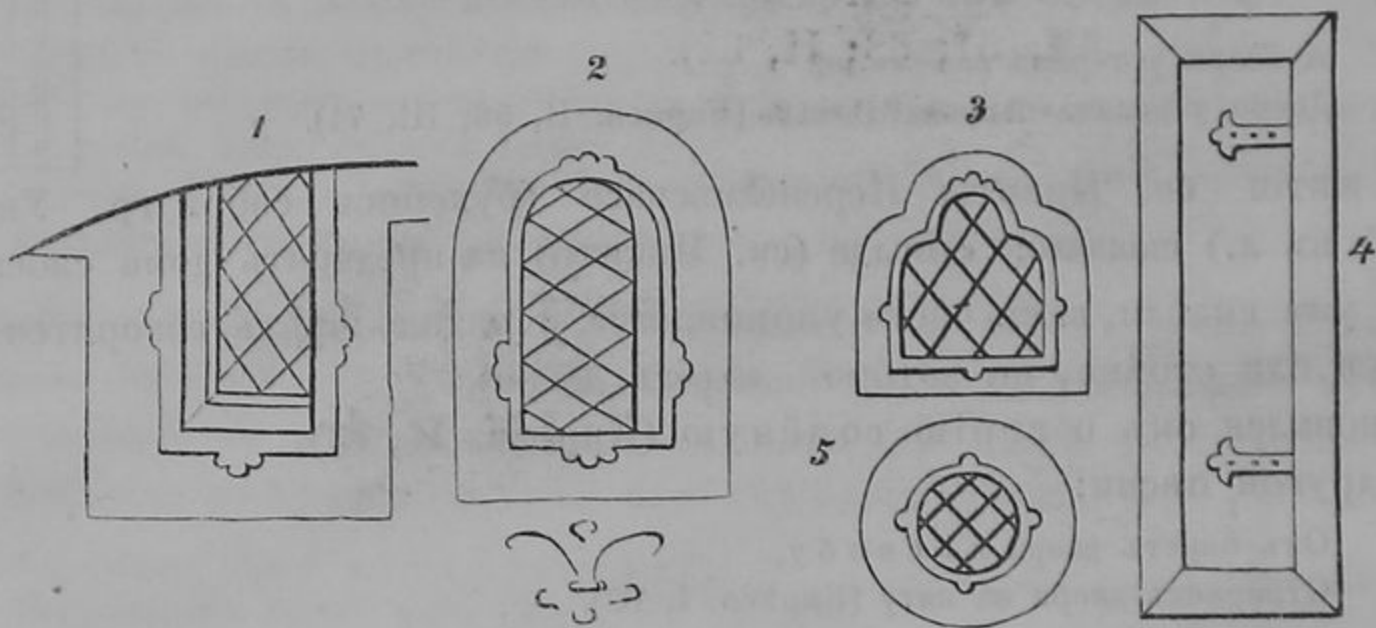
А крюки, пробои по булату злачены (Кирѣевскій. III, 74).

Двери были такъ малы и узки, что едва можно было въ нихъ войти (Костомаровъ, 47). Такія узкія двери видимъ мы въ житіи Бориса и Глѣба, а на приложенномъ рисункѣ (житіе Св. Сергія л. 308) на дверяхъ изображены жиковины, приклѣпленные гвоздями (Кирѣевскій. II, III, 74).

Въ простыхъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. Такъ какъ употребленіе стеколъ началось весьма поздно, и по цѣнѣ своей онѣ

были доступны только людям зажиточнымъ, то замѣняли ихъ натянутою кожею и слюдою (Костомаровъ, 45). Только при Алексѣй Михайловичѣ начали дѣлать стекло, а до тѣхъ поръ оно доставлялось изъ-за границы, и потому вошло въ употребленіе для оконъ прежде всего въ Новгородѣ; въ народныхъ пѣсняхъ вездѣ называютъ стекло англицкимъ (Кирѣевскій. I, 84; II, 42, 54, 92). Судя по упрекамъ Марины и змѣища Горинчища, видно, что стекла стоили дорого:

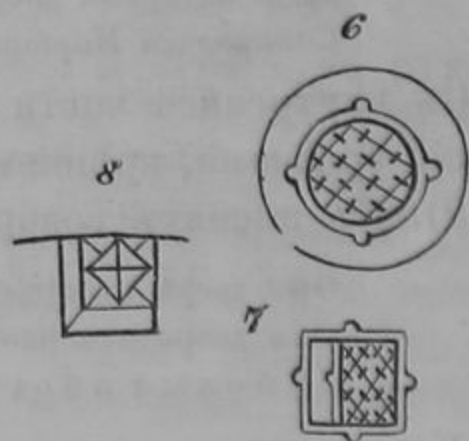
Проломилъ мою оконницу стеколчатую,
Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое (II, 56).

Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались двоякимъ образомъ, большими и малыми. Большія окна назывались красными и косящатыми:

А попалъ ко Маринѣ во теремъ,
Во окошечко въ косящатое,
Во оконенку стекольчатую (Кирѣевскій. II, 42, 92).

Къ такимъ краснымъ и косящатымъ окнамъ надо отнести большія окна 1, 2, 3, 4 (на рисункѣ изъ житія св. Сергія (листы 233, 253, 286, 290). Въ житіи Бориса и Глѣба мы видимъ такія же окна узкія, вродѣ продолговатаго четырехугольника, или съ дугowymi верхами. На № 3 дуга раздѣлена на три меньшихъ дужки или выемки; такихъ оконъ нѣтъ въ житіи Бориса и Глѣба, гдѣ онѣ замѣнены или совершенно треугольными окнами, или

окнами вродѣ буквы Д. Можетъ быть тутъ болѣе разыгралось воображеніе художника, который дозволилъ себѣ отступить отъ образца. Окна бывали и совершенно круглыя (№ 5, 6 житіе св. Сергія). Онѣ задѣлывались желѣзными рѣшетками (1, 2, 3, 5, 6, 7, 8), или заслонялись деревянными (4, 7) или желѣзными ставнями съ наружной стороны. Изнутри окна при-
творялись причалинами.

Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя (Кирѣевскій. II, 54).

Слюда и стекло располагались въ окнѣ съ большимъ искусствомъ: дѣлали желѣзный крестъ, около котораго во всѣ стороны расходились жердочки въ видѣ различныхъ фигуръ; въ эти фигуры вставлялись кусочки слюды или стекла. Когда слюда или стекло были вставлены четвероугольными кусочками, какъ на № 8, то окно называлось образчатое; когда вставляли репейками—репьястое. Полъ въ сѣняхъ былъ или досчатый, или изъ такъ называемаго дубоваго кирпича, родъ торца (Костомаровъ, 46); отъ чего въ пѣсняхъ говорится о кирпичатомъ полѣ или о кирпиченъ мостъ (Кирѣевскій I, 67, 68; II, 38). Иногда вмѣсто слова полъ употребляется середъ, середѣ и среда.

По середу кирпичному онъ запохаживалъ (Кирѣев. III, 42).

Такъ какъ описываемыя нами теперь сѣни находились во второмъ этажѣ дома, и что мы далѣе рассмотримъ помѣщенія, которыя расположены были подъ ними: то легко намъ объяснится, какимъ образомъ поступили при кончинѣ Владиміра. «Скончася мѣсяца Іюля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмъ и потайша ѹ, бѣ бо Святополкъ Кыевъ. Ночью же межю клѣтми проймавше помость, обертевше въ коверъ и ужи съвѣсиша на землю; възложше ѹ на сани, везше поставиша и въ святѣй Богородици» (П. С. Л. I, 54). Владиміръ умеръ 15 Іюля, въ лѣтнемъ своемъ дворѣ, въ Берестовѣ, слѣдовательно тутъ сѣни не раздѣляли истопку отъ клѣти, а находились между двумя клѣтками или холодными жильями. Служители, давшіе вѣроятно знать въ Кіевъ Святополку о кончинѣ его, чтобы вывезти тѣло по древнему обычаю не въ двери, разобрали въ сѣняхъ кирпиченъ мостъ или помость, спустили на веревкахъ тѣло въ нижнее пространство, расположенное подъ крыльцемъ, и вывезли его въ церковь Богородицы.

Изъ сѣней или пріемной комнаты двѣ двери вели въ другія горницы: одна въ теплое жилье, а другая, ей противоположная, въ холодное жилье или въ клѣти. Теплое жилье состояло изъ одрины и повалуши. Одрина, ложница или спальня топилась:

И приходятъ во спальну во теплую (Кирѣев. III, 86).

Когда жители Великихъ Лукъ съ воеводою ходили въ Летгалію (южную часть нынѣшней Лифляндской губерніи), то напавъ внезапно набѣгомъ: «на торонѣ и засташа я въ одринахъ» (Карамзинъ III, прим. 116). Въ одринахъ не только спали, но также и судили: «а Тіуну твоему судити въ одринѣ съ Новгородскими приставами» (VI, прим. 42). Одрины иногда устраивались особымъ строеніемъ на общемъ дворѣ и имѣли тогда свое особое крыльцо и сѣни. У Скандинавовъ Schlafhaus или Schlafstube составляло тоже отдѣльное строеніе (Weinhold. 226).

Повалуша, какъ кажется, принадлежала къ женскому отдѣленію дома, потому что въ лѣтописяхъ и въ пѣсняхъ она упоминается, когда рѣчь идетъ о женщинахъ. Софія, супруга Іоанна III, принимала Делатора, Австрій-

скаго посла «въ повалушѣ въ средней» (Карамз. VI, прим. 347), т. е. вѣроятно въ пріемныхъ сѣняхъ, лежащихъ на срединѣ ея покоевъ. Въ XV вѣкѣ мы вмѣстѣ съ повалушею видимъ горницу, которую звали западною (Карамз. VI, прим. 333). У Курбскаго мы находимъ довольно подробное описаніе расположенія повалушы: «слышахъ отъ самовидца, егда Царь ѣздилъ и жегъ веси и дворы онаго Іоанна Петровича (конюшаго Ѳедорова) со живущими въ нихъ, тогда обрѣлъ храмину зѣло высокую, по ихъ же нарицають повалиша (*), въ самыхъ верхнихъ каморахъ» (Карамз. IX, прим. 194). Когда Добрыня «въ Кіевѣ стольничалъ» и отправился къ Маринѣ:

По частымъ мелкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушамъ стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей (Кирѣевскій, II, 56).

Видно изъ этого, что горницы и повалушы, какъ одрины, составляли иногда отдѣльную постройку. Упомянутые тутъ голуби принадлежали съ древнѣйшихъ временъ къ домашней птицѣ, и имъ даже строили особыя голубятни (946 годъ). «Голуби же и воробьева полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, врабьева же подѣ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьники, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора идѣже не горяше» (П. С. Л. I, 25).

Противоположная дверь въ сѣняхъ вела въ холодное или лѣтнее жильѣ дома. Тутъ клѣти служили для лѣтняго времени на мѣсто теплыхъ покоевъ, иногда же употребляли ихъ, вѣроятно зимою, вмѣсто кладовой (Аристовъ. 84).

Подъ вторымъ или главнымъ этажемъ находился нижній этажъ или подклѣтъ и по преимуществу употреблялся для храненія жизненныхъ припасовъ. Тутъ находились погреба, амбаръ для хлѣба, медуши, бретьяницы. Когда жена Соловья Разбойника надѣялась выкупить мужа у Ильи Муромца, то посылаетъ сыновей:

«Вы подите въ подвалы глубокіе,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкій дворъ,
И встрѣчайте удача добраго молодца;
А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
Отца-то вашего въ торокахъ везетъ» (Кирѣевскій I, 43, 80).

Подклѣтъ съ глубокимъ подваломъ назывался въ Скандинавіи Erdhaus (iardhus); онъ служилъ, въ случаѣ неожиданнаго ночнаго нападенія и пожара, для спасенія жильцовъ и ихъ пожитковъ (Weinhold, 227). Подклѣты были глухіе и жилые (Костомаровъ 41—42).

Комната, соотвѣтствующая въ подклѣтѣ сѣнямъ или пріемной комнатѣ, называлась подсѣнье; вокругъ были расположены кладовыя. Объ нихъ мы

(*) Примѣчаніе къ пѣсн., собран. Кирѣевскимъ II, 53. На сѣверѣ въ Олонецкой и Архангельской губ. не говорятъ «лечь спать», а обыкновеннѣе—повалиться.

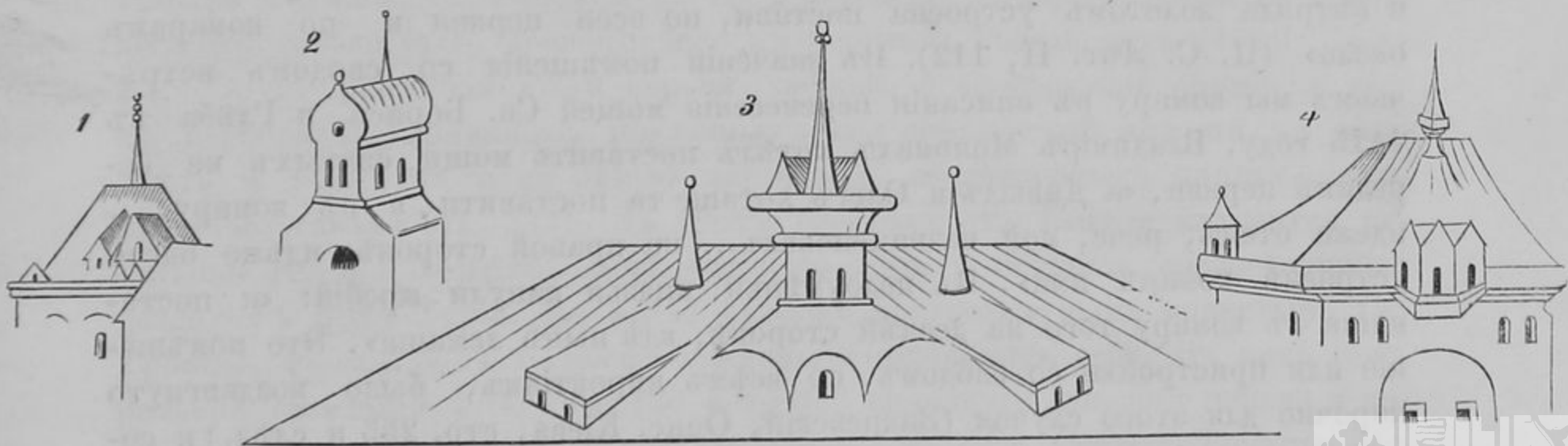
въ лѣтописяхъ, часто встрѣчаемъ свѣдѣнія. Въ селѣ Игоря Ольговича (1146 г.) «идѣже бѣше устроилъ дворъ добръ; бѣ же ту готовизны много въ бретьяницѣхъ, и въ погребѣхъ вина и медове, и что тяжкаго товара всякаго, до жилѣза и до мѣди, не тягли бяхуть отъ множества всего того вывозити. И ту дворъ (въ Путивлѣ) Святославъ раздѣли на 4 части и скотъницѣ, бретьяницѣ, и товаръ ихъ же бѣ не мочно двинути и въ погребѣхъ было 500 берковъсковъ меду, а вина 80 корчагъ» (П. С. Л. II, 26, 27).

При описаніи убіенія Андрея Боголюбскаго ясно видно, какимъ образомъ жизненные припасы и драгоценности помѣщались въ нижнемъ этажѣ. Убійцы «идушимъ имъ къ ложницѣ его и пріа и страхъ и трепитъ и бѣжаша съ сѣнѣи шедше въ медую и пиша вино. Андрей же въ торопѣ выскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати въ болѣзни сердца, иде подъ сѣни и сѣдящю ему за столпомъ въ сходнымъ, и оттуда идоша на сѣни (собственно на подсѣни) и выимаша золото и каменье дорогое и жемчугъ и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣнія» (П. С. Л. II, 113—114).

Мы видѣли расположеніе подклѣты; теперь посмотримъ на надстройки, которыя возвышались надъ главнымъ этажемъ. Эти надстройки, вежи (П. С. Л. I, 25) составляли третій этажъ дома и состояли изъ чердаковъ, выстроенныхъ надъ горницами, и изъ вышки, возвышающейся надъ сѣнями.

«Входила она на вышку, на высокую,
Становилась на бѣлѣ горючъ камень,
Глядѣла-смотрѣла въ чисто-поле (Кирѣев. III. 113).

На рисункѣ посольскаго двора у Олеарія эти надстройки имѣютъ затѣйливя фигуры: на одномъ концѣ зданія башня съ окномъ, а на другомъ—съ куполомъ; на куполѣ шаръ. На другомъ концѣ четвероугольная башня съ зубцами, по срединѣ шпиль. Въ житіи Бориса и Глѣба вежи составляли третій этажъ съ рядомъ маленькихъ круглыхъ оконъ по боковымъ фасадамъ и съ треугольнымъ окномъ на главномъ или онѣ составляютъ особую надстройку немного уже всего дома, или надстройку круглую съ куполомъ. Въ житіи св. Сергія чердаки и вышки составляютъ отдѣльныя надстройки, въ ко-

торыхъ вышки (№ 1, 3, 4) составляютъ какъ бы маленькое зданіе, которые могутъ быть и особые терема. На фронтонахъ и даже на всѣхъ стѣнахъ древности. II.

зданія для украшенія дѣлались линейки квадраты, листья, травы и зубцы.

Dr. Karl Weinhold, Altnordisches Leben. Berlin. 1856. 8.

Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. С.ПБ. 1860. 8:

Н. Аристовъ. Промышленность древней Руси. С.ПБ. 1866. 8.

В. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. С.ПБ. 1861. 8.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.

Полное собраніе Лѣтописей.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. М. 1860. 3 книги.

Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. 2-е изданіе. М. 1818. 4.

Погодинъ. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской Исторіи. Срав. фрески Кіево-Софійскаго собора.

Древнія русскія иконы.

Житіе Бориса и Глѣба. Изд. Импер. Арх. Обществомъ.

Лѣтописи Манассія суд. Чумикова

Забѣлинъ. Бытъ русскихъ Царей. Ч. I.

Домострой, изд. Голохвастова.

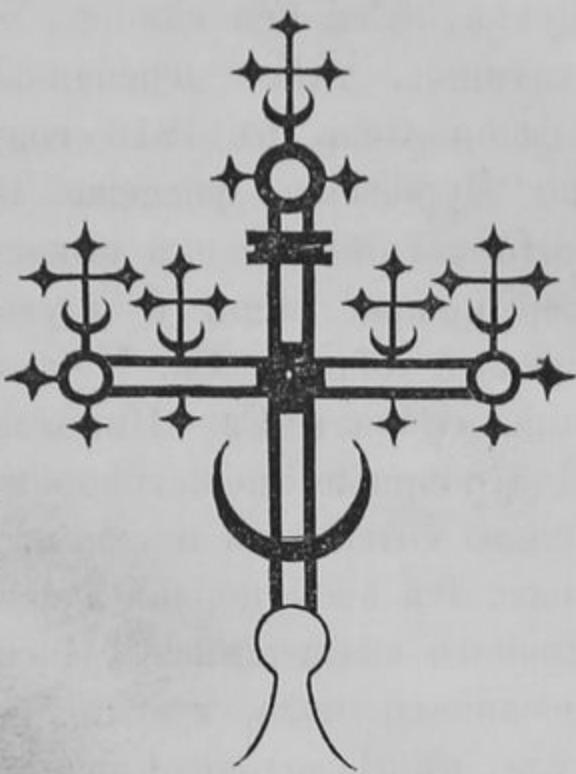
Гр. А. Уваровъ

Закамара. Примѣчаніе. Выраженія: закамара или закомара произошли отъ греческаго слова: *καμάρα*, въ которомъ заключаются два значенія, перешедшія въ латинскій языкъ въ двухъ различныхъ словахъ: *самага*—собственно сводъ, и *самега*—комната со сводомъ. Дюканжъ (*Glossarium med. et inf. graecitatis, atque gloss. med. et infim. latinitatis*) въ первомъ случаѣ переводитъ чрезъ *formix*, во второмъ—чрезъ *cubiculum*. То же самое встрѣчаемъ мы и въ русскомъ комара. Въ значеніи фронтона зданія: «И въ Боголюбовѣ и въ Володимірѣ городъ верхъ бо златомъ устрои и комары позолоти, и поясъ златомъ устрои, каменьемъ усвѣти и столпы позлати изовну церкви и по комарамъ же ктохы (ноткы) золоты, и кубки и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комарамъ около» (П. С. Лѣт. II, 112). Въ значеніи помѣщенія со сводомъ встрѣчаемъ мы комару въ описаніи перенесенія мощей Св. Бориса и Глѣба въ 1115 году. Владиміръ Мономахъ хотѣлъ поставить мощи святыхъ на серединѣ церкви, «а Давыдъ и Олегъ хотяше та поставити я въ комару,.... идеже отецъ, рече, мой назнаменовалъ... на правой сторонѣ: идѣже бяста устроенъ комаръ има». Въ недоумѣніи, князья кинули жребій: «и поставиша въ комару того на деснѣй сторонѣ, кдѣ нынѣ лежаша». Это помѣщеніе или пристройка со сводомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, было воздвигнуто нарочно для этого случая (Закревскій, Опис. Кіева, стр. 255 и слѣд.) и состояло изъ довольно обширной комнаты.

Гр. А. Уваровъ

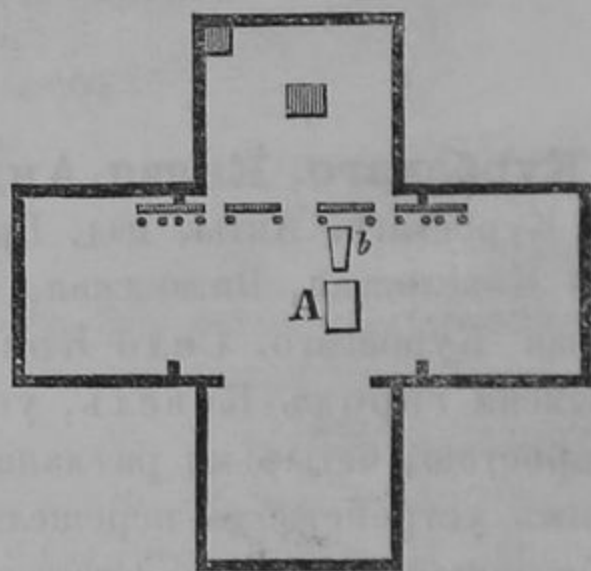
Кресты. Въ Стоглавѣ (стр. 132 изд. Кожанчикова), вопросъ восьмой, сказано: «тако же бы и впредь святыя кресты тѣмъ образомъ ставити на святыхъ церквахъ, а что на многихъ церквахъ стоятъ честныя кресты, и на тѣхъ крестѣхъ на концѣхъ придѣлываютъ кузнецы иные меньшія кресты по два и по три вмѣстѣ, тѣ меньшія кресты бурею и вѣтромъ сильнымъ почасту ломаетъ; и впредь бы кузнецы дѣлали кресты по чину: по древнимъ образомъ, яко же уставили и предаша святѣи Апостоли и святѣи отцы; а по концемъ бы дѣлали для крѣпости по единому кресту со всякимъ утвержденіемъ, а отъ своего замышленія ни что же не предворяли, кромѣ церковнаго преданія». Д. чл. Н. А. Артлебенъ сообщилъ прилагаемый рисунокъ съ креста, находящагося на церкви Спаса, у золотыхъ воротъ, во Владимірѣ.

Гр. А. Уваровъ.

Курбскаго, Князя Андрея, помѣстья на Волыни. (Жизнь кн. А. Курбскаго. Акты, изд. Врем. Коммис. Кіевъ. 1849. 4-^о. 2 части). Волости Ковельская, Вишовская, Смединская и Миляковская составляли имѣніе князя Курбскаго. Село Ковле, изъ котораго образовался въ послѣдствіи времени городъ Ковель, управлялся своимъ особымъ мѣстнымъ судомъ, старостою, четырьмя ратманами, на основаніи Магдебургскаго права, и съ этимъ устройствомъ перешелъ онъ къ Курбскому, какъ ленному владѣльцу. Обязанный судить по Статуту Литовскому, Курбскій иногда, по привычкѣ вѣроятно, примѣнялъ вмѣсто Статута Судебникъ Іоанна IV (Акты истор. I. 254). Ковель находился подъ защитою замка, окруженнаго стѣнами съ башнями, который истребленъ пожаромъ. Въ церквахъ нѣтъ ни древнихъ образовъ, ни древней утвари, вѣроятно потому, что княгиня Курбская, Александра Семашковна, выѣзжая въ свои литовскія имѣнія, забрала съ собою все, что только было драгоценнаго въ церквахъ ковельскихъ (1590, іюня 2. . . «Опустошивъ замокъ и церкви, забравъ огнестрѣльное оружіе и казну церковную, причинивъ подданнымъ его королевской милости не мало обидъ и убытковъ и не отдавъ инвентаря, заключающаго описаніе имѣній ковельскихъ» (II. 227). Въ трехъ верстахъ отъ Ковеля находится небольшое селеніе Вербка, близъ котораго лежитъ островъ, образовавшійся разлитіемъ рѣки Туріи. На этомъ островѣ построенъ былъ монастырь Св. Троицы, въ которомъ Курбскій завѣщалъ похоронить себя. Въ актѣ генеральной визитаціи 1760 года (20 февраля) находится описаніе церкви и монастырскихъ строеній. «Церковь деревянная въ селѣ Святыя Троицы, об одномъ куполѣ, покрыта гонтами; на ней три желѣзные креста; деревянная дверь на желѣзныхъ петляхъ. Къ церкви пристроена колокольня, на кото-

рой четыре колокола. Церковное мѣсто не огорожено, а только омывается рѣкою Турією. При церкви бѣлая изба съ двумя окнами, а въ ней изразцовая зеленая печь съ трубою; изъ избы ходъ въ чуланъ, за перегородкой кухня, а за ней комора, покрыты соломой. На противоположной сторонѣ житница, также деревянный сарай съ навѣсами и два хлѣва». Церковь возобновлена въ 1818 году (табл.) I, а утварь церковная, еще при жизни Курбскаго, унесена Исаіемъ, игуменомъ Вербскимъ въ 1582 году, который бѣжалъ изъ монастыря, забравъ оправленные серебромъ Евангеліе, серебряныя чаши и другія вещи церковныя (I, 227). Сохранился только древній образъ Св. Николая, записанный также въ генеральной визитаціи. «Образъ Св. Николая древнѣйшей живописи (*antiquissimae picturae*). Достоверные люди говорятъ, что этотъ образъ существуетъ здѣсь около двухъ сотъ лѣтъ и славится чудесами, которыя впрочемъ нигдѣ не описаны». Въ этой церкви былъ похороненъ Курбскій, «у ногъ отца моего духовнаго священника Александра» (I, 192, 229; II. 327). При вскрытіи деревяннаго пола крестообразной церкви, предъ мѣстнымъ образомъ Спасителя, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ иконостаса, открытъ склепъ (а), сложенный изъ кирпича и обрушившійся въ срединѣ безъ всякой при немъ надписи. Въ склепѣ лежали остатки согнившаго деревяннаго гроба и тлѣющія кости. Между этимъ склепомъ и иконостасомъ открыты остатки истлѣвшаго деревяннаго гроба (б). Если принять каменный склепъ (а) за гробницу Курбскаго, то въ гробу (б) долженъ быть погребенъ духовникъ его Александръ. Кромѣ того найдены и другіе деревянные гробы въ разныхъ мѣстахъ подъ поломъ церкви. На Волыни знатныя лица погребались въ подобныхъ же склепахъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщался, поверхъ церковнаго пола, надгробный камень, на которомъ дѣлалась надпись. Современникъ Курбскаго, Князь Димитрій Козѣвка, погребенъ въ совершенно подобной гробницѣ въ Зименскомъ монастырѣ, неподалеку отъ города Владиміра Волынскаго (II. 325—328). Въ волости Ковельской находится также село Секунь, данное Курбскимъ своему слугѣ и сподвижнику москвитянину Ивану Калымету. До сихъ поръ въ Секунѣ находится ветхая деревянная церковь обь одномъ куполѣ съ пристроенною къ ней колокольней. Въ этой церкви хранятся нѣсколько древнихъ иконъ греческихъ, между которыми самыя древнія—икона Божіей Матери и Святителя Николая. Вишовская волость состояла изъ мѣстечка Вижва, села старая Вижва, и села Воля. Вступивъ въ управленіе Ковельскими имѣніями, Курбскій поставилъ въ Вижвѣ урядникомъ москвитянина Ивана Посника. Въ десяти верстахъ отъ Вижвы лежитъ Свѣднѣ.

нынѣ село Смединѣ, пожалованное Курбскому въ 1567 году на такомъ же правѣ, какъ и Ковельское имѣніе. Урядникомъ сюда былъ назначенъ москвитининъ Петръ Вороновецкій. Курбскій, прибывъ на Волынѣ, поселился въ мѣстечкѣ Мселяновигахъ, которое прежде принадлежало къ королевскимъ имѣніямъ. Тутъ онъ имѣлъ дворецъ съ садомъ и хозяйственными зданіями, который помѣщался на площади, примыкающей съ юга къ Мселяновигамъ. Остались слѣды сгнившихъ деревянныхъ зданій. На лѣвой сторонѣ двора жители указываютъ мѣсто, гдѣ была придворная церковь. Въ мѣстной Покровской церкви сохраняются два экземпляра Евангелія, напечатаннаго въ Вильнѣ въ 1575 году.

Гр. А. УВАРОВЪ.

Курганъ. Для научнаго изслѣдованія кургановъ необходимо составить, по возможности, полный списокъ всѣхъ сочиненій, изданныхъ какъ по части раскопокъ кургановъ въ разныхъ странахъ, такъ и по части описаній предметовъ, найденныхъ въ курганахъ.

M. Ch. Seyffert. Tractatus historico-moralis de numis in ore defunctorum repertis, quem una cum praecipuis in sepultura Ethnicorum, Iudeorum et Christianorum observatis ceremoniis. Dresdae et Lipsiae. 1712. 12.

Christ. Frid. Richter. De numis sepulchralibus. Witembergae. 1709. 4°.

M. Ioh. Gottl. Nimptsch. De sepulcris ad viam publicam ad illustrandum Luc. XI. 44.—Lipsiae. 1721. 4°.

M. Chr. Stieffius. De urnis in Silesia lignicensibus atque pilgramsdorfiensibus epistola. Wratislaviae et Lipsiae. 1704. 4°. cum figuris.

Ioachim Hartwig Müller. Versuch einer Abhandlung von den Urnen der alten Deutschen und Nordischen Völker. Altona und Flensburg. 1756. 8°. Gottfr. Schütze написал предисловіе.

Christ. Detler Rhode. Cimbrisch-Holsteinische Antiquitäten-Remarques oder: Accurate und umständliche Beschreibung derer in den Grab-Hügeln derer alten Heydnischen Hollsteiner der Gegend Hamburg gefundenen Reliquien, als Urnen, Wehr und Waffen, Zierrathen, Ringe etc. Hamburg. 1720. 4°. cum figuris.

Chr. Frid. Reusch. De tumulis et urnis sepulchralibus in Prussia. 1724. 4°. cum figuris.

Ioh. Traugott Schneider. Beschreibung der heidnischen Begräbniss-Plätze zu Zilmsdorf in der Ober-Lausitz. Görlitz. 1827. 8° cum figuris. Изданъ былъ только первый выпускъ.

Charles Wilhelmi. Les anciens tombeaux germaniques à Sinsheim près de Heidelberg. Suivi de la description des monumens romains découverts à l'Odenwald et déposés dans le cabinet d'antiquités à Erbach. Heidelberg. 1831. 8°. cum figuris.

W. und L. Lindenschmidt. Das germanische Todtenlager bei Selzen in der Provinz Rheinhessen. Mainz. 1848. 8° cum figuris.

D. von Raiser. Die aus einer uralten Grabstätte bey Nordendorf bis Ende der Jahres 1843 erhobenen merkwürdigen Fundstücke und Alterthümer. Augsburg. 1844. 8°. cum figuris.

— — — Fortgesetzte Fundgeschichte einer uralten Grabstätte bei Nordendorf. Erklärung der im Jahre 1844 ausgegrabenen und abgebildeten Antikaglien. Augsburg. 1846. 4°. cum figuris.

Boucher de Perthes. Antiquités celtiques et antédiluviennes. Mémoire sur l'industrie primitive et les arts à leur origine. Paris. 1847—1857. 8°. 2 volumes, cum figuris.

L'abbé Cochet. Sepultures gauloises, romaines, franques et normandes faisant suite à la Normandie souterraine. Paris 1857. 8. cum figuris.

— — — La Normandie souterraine ou notices sur des cimetières romains et des cimetières francs explorés en Normandie. 2 édit. Paris. 1855. 8° cum figuris.

Fouilles exécutées dans les tombelles celtiques de la forêt de Haguenau. Dans le Bulletin de la Soc. d'Alsace. Paris et Strasbourg. 1862. 8°. cum figur.

De Caumont. Cercueil gallo-romain en plomb, trouvé à Lieusaint. Bulletin monumental. VI. p. 131.

Léon Fallue. Tombeaux de la vallée de l'Eaulne. Revue archéologique. XII. p. 148.

O. Penguilly. Tumulus gaulois de Suriauville. ibidem. 1860. II. p. 200.

— — — Enmanchement des haches de bronze. ibidem. 1861. IX. p. 329.

De Saint-Marceaux. Instruments en silex taillés. ibidem. 1861. III. p. 290.

Namur. De lacrymatoriis. Bulletin monum. II. p. 77.

L. Lindenschmidt. Die vaterländischen Alterthümer der Fürstl. Hohen zoller'schen Sammlung zu Sigmaringen. Mainz. 1860. 4. cum figur.

— — — Die Aelterthümer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz.

Издается съ 1858 года; первая часть окончена.

Ernst Kirchner. Thor's Donnerkeil und die steinernen Opfergeräthe des nord-germanischen Heidenthums. Neu-Strelitz. 1853. 8 VIII Tafeln.

G. O. Carl von Estorff. Heidnische Alterthümer der Gegend von Uelzen im chemaligen Bardengaue (Konigreich Hannover). Hannover. 1846 f. cum figuris.

Math. Kalina von Iaethenstein. Boehmens heidnische Opferplätze, Gräber, und Alterthümer. Prag. 1836. 8. XXXV Tafeln.

G. C. H. Lisch. Andeutungen über die altgermanischen und slavischen Grabalterthümer Meklemburgs. (Schwerin). 1837. 8°.

Atlas de l'archéologie du Nord représentant des échantillons de l'âge de bronze et de l'âge de fer, publié par la Société royale des antiquaires du Nord. Copenhague. 1857. f°.

R. C. Neville. Saxon obsequies illustrated by ornaments and weapons discovered by the honor. R. C. Neville in a cemetery near little Wilbraham, Cambridgeshire, during the autumn of 1851. London. 1852. f°. cum figuris.

D. Karl Fried. Mosch. Die alten heidnischen Opferstaetten und Steinalterthümer des Riesengebirges. Görlitz. 1855. 8°. (Aus dem Neuen Lausez Magazin).

Joh. Erasmus Wocel. Archäologische Parallelen. I. Ueber die Bronze der Kelten, Germanen und Slawen. II. Kleinode aus dem Grabhügel von Schölen-

ken.-Zweite Abtheilung. I und III. Ueber chemische Analysen antiker Bronzkelegirungen. II. Formen und Ornamente antiker Ringe. IV. Die Goldgewinde und Urnenzeichen von Koeniggratz. —

John Jonge Akerman. Remains of pagan Saxondom. London. 1855. 4° cum figuris.

Schuermans. Exploration de quelques tumulus de la Hesbaye. (Bulletin des commissions royales d'art et d'archéologie. IV. Octobre et Novembre 1865. 8°. 4 planches. —

Н. Ф. Бутенева, Нѣкоторыя соображенія о первобытныхъ жителяхъ сѣверной Россіи, по найденнымъ остаткамъ ихъ быта. Въ Запискахъ И. Р. Географическаго Общества. 1863. кн. 4 стр. 20.

П. И. Лерха, Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. Три статьи въ Извѣстіяхъ И. Р. Археологическаго Об. IV и V. (1863—1865).

Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, herausgegeben von der K. Gesellschaft für nordische Alterthumskunde. Kopenhagen. 1837. 8° cum figuris.

Нѣмецкій переводъ вышедшаго въ 1836 руководства на датскомъ языкѣ.

Joh. K. Bähr. Die Gräber der Lieven. Mit 21 Kupfertafeln. Dresden. 1850. f^o.

Ив. Фундуклей. Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. Кіевъ. 1848. 4. съ рисунками.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго Отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году. СПб. 1855. съ рисунками.

Гр. А. С. Уварова, Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чѣрнаго моря. Выпуски первый и второй. СПб.

C. Grewinck. Das Steinalter der Ostseeprovinzen. (Schriften der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. № 4). Dorpat. 1855. 8°

Dr. Ed. Freiherr von Sacken. Leitfaden zur Kunde des heidnischen Alterthums mit Beziehung auf die Oesterreichischen Länder. Mit 84 in den Text gedruckten Holzschnitten. Wien. 1865. 8°.

H. Baudot. Mémoires sur les sépultures des barbares de l'époque Mérovingienne, découvertes en Bourgogne et particulièrement à Charnay. Dijon, chez Lamarche; et Paris. 1860 4°. avec figures. —

Gabriel de Mortillet. Sepultures anciennes du plateau de la Somma (Lombardie). Revue Archéologique. 1865. Décembre. pag. 453.

Busching. Die heidnischen Alterthümer Schlesiens. Leipz. 1850. 4 Heft. fo.

Lisch. Friderico-Franciscum oder Grossherzogliche Alterthümer Sammlung aus der altgermanischen und slavischen Zeit Meklenburgs. L. 1837. Tekt und Atlas f^o.

Neue pommersche Provinzialblätter, hrsg. v. L. Giesebrecht und Haken. Schw. 1827—29. 4 vol.

Baltische Studien, herausg. v. d. Gesellschaft für pomm. Geschichte und Alterthumskunde. Stettin. 1—20. 1832—64. 8°.

Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, hrsg. v. Lisch. 1—30. Schw. 1836—65.

Neues Lausitzisches Magazin, hrsg. v. d. Gesellschaft der Wissenschaften zu Görlitz. 1—41. 1822—65. 41 vol.

Adler. Die Grabhügel, Ustrinen und Opferplätze der Heiden im Orlagau und in den schaurigen Thälern des Sorbizbaches. Saalf. 1837. cum fig. 8°.

Wagner, Aegypten in Deutschland. L. 1826. 8°.

Wagner, Die Tempel und Pyramiden der Urbewohner auf dem Elbufer. L. 1828. 8°. cum figur.

Польскіе курганы.

Lippoman. Zastanowienie się nad mogiłami. Berd. 1830. 8°.

Grabowski. M. Ukraina dawna i terazniejsza. t. I. O Zabytkach najgłębszej starożytności. 2 18 tabl. rysunków Kijów. 1850. 4°.

(Сочиненіе Грабовскаго послужило единственнымъ источникомъ труда Фундуклея «Обозрѣніе могилъ, валовъ и т. д.»).

Gust. hr. Tyszkiewicz. Rzut oka na źródła Archeologii krajowej. W. 1842. 4° cum figuris.

Badania Archeologiczne. Wilno 1850 8°. cum figuris.

Konst. hr. Tyszkiewicz Wiadomość historyczna o zamkach, horodyscza i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. w. 1859. 194. cum figuris 8°.

Тышкевичъ, гр. К. О курганахъ на Литвѣ и западной Руси. Вильно. 1865. 4° 171.

Körppen—Ueber Tumuli in Russland. Spb. 1837. 8°.

Zwieck. Die Gräber in den Caucasischen—Don und Wolga—steppen. (Dorpater Jahrbücher. 1835. № 10. p. 273—296).

Чешскіе курганы:

Wocel. J. E. O hrobich a mohylách pohans ych w Čechach. статья въ Čas. Česk. Museum 1844 1 p. 104.

Wocel. I. E. Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde. Pr. 1845. cum fig. стр. 4—26. 4°

Dudik. B. Ueber die alten heidnischen Begräbnissplätze in Mähren, mit 2 Taf. (aus d. Märzheften des Jahrg. 1859 der Sitzungsber. d. kais. Akad. der Wissenschaften). Wien. 8°.

Польскіе курганы.

Lelewel. Mogiła pod Wsią Ruszcza (Ptaszczyzna w Sandomirskim (pamięt. Warsz. umijętnosci czyst. i stosowanna rok 1830 z. 11, str. 287, а также и въ сочиненіи того же автора Cześć Balwochwalcza Sławiani Polskj Pozn. 1857 стр. 132—148 8°.

Wiadomość o starożytnych popielnicach. (Pamiętn. Warsz. na rok 1819. t. XIII. cum figuris) 8°

Rogawski. K. O Wykopaliskach Leżajskich. Kr. 1856. 8° cum figuris.

— — — K. — Wiadomość o rozkopaniu mogiły w siedliszowicach. Warz. 1860 8°.

Lobieszczanski. Wycieczka Archeologiczna w niektory strony gubernii Radomskiej. Wars. 1852. cum. fig. 8°.

Могилы Сербовъ Луличанъ и Славянъ Полабскихъ.

Preusker. K. B. Blicke in die vaterländische Vorzeit. 1841—1844. 3 t. cum multis figuris. 8°.

Kreussler. Altsächsische und Sorbenwendische Alterthümer. Leip. 1823. cum figuris. 8°.

Masch. Von den Grabmalen der Wenden (въ его сочинении: Beiträge zur Erläuterung der obotrischen Alterthümer. Schw. 1774. стр. 159—171). 4°.

Schulzen. Nachricht von den an verschiedenen Orten in Sachsen gefundenen Todtentöpfen und anderen heydnischen Alterthümern. Friedr. 1767. 4°.

Kruse. F. Budorgis oder über das alte Schlesien vor Einführung der christlich. Religion. L. 1819. (о могилахъ со стр. 34).

— — — Deutsche Alterthümer. Halle. 1824—30. 3 t. (въ разн. статьяхъ этого периодич. изданія).

Lewezow. Andeutungen über die Alterthümer zwischen der Elbe und Weichsel. Stetin. 1852.

Гр. Уваровъ и А. Котляревскій.

Ногайскіе валы въ Уфимской губерніи. Въ Уфимской губерніи сохранилось много остатковъ земляныхъ укрѣпленій, которыя народъ по преданію называетъ: «Ногайскими валами», на томъ основаніи, что они будтобы принадлежатъ Ногаямъ, которые, покоривъ, во времена Золотой Орды, Башкиръ, коренныхъ жителей нынѣшней Уфимской губерніи, долго владѣли здѣшними мѣстами, покуда, испуганные побѣдами В. К. Ивана III Васильевича надъ Казанью, не ушли за Кубань, гдѣ и исчезли съ лица земли, смѣшавшись съ горскими племенами. Другое же преданіе приписываетъ эти остатки Болгарамъ или временамъ Болгарскаго царства, утверждая, что они были воздвигнуты, въ особенности близь р. Камы, по границѣ Болгарскаго царства съ Башкиріею, для удержанія набѣговъ Башкиръ, Татаръ и проч. обитателей здѣшняго края. Такъ называемые Ногайскіе валы находятся въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Уфимской губерніи.

Въ 3 в. отъ г. Уфы, на старой сибирской дорогѣ, при дер. Глуминой, видны остатки землянаго вала, идущаго отъ р. Бѣлой, на протяженіи 328½ саж. съ с.-з. стороны; дойдя же до дороги валъ исчезаетъ; высота его не равномерная, отъ 1½ до 2 арш.; грунтъ насыпи суглинистый. Этотъ остатокъ вала, называемаго Ногайскимъ, идетъ по лѣвую сторону сибирской

дороги, а по правую примыкаетъ къ дорогѣ лѣсъ, называемый «попово жилище». Преданіе говоритъ, что въ царствованіе Грознаго поселился въ этомъ лѣсу какой-то черный попъ (іеромонахъ), родомъ изъ Пошехонья: Черный попъ долго жилъ пустынникомъ въ этомъ лѣсу, но потомъ переселился за р. Каму, въ нынѣшній Осинскій уѣздъ, Пермской губерніи, гдѣ и основалъ монастырь. Преданіе какъ бы подтверждаетъ фактъ. Въ копіи съ писцевой книги 1597 года на земли села Берцовки-каменной или Никольскаго, хранящейся въ тамошней церкви, сказано: «а на Осинскомъ городищѣ черный попъ Пошехонецъ Іона строитъ монастырь мужескъ Преображенію Господню». Осинскій уѣздъ граничитъ близъ с. Берцовки съ Бирскимъ, Уфимской губерніи, къ которому принадлежитъ село Берцовка, бывшее дворцовое, а потомъ удѣльное. О мѣстѣ, гдѣ былъ монастырь существуетъ преданіе, какъ равно и о томъ, что его сожгли Башкиры въ извѣстный здѣсь Сентовскій бунтъ 1676 года. Въ лѣсу, называемомъ «попово жилище», разбросано въ разныхъ направленіяхъ семь кольцеобразныхъ кургановъ, черноземнаго и суглинистаго грунта, разной вышины и окружности; народъ называетъ эти курганы «Ногайскими».

Златоустовскаго уѣзда, на уфимскомъ трактѣ, въ 14 в. отъ Саткинскаго желѣзодѣлательнаго завода, по обѣимъ сторонамъ тракта, при урочищѣ Березовомъ, близъ моста березоваго чрезъ рѣчку Сарайку, видны остатки землянаго вала, «Ногайскагожъ» по прозвищу. Рѣчка Сарайка, по преданію Башкиръ, въ старину была мѣстомъ любимаго ихъ кочевья, отъ чего и получила названіе: Сарайка, въ смыслѣ пристанища или караванъ-сарая. Валъ по лѣвую сторону тракта имѣетъ три подраздѣленія или интервала, конечно происшедшихъ отъ осыпа: 1 насыпь 10 саж. дл.; потомъ чрезъ 10 саж. 2 насыпь или валъ въ 35 саж. дл.; за тѣмъ опять интервалъ въ 18 саж. дл.; отсюда валъ опять идетъ полукругомъ 57 саж. дл. и исчезаетъ уже въ березовомъ лѣсу. Вышина насыпей не равномерная отъ осыпа, а именно отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{3}{4}$ саж. По правую сторону тракта, начиная отъ березоваго мѣста, насыпь вала на протяженіи $29\frac{3}{4}$ саж. опять идетъ полукругомъ, вышиною же $1\frac{1}{4}$ саж. Всѣ насыпи вообще состоятъ изъ чернозема, съ примѣсью мелкаго зеленоватаго камня (діорита) и красноватаго железистаго кварцета, тутъ же добываемыхъ; на насыпи растутъ березы и сосны не выше $1\frac{1}{2}$ саж. и толщиною въ стволахъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ верш. Мѣстные жители рассказываютъ, что часть насыпи скрыта при проведеніи дороги въ началѣ настоящаго вѣка. Говорятъ также, что будто бы въ лѣсу, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по распоряженію одного изъ горныхъ чиновниковъ, скрыто до основанія два ногайскихъ кургана, но было ли что найдено въ нихъ—неизвѣстно (*).

Белебеевскаго уѣзда, при селѣ Нагайбакѣ, въ $1\frac{1}{2}$ вер. есть валъ, идущій на з. отъ селенія въ лѣсъ на протяженіи 74 с.; вышина вала не равно-

(*) Подробное описаніе мѣстности, чертежъ и рисунокъ представлены мною въ 1896 году въ Московское Археологическое Общество.

мѣрная—отъ 1 до $2\frac{1}{4}$ арш.. Валъ имѣетъ видъ полукруглый, а насыпь его черноземная. Въ Пугачевскій бунтъ, какъ говорятъ, это мѣсто при с. Нагайбакѣ служило лагеремъ Пугачеву. Русскіе зовутъ его «Пугачевскимъ станомъ», но Башкиры «Ногайскимъ валомъ» и свидѣтельство ихъ, какъ сторожиловъ, конечно имѣетъ болѣе вѣроятія. Нынѣшнее с. Нагайбакъ получило названіе отъ жившихъ здѣсь Нагайбаковъ (такъ въ Уфимской губерніи называются крещенные казанскіе татары). Въ 1841 году Нагайбаки перешли на Оренбургскую линію, а на мѣсто ихъ поселены русскіе государственные крестьяне. Православный народъ въ Уфимской губерніи все относитъ къ пугачевщинѣ, даже и курганы ...

Стерлитамакского уѣзда, въ 3 в. отъ г. Стерлитамака, на ю.-з., близъ р. Бѣлой и горы (Юрской формаци) Тура-тао, видны остатки вала, называемаго Ногайскимъ. Разсказываютъ, что этимъ валомъ обнесено было становище самаго хана, который оставилъ это мѣсто, когда извѣстился о побѣдахъ В. К. Ивана III надъ Казанью; испуганный страшною вѣстію, онъ бѣжалъ за Кубань. Остатки вала, обозначающіе станъ Ногайскаго хана при горѣ Тура-тао, состоятъ изъ черноземной насыпи съ примѣсью рѣчнаго песка и мелкаго рѣчнаго камня. Валъ расположенъ четырехугольникомъ, гдѣ каждый уголь имѣетъ 34 саж.; съ с. и в. насыпи есть пустыя пространства, служившія входомъ; высота вала отъ осыпа конечно не равномерная, именно отъ $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ арш. Есть преданіе, что ханъ, собираясь уйдти отсюда, скрылъ свои сокровища въ пещерѣ въ горѣ Тура-тао. Въ этой горѣ, на возвышеніи 30 саж., есть природная пещера, одна изъ многихъ въ горахъ по берегамъ р. Бѣлой. Входъ въ нее свободенъ, но далѣе проникнуть невозможно, такъ какъ камни осыпались и заградили протяженіе пещеры, идущей повидимому на в. отъ входа. Камни (бѣлый плитнякъ) такъ велики, что нужно много труда, чтобы очистить отъ нихъ пещеру. О попыткахъ кладоискателей здѣсь даже не слышно.

Валы Мензелинскаго уѣзда. Этотъ уѣздъ Уфимской губерніи очень обилень древностями; въ особенности же замѣчательны остатки кладбищъ съ могильными памятниками и куфическими надписями, относящимися къ временамъ Болгаріи. Мензелинскій уѣздъ, теперь пограничный съ Вятскою и Самарскою губерніями, расположенъ по Камѣ и рѣкамъ Камской системы. Не принадлежали ли многія мѣстности нынѣшняго Мензелинскаго уѣзда къ Болгарскому царству?—Остатки земляныхъ укрѣпленій встрѣчаются чаще въ Мензелинскомъ уѣздѣ, нежели въ другихъ мѣстностяхъ Уфимской губерніи; ихъ тоже называютъ «Ногайскими». Ногайскіе валы находятся при слѣдующихъ селеніяхъ:

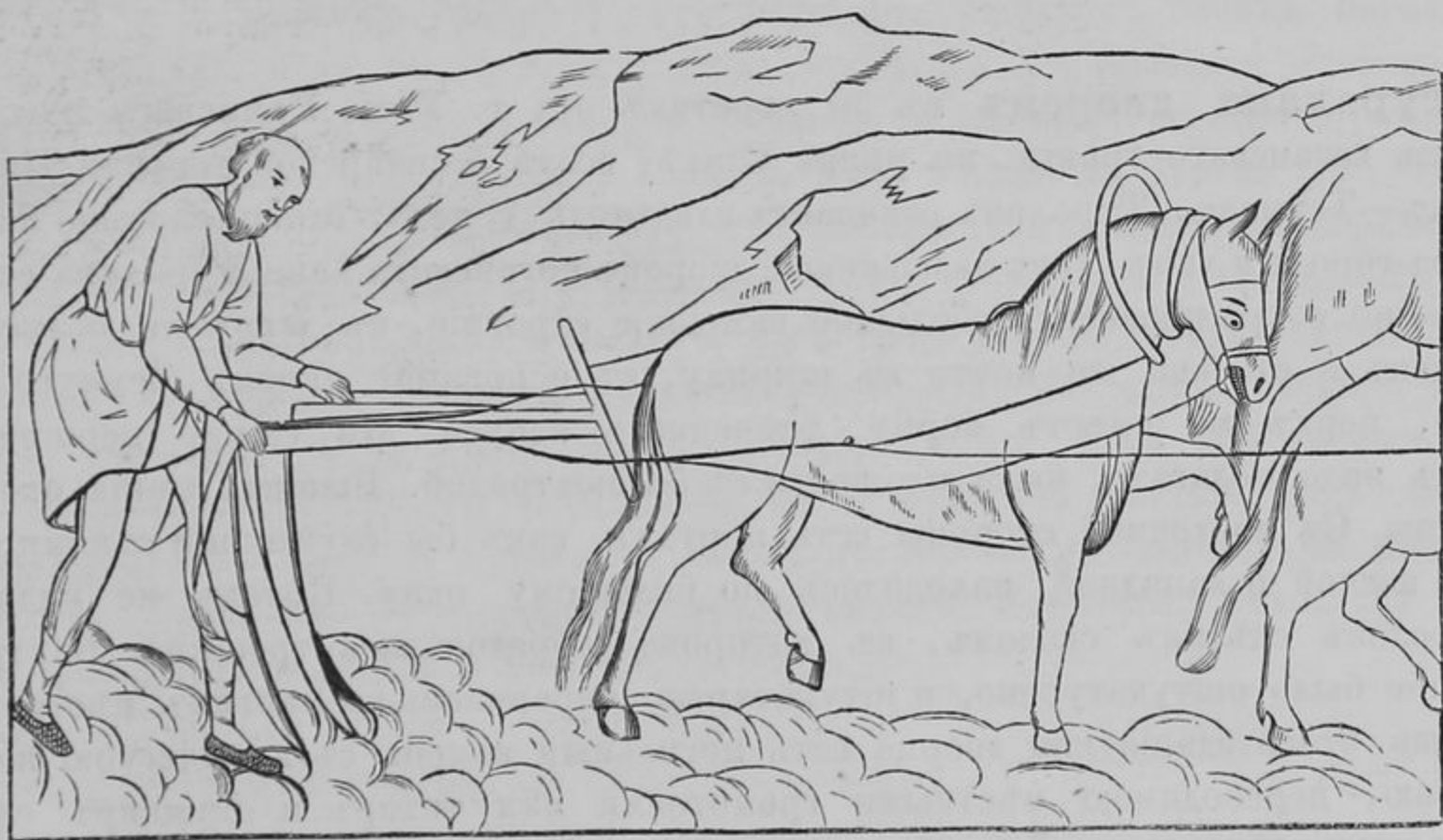
Между селеніями Николаевки и Натальевки, отъ с.-з. на ю.-з., идетъ извилистыми направленіями валъ на пространствѣ 4 вер. суглинистаго грунта, вышины отъ $1\frac{1}{4}$ ар., до $1\frac{1}{2}$ саж. Валъ исчезаетъ, не доходя до Натальевки, при ручьѣ «Окопномъ».—Новоспасской волости, такъ называемый Ногайскій валъ идетъ на 2 вер. и раздѣляетъ, какъ межа, земли с. Новоспасскаго графа Левашева съ землями сельца Урсаева крестьянъ-собственниковъ. Валъ

начинается въ $1\frac{1}{2}$ в. на с. отъ с. Новоспасскаго и направляется на ю.; насыпь его черноземъ, а высота отъ 1 и до 2 саж. Байларской волости, на земляхъ Башкиръ дер. Тульбаевой на в., въ $2\frac{1}{2}$ вер. отъ деревни, въ полъ валь длиною 100 саж.; вышина его отъ 1 и ширина 2 с.; по одну сторону канава глубиною 1 саж.; валь идетъ полукругомъ съ ю. на з., но далѣе 100 с. совершенно уже нѣтъ никакихъ признаковъ рва или насыпи; самая насыпь изъ чернозема и поросла мелкимъ березнякомъ. Князевской волости, близъ с. Елисаветинскаго и дер. Калиновки, на протяженіи 3 верстъ отъ с. къ ю. идетъ извилистый валь, вышиною 2— $2\frac{1}{2}$ саж., суглинистаго грунта, и исчезаетъ на пашнѣ. Багряшъ-Никольской волости, въ 3 вер. отъ с. Багряшъ есть прямой земляной валь, примыкающій къ оврагу, а съ другой стороны къ горѣ Мысъ и озеру безъ названія. Вся эта мѣстность называется въ народѣ «Ногайскій городокъ или Ногайское жилище». Мѣстность городка низменная; за оврагомъ лѣсъ (березнякъ) зовется «Ногайскимъ»; внутренность городка за валомъ до оврага мѣрою 1 десятина. Здѣсь видѣнъ второй валь, уже осыпавшійся и не болѣе какъ $1\frac{1}{2}$ ар. вышины; признаки вала теряются наконецъ подходя на з. къ пашнѣ.—На вершинѣ горы Мысъ, выдавшейся къ озеру, яма глубиною въ 1 саж. и шириною тожъ.—Преданіе говоритъ, что это подваль, и жители не разъ пытались найти отверстіе, но попытки оставались безплодными. Оно также утверждаетъ, что здѣсь тоже жилъ Ногайскій ханъ, который былъ современникъ, если не родня Мамаю. Такъ по крайней мѣрѣ рассказываютъ мѣстные жители.—Мысовочелновской волости, на Челновской пристани при р. Камѣ, на горѣ Мысъ, одною стороною выдавшейся къ р. Камѣ, гдѣ еще протекаетъ впадающая въ р. Каму рѣчка «Челновка», здѣсь же зовущаяся «Мысовкою», на вершинѣ горы и того самаго мѣста ея, выдававшегося къ р. Камѣ, виденъ круглый валь на протяженіи 104 саж., песчанаго грунта съ примѣсью камней. Этотъ валь извѣстенъ подъ именемъ: «Ногайскаго»; вышина его $1\frac{1}{2}$ саж. и мѣстами до 2 саж.; въ немъ двое воротъ съ в. и з. стороны. Гора Мысъ идетъ на протяженіи 8 вер. отъ р. Камы съ ю. на с.; высота ея 400 саж. Входъ на гору очень затруднителенъ, особенно со стороны р. Камы; грунтъ горы состоитъ изъ бутоваго камня, пильнаго камня и цоколя, которые и добываются въ обиліи въ каменоломнѣ у подошвы горы, вершина которой суглинистая. Ясно, что остатки круглага вала, называемаго Ногайскимъ, были крѣпостцею и конечно неприступною по крутизнѣ горы и младенчеству военного искусства. Жители Челновской пристани или села Набережные Челны называютъ себя потомками Новгородцевъ, имѣвшихъ поселенія по берегамъ р. Камы. Замѣчательно, что въ $19\frac{3}{4}$ вер. отъ села Набережныхъ Челновъ, при городѣ Елабугѣ, Вятской губерніи, есть опять укрѣпленіе, тоже Ногайское, иначе называемое: «Чертово городище». Ясно, что по р. Камѣ и рѣкамъ ея системы видѣнъ какъ бы цѣлый рядъ укрѣпленій.

Р. ИГНАТЬЕВЪ.

Рало. Такъ называлась соха (Аристовъ, Промышл. древ. Р. стр. 59) и потому получила названіе ролы или роли. Въ 1103 году Мономахъ говорилъ на съѣздѣ князей: «хочетъ погубити смерды и ролью ихъ»?... Въ лондонской рукописи (Brit. M. Addit. 19, 352; Ученыя записки, II, 2, 41) толковой псалтыри по-гречески 1066 года, на листѣ 36, представлены занятія поселянъ, и между ними пахарь съ сохою, запряженною въ одну лошадь, пашетъ поле. У насъ не одна соха называлась раломъ, что видно изъ дани, платимой вятичами Святославу и сыну его Владиміру. Вятичи, сказано подъ 6472 годомъ, отвѣтили Святославу: «Козаромъ по щялягу отъ рала даемъ». Далѣе подъ 6489 годомъ сказано, что Владиміръ: «въ семь же лѣтъ и вятичи побѣди, и возложи на нь дань отъ плуга, якоже и отецъ его имаше» (П. С. Л. I. 27, 35). Отсюда можно заключить, что рало не всегда означало соху, а вѣроятно присвоивалось всякому орудію, употребляемому для паханія. И. Д. Бѣляевъ полагаетъ (Временникъ, XXII. стр. 42) что до XIV столѣтія мы не имѣемъ извѣстія о сохѣ, но за то съ XIV столѣтія постоянно встрѣчаемъ соху. Въ Кіевской области пахали на лошадяхъ (П. С. Л. I. 118; II, 1), но вѣроятно употребляли и воловъ для воздѣлыванія земли, потому что въ древнемъ языкѣ сохранилось названіе рало волово (Аристовъ, стр. 59). Въ рукописи XVI вѣка житія св. Сергія (изд. 1853 въ библ. Троицко-Серг. Лавры) изображена соха (оборотъ 150 листа), запряженная въ три лошади. Хотя подъ картиною и написано, что «ораль—живый на селѣ своемъ орый плугомъ своимъ», но художникъ изобразилъ не плугъ, а соху.—Въ Переславскомъ уѣздѣ въ курганахъ близъ села Оси-

новой-Пустыни, XI вѣка (по найденнымъ монетамъ), отрыли въ могилѣ при человѣческомъ остовѣ желѣзный сошникъ (Дневникъ. 1854).

Гр. Уваровъ.

Серпъ принадлежалъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ земледѣльческихъ орудій и, судя по письменнымъ памятникамъ, въ которыхъ рано уже встрѣчаются выраженія, подразумѣвающія употребленіе серповъ: «жатва яко на нивы классы пожинаху» и пр. (Аристовъ, Промыш. древ. Р. 59, 113—П. С. Л. III. 101.—Памятн. XII вѣка, 83), можно предположить, что серпъ былъ извѣстенъ у насъ въ самыя древнѣйшія времена. По археологическимъ раскопкамъ кургановъ мы узнаемъ, что серпъ былъ въ общемъ употребленіи уже въ XI вѣкѣ. При разрытіи кургановъ Владимірской и Ярославской губерніи, во многихъ могилахъ поселянъ находимы были серпы, какъ не отъемлемый признакъ занятій усопшихъ. Любопытно, что серпы все-таки не часто попадались въ курганахъ; такъ напримѣръ, изъ 291 кургана близъ села Васильки, на границѣ Суздальскаго и Владимірскаго уѣздовъ, найдены два серпа въ двухъ только могилахъ, на глубинѣ $1\frac{3}{4}$ и $1\frac{1}{4}$ аршина; въ одной могилѣ вмѣстѣ съ серпомъ находилась и желѣзная лопатка. Въ 1855 году въ Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда, при селѣ Тихвинскомъ (Авдотьино тожъ), на берегу рѣчки Сѣверки, разрыты были курганы Г. Нечаевымъ: «при пятомъ остоѣ, въ правой рукѣ, оказался довольно большой перержавленный желѣзный серпъ, вѣроятно имѣвшій деревянную рукоятку, ибо при немъ найдено у нижняго конца металлическое, довольно толстое кольцо, которое вѣроятно было нагнато на дерево». (Времен. XXII 1855. Смѣсь, стр. 7 рисунокъ серпа, колецъ и серьги). Въ греческой рукописи 1066 года (Brit. M. Addit. 19, 352) изображенъ поселянинъ съ серпомъ.

Гр. А. Уваровъ.

Турахана дворецъ въ 50 верстахъ отъ г. Уфы, Уфимскаго уѣзда, близъ казанскаго тракта, на рѣчкѣ Слакѣ, возлѣ башкирской деревни Нижнихъ—Термахъ. Тураханъ означаетъ-владѣтель города: слово сложено изъ: туръ-городъ и ханъ. Такъ называемый дворецъ ногайскаго хана Турахана есть хорошо сохранившееся небольшое каменное строеніе, въ длину не болѣе 3 сажень и столько же почти въ ширину, въ основаніи своемъ осмиугольное, верхъ же имѣетъ форму усѣченного конуса. На самой вершинѣ, какъ надо полагать, была площадка съ балюстрадой. Вышина зданія около 3 саж. Съ восточной стороны есть порталъ, какъ бы служившій сѣнями, а съ южной и западной находилось по большому окну. Полонъ не видно; потолокъ сдѣланъ сводомъ, въ которомъ образовалась трещина. Внутри зданіе было оштукатурено, и штукатурка сохранилась во многихъ мѣстахъ. Близъ этого зданія или дворца есть могильный камень съ кувическою надписью, переводимою мѣстными грамотеями изъ татаръ и Башкиръ слѣдующимъ образомъ: «Богъ безсмертенъ; всякій повинующійся Богу долженъ по волѣ Божіей умереть, когда наступитъ къ тому время. Всѣ, кто на семъ свѣтѣ, по волѣ Божіей пойдутъ на тотъ свѣтъ, и каждый долженъ дать тамъ отвѣтъ, что сдѣлалъ хорошаго или худаго. На семъ мѣстѣ похоронена Схибъ Зималъ, жена хана».

Близъ этого такъ называемаго дворца, который, вѣроятно, есть мавзолей, видны развалины каменнаго зданія; по преданію это была мечеть. Развалины, какъ и стѣны Тураханова дворца,—изъ дикаго камня. Преданіе говоритъ, что Тураханъ былъ потомокъ Чингисъ-хана; владѣнія его находились гдѣ-то въ Сибири и самъ онъ былъ подвластенъ сибирскому царю Кучуму, но потомъ, поссорясь съ нимъ, со всей своей ордой въ числѣ 80,000 кибитокъ, откочевалъ къ нынѣшнему г. Уфѣ, гдѣ простоялъ 4 мѣсяца близъ горы, прозванной отъ того Тура-тао. Здѣсь недостатокъ въ кормѣ заставилъ хана удалиться на р. Слакъ, гдѣ, думая навсегда оставаться, ханъ построилъ всѣ эти зданія. Тураханъ пришелъ въ Башкирію съ оружіемъ. Онъ завоевалъ ее и заставилъ башкирскій народъ платить себѣ дань. Но покоритель Башкиръ, съ другой стороны, видѣлъ непрочность своей власти въ завоеванной имъ странѣ и потому призналъ надъ собою власть царства Казанскаго и самъ сдѣлался казанскимъ данникомъ. Вскорѣ русскіе взяли Казань и стали посылать войска въ Башкирію. Ногаи, нежелая быть покорными русскому царю, откочевали сначала отъ р. Слака въ окрестности г. Стерлитамака (Уфимской губерніи), гдѣ теперь видны остатки землянаго вала и гора близъ него, одинъ изъ отроговъ уральскаго хребта называется «Тура —тао», городовая. При этой горѣ, близъ г. Стерлитамака, Тураханъ, только-что успѣвшій накопать земляной городокъ, простоялъ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ узналъ, что русскія войска уже въ Башкиріи, что башкирскій народъ передается на сторону Россіи. Тогда Тураханъ откочевалъ куда-то на югъ, гдѣ основалъ самостоятельную орду. Другое преданіе говоритъ, что Тураханъ ушелъ съ своими ногами на Кавказъ, гдѣ въ послѣдствіи Ногаи смѣшались съ разными племенами кавказскихъ горцевъ. Въ Уфимской губерніи то же самое преданіе называется о Чортовомъ городищѣ близъ г. Уфы и близъ г. Бирска (см. Чортово городище). Остатки зданій, приписываемыхъ мѣстнымъ башкирскимъ преданіемъ дворцу и мечети Турахана, потомка Чингисова и вассала царей сибирскаго и казанскаго, не были еще ни кѣмъ научно изслѣдованы. Археологическія раскопки здѣсь непременно открыли бы многое, теперь для насъ темное и неудобопонятное. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, о самовольныхъ раскопкахъ не слышно. Фотографически снятый видъ дворца и развалинъ мечети, а также и планъ мѣстности, сдѣланные по распоряженію Уфимскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, находятся въ Императорской Археологической Коммисіи.

Р. ИГНАТЬЕВЪ.

Чортово Городище въ 3 верстахъ отъ губ. города Уфы, на в. при р. Уфѣ.—Городище само по себѣ есть не болѣе какъ гора, въ формѣ мыса выдавшаяся съ южной стороны къ р. Уфѣ, имѣющая видъ неправильнаго круга. Гора—мѣловой формации съ суглинистымъ грунтомъ. Она возвышается надъ обрывами этимъ мѣстомъ, или же такъ называемымъ Чортовымъ

городищемъ кончается равнина, идущая отъ г. Уфы. Эта часть, какъ не безопасная отъ нападенія, защищена насыпнымъ валомъ и ровомъ. Такимъ образомъ эта искусственная часть укрѣпленія Чортова городища дополняетъ дѣло природы. Отъ г. Уфы, по направленію на востокъ, ведетъ дорога къ Чортову городищу, передъ которымъ встрѣчается отлогая мѣстность, идущая на 10 саж. къ воротамъ или входу во внутренность городища. Входъ не болѣе какъ пустое пространство въ валу, длиною въ 1 саж.; такой же ширины и вся дорога отъ г. Уфы къ городищу. Отъ входа валъ идетъ по обѣ стороны полукружіемъ на 66 саж.. Насыпь вала изъ суглинистой почвы и известковыхъ породъ; земля для насыпи вѣроятно взята на мѣстѣ, или употреблена та, которая добыта при прорытіи вала. Высота вала съ правой стороны входа не равномерна, что въ особенности примѣтно изъ внутренности городища, а именно, начиная отъ входа на 9 саж. въ длину—высота вала 6 саж., ширина вверху 1 саж.; потомъ въ длину на 12 с. высота его 5 саж., а ширина вверху насыпи $2\frac{1}{2}$ арш.; далѣе, на пространствѣ 4 саж.—вышина вала 3 саж.; отсюда на протяженіи 2 саж. высота вала тоже 2 саж.; потомъ на 10 саж. въ длину—высота вала $1\frac{1}{2}$ саж.; затѣмъ на 12 саж. длины высота становится только въ 1 саж.; наконецъ въ длину 8 саж. валъ становится едва замѣтнымъ, возвышаясь отъ земли на $2', 1\frac{1}{2}', \frac{1}{4}$ арш. Съ лѣвой стороны входа на Чортово городище, валъ равномеренъ въ длину и вышину по 5 саж. Обѣ стороны вала переходятъ въ овраги и здѣсь кончаются; овраги же подходятъ къ пашнямъ, идущимъ отъ самой Уфы. Овраги и ровъ, идущіе около вала, обросли вѣковыми деревьями; они находятся на самомъ валу и внутри городища; ими покрыта и та часть его или обрывъ, которая выходитъ на берегъ р. Уфы. Во всей вообще мѣстности и на Чортовомъ городищѣ встрѣчаются: дубъ, кленъ, вязъ, липа, орѣшникъ. Ровъ идетъ кругомъ вала, за исключеніемъ входа, гдѣ оставлено непрокопаннымъ мѣсто, образующее земляной мостъ. Ширина рва 1 саж.; онъ заросъ лѣсомъ. Дупла и корни вѣковыхъ деревьевъ доказываютъ давнее запустѣніе городища и давнюю осыпь рва, такъ что теперь нѣтъ никакой возможности судить даже о настоящей глубинѣ рва. Стволы деревьевъ во рву и внутри городища имѣютъ въ окружности отъ $1\frac{1}{3}$ ар. до 2 ар., дупла же болѣе 2 арш. Новые кустарники разрастаются посреди древняго лѣса. Во внутренности городища много ямъ, глубиною отъ 2 арш. до 2 саж. Трудно опредѣлить слѣды ли это бывшихъ, древнихъ построекъ, или слѣды кладоискательства, отъ котораго такъ часто страдало городище,—или причиною тому сама почва, гдѣ часто бывають обвалы. На валу и среди городища растутъ хорошія и сорныя травы и кромѣ того: шиповникъ, пырей, чилага, везель и башарникъ. Обрывъ, идущій къ берегу р. Уфы—въ 90 саж.; отъ конца его или подошвы горы до р. Уфы—60 саж.,—это пространство и составляетъ берегъ этой рѣки. Глубина овраговъ, гдѣ кончается валъ съ обѣихъ сторонъ,—100 саж. Въ с.-з. сторонѣ обрыва, идущаго къ рѣкѣ, есть жила, сливающаяся за бездонную пещеру. Въ самомъ дѣлѣ, при опусканіи

съ камнемъ, не смотря на 120 саж. ея длины, камень не достигаетъ дна; опущенная туда свѣча въ фонарѣ тухнетъ на 3 саж. глубины. Эти опыты были дѣлаемы нами лѣтомъ, въ 1865 году, по порученію Уфимскаго Статистическаго Комитета.

Близъ городища находится при самой дорогѣ въ Уфу колодезь, неизвѣстно когда выкопанный, а въ 100 саж. отъ вала на в. протекаетъ ключъ чистой воды, выходящій изъ близкаго перелѣска. Ключъ уходитъ въ землю. Колодезь, ручей, пашни, луга и перелѣски не имѣютъ никакихъ особыхъ прозвищъ. За рѣкою, на другомъ берегу, въ древности шла сибирская дорога чрезъ обширный лѣсъ и теперь существующій. Онъ называется «аблаевскимъ» и замѣчателенъ историческимъ воспоминаніемъ, какъ мѣсто битвы 1574 года между уфимцами и сибирскими татарами, подъ начальствомъ царевичей Аблая и Тевкеля (см. Аблаевъ лѣсъ). Къ этому лѣсу съ в. стороны, гдѣ много уже расчищено подъ луга, подходитъ долина, называемая терегуловымъ лугомъ и терегуловой лукой. Лугъ, составляя вмѣстѣ съ Аблаевскимъ лѣсомъ берегъ р. Уфы, подходитъ въ виду городища къ перевозу чрезъ рѣку, называемому Дудкинымъ, по имени Уфимскаго стрѣльца Антона Дудкина, содержавшаго этотъ перевозъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича (*). Отъ этого перевоза лугомъ, а потомъ лѣсомъ шла древняя сибирская дорога, которою приходили подъ Уфу киргизы и татары. Чортово городище служило первымъ оплотомъ для отраженія этихъ набѣговъ. Въ аблаевскомъ лѣсу много небольшихъ озеръ и два большихъ лога, а на рѣкѣ Уфѣ нѣсколько островковъ, но всѣ они не имѣютъ никакихъ особыхъ названій.

Почему мысъ съ остатками вала и рва названъ Чортовымъ городищемъ—нѣтъ никакихъ преданій. Башкиры и татары зовутъ его «Татарскимъ и Ногайскимъ», а отнюдь не Чортовымъ. Этимъ именемъ прозвали его русскіе люди, и едвали не съ перваго времени появленія ихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, когда между 1574—1586 годами строился и населялся городъ Уфа. Народъ увѣренъ, что на Чортовѣ городищѣ зарыты клады, и непременно заклятые; а всякій кладъ, по народнымъ понятіямъ, состоитъ подъ покровительствомъ нечистой силы. Къ тому же на городищѣ жили не русскіе, а невѣрные люди; все же некрещенное покровительствуемо адомъ... Не могли же первые поселенцы г. Уфы составить себѣ другаго понятія о городищѣ подъ вліяніемъ легенды, рассказываемой мѣстными Башкирами, которую слышалъ и авторъ «Топографіи Оренбургской губерніи», извѣстный Рычковъ, отъ башкирскаго старшины Кедрясъ-Муллакаева. Легенда, напечатанная Рычковымъ въ изданной имъ въ 1759 году «Оренбургской топографіи», слѣдующая.

Тамъ, гдѣ теперь при р. Уфѣ и Бѣлой, а въ древности Бѣлой-Воложки, стоитъ городъ Уфа, въ глубокой древности находился ногайскій городъ Туратавъ, что означаетъ городъ при горахъ и гора на горѣ, названіе, въ

(*) Уфим. Губ. вѣд. 1867 г. № 3, стр. 23—24.

самомъ дѣлѣ приличное городу Уфѣ. Туратавъ былъ очень большой городъ, въ длину на 10 верстъ. Въ это время Ногаи и извѣчные обитатели здѣшняго края, Башкиры, составляли одинъ народъ. Башкирія была покорена Ногаями и ногайскіе ханы владѣли башкирскимъ народомъ, состоя подъ властію царства Казанскаго. Когда существовалъ ногайскій городъ Туратавъ, построенный въ Башкиріи, сами ханы жили съ дружиною не въ городѣ, а на городищѣ, въ окрестности Туратава. Одинъ изъ хановъ, Тиря-Бебату Ключсовъ, владѣя 12 башкирскими волостями, только зимою жилъ на городищѣ, а лѣтомъ уходилъ на кочевье или на р. Дему, верстъ 50 за нынѣшнюю Уфу, гдѣ у хана было два кочевья—одно при озерѣ большемъ Айзаратѣ, другое при рѣкахъ Нелятѣ и Ислакѣ, гдѣ теперь находятся развалины древнихъ зданій. Такъ жилъ ханъ Ногаевъ и Башкиръ до тѣхъ поръ, пока на городищѣ не появилось множество змѣй и между ними великій драконъ (жилантъ). Драконъ много пожралъ людей. Самое дыханіе его заражало воздухъ и люди умирали. . . Въ ужасѣ бѣжали Ногаи на свои кочевья за р. Дему, но здѣсь ханъ услышалъ грозную вѣсть:—Россія усиливается, Касимовъ палъ, Казань будетъ скоро взята. Отъ этой громовой вѣсти Ногаи бѣжали за р. Кубань, гдѣ въ послѣдствіи исчезли между горскими племенами. Съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ отъ себя Рычковъ,—городище до того называемое «Татарскимъ» прозвалось «Чортовымъ» (*). Ногаи, покорители башкиръ, много оставили по себѣ преданій и памятниковъ своего существованія въ нынѣшней Уфимской губерніи. Такъ въ г. Уфѣ мостъ чрезъ р. Бѣлую, отъ вѣзда съ казанской дороги, зовется «ногайскимъ», перевозъ близъ этого моста тоже «ногайскимъ», берегъ р. Бѣлой за мостомъ «ногайскою стороною»; близъ города и въ виду Чортова городища протекаетъ рѣчка «Ногайка». Въ 12 верстахъ отъ г. Уфы существуетъ «село Ногаево»; въ 50 вер. отъ г. Уфы, при башкирской деревнѣ Нижнихъ-Термахъ, есть развалины каменныхъ зданій, называемыхъ преданіемъ дворцемъ и мечетью Турахана. Уфимскаго уѣзда, близъ дер. Чишмовъ, стоитъ мавзолей надъ гробомъ бывшаго у Ногаевъ миссіонеромъ и имамомъ Хусейнъ-Бека (см. Дворецъ Турахана и гробница ногайскаго имама Хусейнъ-Бека). Въ Уфимской губерніи много валовъ и остатковъ земляныхъ укрѣпленій, называемыхъ «ногайскими» (см. ногайскіе валы въ Уфимской губерніи); есть даже и курганы, тоже называемые «ногайскими». Наконецъ въ Уфимской губерніи есть еще Чортово городище близъ г. Бирска. О немъ ходитъ то же самое преданіе, что и объ Уфимскомъ; отсюда тоже змѣй выгоняетъ ногайскаго хана, и онъ бѣжитъ за Кубань (см. Чортово городище близъ г. Бирска). Взявъ во вниманіе всѣ преданія, приведенныя о Чортовомъ городищѣ близъ гг. Уфы и Бирска и о дворцѣ Турахана, нельзя не вывести заключенія, что едвали этотъ Тураханъ и Тиря-Бебату Ключсовъ не одно и то же лице. Тураханъ тоже кончаетъ тѣмъ, что бѣжитъ, вмѣстѣ съ своими подданными, изъ

(*) Топ. Ор. Губ. ч. I стр. 83. ч. II, стр. 194—195.

завоеванной Башкиріи за Кубань. Оставляя въ сторонѣ легенду о великихъ драконахъ,—сущность преданія—бѣгство Ногаевъ отъ страха Россіи. Въ виду сохранившихся памятниковъ нѣтъ повода сомнѣваться, что въ предѣлахъ уфимскихъ, по рр. Камѣ, Демѣ, Бѣлой-Воложки и Уфѣ, жили мелкіе, но владѣтельные князьки ногайскіе, отдѣлившіеся отъ ногайской орды и покорившіе и владѣвшіе Башкиріею съ дозволенія, подѣ покровомъ и милостію царства Казанскаго. Такъ, по преданію, Тураханъ былъ сначала съ ордою изъ 80,000 кибитокъ подѣ властію сибирскаго царя Кучума, но, не поладивъ съ нимъ, устремился въ Башкирію и сталъ ханствовать, какъ данникъ Казани. Сама ногайская орда, замѣтимъ, сильно стояла за Казань. Въ 1478 году Ногаи посадили на царство въ Казань Аллея или Алегамъ, сына умершаго казанскаго царя Ибрагима, тогда какъ въ Москвѣ и въ Крыму хлопотали о Магметѣ-Аминѣ, сынѣ вдовствующей дочери Темиръ-хана, вышедшей потомъ за крымскаго хана Менгли-Гирея. Но не даромъ Ногаи боялись Россіи: 18 мая 1489 года явились подѣ Казанью воевода князь Холмскій и Магметъ-Аминъ съ московскимъ войскомъ, Казань была скоро взята, Алегамъ сосланъ въ Вологду, гдѣ и умеръ въ опалѣ, хотя опять тѣ же Ногаи усердно хлопотали объ его освобожденіи. Магметъ-Аминъ былъ провозглашенъ царемъ казанскимъ (*), но въ сущности имъ былъ В. К. Иванъ Васильевичъ. Въ XVI вѣкѣ нѣкоторые ногайскіе князья прозывались «уфимскими»; одного изъ нихъ Магметъ-Аминъ посылалъ въ 1505 году въ Москву къ В. К. Ивану III. Князья уфимскіе упоминаются и послѣ окончательнаго покоренія царства Казанскаго (**). Когда Ногаи, пришельцы и завоеватели, владѣли Башкиріею, ханомъ былъ у нихъ Алказаръ, происходившій отъ древняго царскаго рода. Онъ покорилъ не только Башкиръ, но и самыхъ Ногаевъ и даже многіе народы великой Татаріи. Этотъ ханъ всячески изнурялъ Башкиръ, отбирая себѣ земли, скотъ и все что можно было взять—женъ и дѣтей—облагалъ тяжелою податью. За право перейти р. Бѣлую платили хану по лисицѣ, бобру и куницѣ. Тяжело было Башкирамъ ногайское время. Когда ушли Ногаи, Башкиры сейчасъ же отдались въ русское подданство (***). Судя по преданію объ оставленныхъ ими памятникахъ, Ногаи удалились на Кавказъ при Иванѣ III или даже при Грозномъ. Власть ногайскихъ князьковъ пала вмѣстѣ съ ихъ покровительницею—Казанью. Воюя съ Казанью, Иванъ III въ 1468, а Грозный въ 1553 годахъ, посылали войска въ глубь Башкиріи (****), вѣроятно для погрома Ногаевъ.

Говоря о Уфимскомъ или Чортовѣ городищѣ, нельзя умолчать о «Терегуловомъ лугѣ или Терегуловой лукѣ», въ виду гордоища. Терегулъ былъ старшина пастуховъ хана Ногай и пасъ на этомъ лугу ханскіе табуны. Тере-

(*) Ист. Рос. Соловьева, т. V. 80—90. пр. 100

(**) Карамз. Ист. Г. Р. VI. 336. IX. пр. 40.

(***) Топог. Ор. Губ Рычкова, ч. I. стр. 84—85.

(****) Карамз. Ист. Гос. Р. VIII. 134, пр. 260. Ист. Рос. Соловьева, V. 83.

гулъ былъ тиранъ; пастухи зарѣзали его на этомъ мѣстѣ, и съ тѣхъ поръ прозвалось оно «терегуловымъ». Такъ около Уфы все говоритъ о Ногаяхъ.

Народъ и теперь увѣренъ, что на Чортовомъ городищѣ таятся зачатые клады. Многіе, говоритъ народъ, разорились отъ поисковъ, а все-таки ничего не нашли. Около городища было нѣсколько кургановъ; кладонскатели ихъ срыли, но ничего добраго не нашли. Находки, правда, бывали, но по рассказамъ уфимскихъ старожилловъ, это были кости, обломки оружія и конскихъ приборовъ,—словомъ, вещи, о которыхъ говорить не стоить. . . .

По преданію съ Чортова городища проведенъ былъ тайникъ на р. Уфу, но откуда, по какому направленію и куда—никто не знаетъ. Городище было крѣпостью; внутри его воды нѣтъ, а колодезь и ручей находятся въ полѣ за валомъ и рвомъ. Спускъ на р. Уфу идетъ по страшной крутизнѣ. Нельзя предполагать, чтобы въ случаѣ осады вода добывалась въ виду непріятеля; поэтому тайникъ безспорно существовалъ; можетъ быть слѣды его найдутся, когда Чортово городище и его окрестности будутъ изслѣдованы археологически. Есть другое преданіе о тайникѣ, но весьма странное. Говорятъ, тайникъ откуда-то изъ Чортова городища былъ выведенъ на 9 верстъ подъ полями, горами и оврагами, обойдя нынѣшній г. Уфу, на рѣку Бѣлую, къ утесистой мѣстности, называемой висящимъ камнемъ, гдѣ нынѣ находится пристань и паташный заводъ купца Сафронова. По изслѣдованію нами этой мѣстности не оказалось ни пещеръ, ни тайника; еслибы и существовала самородная пещера, а таковыхъ не мало въ уральскомъ хребтѣ и его розсыпяхъ, или искусственная, то едвали, не говоря о естественной невозможности, нужно было проводить тайный ходъ, чтобы въ осадное время доставать воду за 9 верстъ. Повторяемъ, что мы убѣждены въ существованіи тайника, но, къ сожалѣнію, не знаемъ, гдѣ онъ былъ, и ничего о немъ сказать не можемъ, кромѣ того, что слышали изъ словъ преданія.

Пашенныя и луговыя мѣста около городища были издревле отдаваемы въ пользованіе уфимскимъ дворянамъ, стрѣльцамъ, подъячимъ, новокрещенымъ татарамъ и другимъ служилымъ людямъ, но самое городище всегда было внѣ этихъ розданныхъ земель (*). Теперь оно досталось, вмѣстѣ съ большею частію этихъ земель, помѣщику Г. Новикову, въ замѣнъ отошедшихъ у него въ казну земель въ Самарской губерніи. Г. Новиковымъ устроены близъ городища мыза и деревня Валентиновка. На предложеніе помѣщика своимъ крестьянамъ—поселиться поближе или на самомъ городищѣ, крестьяне отrekliсь, говоря что это мѣсто не хорошее, что въ немъ живетъ сила бѣсовская и поэтому много ужей и змѣй. Въ самомъ дѣлѣ, на Чортовѣ городищѣ много змѣй; не отсюда ли происходитъ легенда, какъ змѣи выгнали Ногаевъ?

Я обратилъ вниманіе и на мѣста около Чортова городища, гдѣ были курганы, по словамъ старожилловъ срытые 30 или 40 лѣтъ тому назадъ; но увы, кладонскатели, по усердію, или изъ мщенія къ самымъ курганамъ,

(*) Уфим. Губ. вѣд. 1867 г. № 4-й, стр. 28.

не давшимъ ничего своимъ расхитителямъ,—срыли ихъ до основанія; не осталось и признаковъ, гдѣ находились курганы, въ какомъ направленіи шли отъ Чортова городища и сколько ихъ именно было.

Р. ИГНАТЬЕВЪ.

Чортово городище въ 3 верстахъ отъ г. Бирска, Уфимской Губерніи. Именемъ «Чортова городища» называется гора, имѣющая видъ неправильнаго круга; она находится по проселочной дорогѣ, прилегающей отъ г. Бирска въ дер. Костареву, въ 10 вер. отъ города, по направленію на с.-в. Городище съ трехъ сторонъ окружено горами, орѣшникомъ, дубовымъ, липовымъ и березовымъ лѣсомъ; южная часть горы представляетъ крутой обрывъ въ 98 саж. На берегъ р. Бѣлой, съ восточной стороны, въ одной верстѣ отъ городища, изъ лѣса вытекаетъ рѣчка «Оторная» и, въ виду городища, впадаетъ въ р. Бѣлую. Изъ того же лѣса на с.-в. вытекаетъ «святой ключъ», тоже въ виду Чортова городища впадающій въ р. Оторную. Сюда, на этотъ ключъ, гдѣ, по преданію, находилась деревянная церковь св. Михаила Архангела, до построенія ея въ самомъ городѣ, который въ старину назывался селомъ Архангельскимъ, Челядниннымъ и Абиромъ, отправлялся позднѣе, когда церковь перенесли въ городъ, крестный ходъ. Теперь бирскіе жители лѣтомъ по праздникамъ ходятъ гулять на святой ключъ; въ Семикъ и Троицынъ день здѣсь водятъ хороводы; въ святой ключъ бросаютъ старыя иконы, на которыхъ лики уже стерлись. 9 Мая, въ праздникъ св. Николаю Чудотворцу, на святой ключъ непременно приходятъ всѣ ученики здѣшнихъ уѣзднаго и приходскихъ двухъ училищъ и всѣ малолѣтніе обоего пола, которые или знаютъ или учатся грамотѣ. Словомъ,—это «праздникъ грамотности, ученія»; происхожденіе его, какъ говоритъ преданіе, очень давнее, современное построенію Бирска въ XVI вѣкѣ. Близъ Чортова городища, съ западной стороны, находится паташный заводъ. Съ этой стороны, и именно съ того мѣста, гдѣ кончается гористая мѣстность, тянется къ самому г. Бирску, на протяженіи 1½ вер., земляной валъ, вышиною въ настоящее время не болѣе 1 аршина; ровъ же совершенно осыпался и вовсе не замѣтенъ. Даже въ самомъ валу образовались интервалы, числомъ 23, отъ совершеннаго уничтоженія вала временемъ. Валъ совершенно исчезаетъ не доходя до города, близъ кладбища. На выгонной городской землѣ насыпь была песчаная съ черноземомъ. Такъ называемое же Чортово городище не болѣе какъ гора, безъ всякихъ признаковъ жилья; грунтъ ея песчаный и дико-каменный. Входъ на гору со стороны дороги въ дер. Костыревку по крутизнѣ самый затруднительный; здѣсь никто не рѣшается подниматься на гору во время сильнаго вѣтра.

Преданіе о Чортовѣ городищѣ, тождественно съ преданіемъ о такъ называемомъ Чортовѣ городищѣ въ Уфѣ. Въ то время, когда Башкирію владѣли Ногаи, одинъ изъ хановъ, имя котораго неизвѣстно, жилъ на городищѣ съ своими Ногаями, и за этою, укрѣпленною природою и валомъ мѣстностію, крѣпко сидѣлъ и держалъ въ страхъ покоренный народъ. Отсюда однакоже

хана и его Ногаевъ выгналъ великій драконъ (жилантъ); они бѣжали въ окрестности г. Уфы. Но здѣсь, услыхавъ объ успѣхахъ русскаго оружія и неминуемой гибели царства Казанскаго, ушли на Кавказъ, гдѣ поселились за р. Кубанью и потомъ въ послѣдствіи исчезли, смѣшавшись съ горскими племенами. Словомъ—это одно и то же преданіе, что и объ Уфимскомъ Чортовомъ городищѣ. Мѣсто, какъ брошенное по случаю появленія дракона и къ тому же обитаемое невѣрными, получило названіе у жителей населеннаго въ XVI вѣкѣ г. Бирска «Чортова городища». Странно, что между жителями Бирска нѣтъ никакихъ преданій о кладахъ и разсказовъ о находкахъ на самомъ городищѣ или въ его окрестностяхъ; въ народѣ нѣтъ также суевѣрныхъ повѣрьевъ, гдѣ бы прямо или косвенно замѣшано было Чортово городище. Рычковъ въ своей «Топографіи Оренбургской губерніи» называетъ Бирское городище «Чортовымъ», а Уфимское Чортово городище—«Татарскимъ» (*), но послѣднимъ именемъ называютъ то и другое городище, т. е. и Уфимское и Бирское, всѣ здѣшніе магометане и язычники, отнюдь не употребляя слово: Чортово, какъ зовутъ ихъ русскіе въ здѣшнемъ краѣ.

Близъ бирскаго городища, въ лѣсистой его мѣстности, находятся солончаки. Есть одинъ логъ близъ св. ключа, называемый Макарихой, но почему такъ названный—неизвѣстно. Чортово городище—единственный теперь памятникъ древности Бирска, нѣкогда села Архангельскаго, Челяднина, Бирскаго городка и Абиръ тожъ, основаннаго въ XVI вѣкѣ, при Грозномъ, бояриномъ Челяднинымъ. Время, пожары и Пугачевщина уничтожили здѣшнюю дубовую крѣпость, церковь св. Михаила Архангела и всю здѣшнюю старину. Близъ нынѣшней каменной церкви св. Михаила Архангела, построенной въ 1799 и перестроенной въ 1847 годахъ, есть колодезь, а около его логъ; этотъ логъ, говорятъ, служилъ входомъ въ тайникъ, проведенный къ р. Бѣлой, но теперь и слѣдовъ нѣтъ къ открытію входа. Близъ этого мѣста, гдѣ церковь, называемаго «Галкиной горой», находилось кладбище; здѣсь часто выкапываютъ кости, черепа и остатки деревянныхъ гробовъ. Замѣчательно, что иногда находятъ и цѣлые костяки, положенные головою на с.-в. Преданіе говоритъ, что это кладбище—не православное. Православное кладбище находилось вблизи его, на верху Галкиной горы, гдѣ нынѣ стоитъ Михайловская церковь; оно уничтожено въ 1772 году.

Р. Игнатьевъ.

Хусейнъ Века (Ногайскаго имама) гробница, Уфимской губерніи и уѣзда, въ 50 вер. отъ г. Уфы, близъ р. Демы, при озерѣ Акзиратѣ или бѣлой могилѣ, близъ башкирской деревни Чишмовъ. Зданіе это—четырехугольникъ изъ дикаго камня, длиною и шириною около 2 $\frac{1}{2}$ саж., съ тремя окнами и входомъ съ южной стороны; потолка и пола нѣтъ; полъ,

(*) 7. 11. 169—202.

какъ надобно полагать, не было, но потолокъ составлялъ сводъ, что видно изъ остатковъ сводиковъ, возведенныхъ по угламъ зданія. Внутри зданія находится камень, шириною и толщиною въ $3\frac{1}{4}$ ар.; на немъ есть арабская куфическая надпись, которую сообщаемъ здѣсь въ переводѣ: «По истинѣ на свою «отвѣтственность, хаджи Хусейнъ-Бекъ, сынъ» Гумеръ-Бека, изъ рода Тарсасъ, изъ земли Туркестанъ.... Господи Боже, не оставь его своею милостію! Хусейнъ-Бекъ, сынъ Гумеръ-Бека, скончался въ 7 день мѣсяца Мухаррема, послѣ Магомета въ 444 году, имѣя отъ роду 76 лѣтъ».

Преданіе уфимскихъ магометанъ—татаръ и Башкиръ—объ этомъ зданіи слѣдующее. Когда Ногаи покорили Башкиръ и жили въ здѣшнихъ мѣстахъ (см. Чортово городище близъ г. Уфы), то отличались испорченностію нравовъ и были очень дурные мусульмане. Вѣсть о ихъ беззаконіяхъ и незнаніи корана дошла до Бухары и Туркестана, гдѣ царствовалъ тогда святой мужъ, ханъ Хузя-Ахметъ-Ясавей, который тотчасъ же послалъ къ Ногаямъ въ Башкирію своего ученика Хусейнъ-Бека. Хусейнъ-Бекъ не только-что сдѣлалъ Ногаевъ добрыми мусульманами, но и обратилъ многихъ язычниковъ. Послѣ того онъ ходилъ въ Мекку и, возвратясь, поселился снова при озерѣ Акзиратъ и былъ главнымъ имамомъ въ Башкиріи. Послѣ смерти Хусейнъ-Бека, онъ былъ признанъ у мусульманъ святымъ; на его могилѣ по ночамъ появлялся свѣтъ и многіе мусульмане стали стекаться на поклоненіе гробу Хусейнъ-Бека. Когда Тамерланъ шелъ громить русскую землю, то, проходя мимо озера Акзирата, воздвигъ этотъ мавзолей надъ прахомъ Хусей-Бека, и самъ прожилъ около могилы святаго со всею ордою шесть мѣсяцевъ. Тамерланъ лишился на этомъ мѣстѣ шести князей, велѣлъ ихъ похоронить близъ мавзолея и поставилъ надъ ними камни. Эти шесть камней позднѣе послужили основаніемъ кладбища.

Не только Тамерланъ воздалъ честь святому мужу, но бухарскій ханъ Темиръ-ленгъ прислалъ изъ Бухаріи, на 12 волахъ, камень, который покрываетъ прахъ Хусейнъ-Бека. Преданіе говоритъ, что мѣсто, гдѣ находится мавзолей Хусейнъ-Бека, было мѣстомъ лѣтнихъ кочевьевъ ногайскихъ хановъ, покорителей башкирскаго народа, до тѣхъ поръ, пока не рѣшилась участь царства Казанскаго. Боясь Россіи, Ногаи ушли за Кубань и въ послѣдствіи тамъ исчезли, смѣшавшись съ горскими племенами. Окрестности нынѣшняго г. Уфы и главное—берега р. Демы, во времена существованія Болгарскаго царства, были постояннымъ поприщемъ магометанской пропаганды (*). Памятники, а именно: гробница миссіонера Хусейнъ-Бека, городище Абисово въ Уфимскомъ уѣздѣ (см. Абисово городище), (слово Абисъ значитъ: духовное лице магометанской іерархіи), всего лучше подтверждаютъ это извѣстіе. Башкирскій народъ, которому издревле принадлежатъ нынѣшнія Оренбургская и Уфимская губерніи, былъ языческимъ; его покорили разные мелкіе ногайскіе князьки или ханы. Ногаи, хотя по преданію очень дурные и безиравственные мусульмане, но все-таки мусуль-

(*) Зап. Имп. Арх. Общ. XIII, 257.

мане. Они конечно старались обратить Башкиръ въ свой законъ и тѣмъ крѣпче единствомъ вѣры связать съ собою покоренный народъ. Откуда бы на помощь Ногаймъ ни приходила миссія,—изъ царства Болгарскаго, изъ золотой Орды, Бухаріи и Туркестана,—но она была необходима: ею совершено то, что среди Башкиръ нѣтъ ни одного язычника. Язычниками въ Уфимской губерніи остались только Черемисы, не далѣе XVII и XVIII вѣковъ переселившіеся сюда изъ царства Казанскаго.

На кладбищѣ, вокругъ мавзолея Хусейнъ-Бека, нѣтъ могильныхъ камней съ древними надписями. Фотографическій снимокъ съ мавзолея и планъ мѣстности находятся въ Императорской Археологической Коммисіи. По словамъ Башкиръ деревни Чишмовъ и окрестныхъ жителей, близъ мавзолея Хусейнъ-Бека не находили ни вещей, ни кладовъ.—Вся мѣстность ждетъ археологическихъ розысканій.—

Р. ИГНАТЬЕВЪ.

БИБЛИОТЕКА
НИИ-та Краевѣдческой
и Музейной работы

...откуда бы
...алгарского; и в
...одна; со совер
...Начинами в
...XVII и XVIII
...По
...

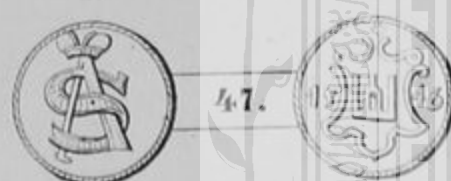
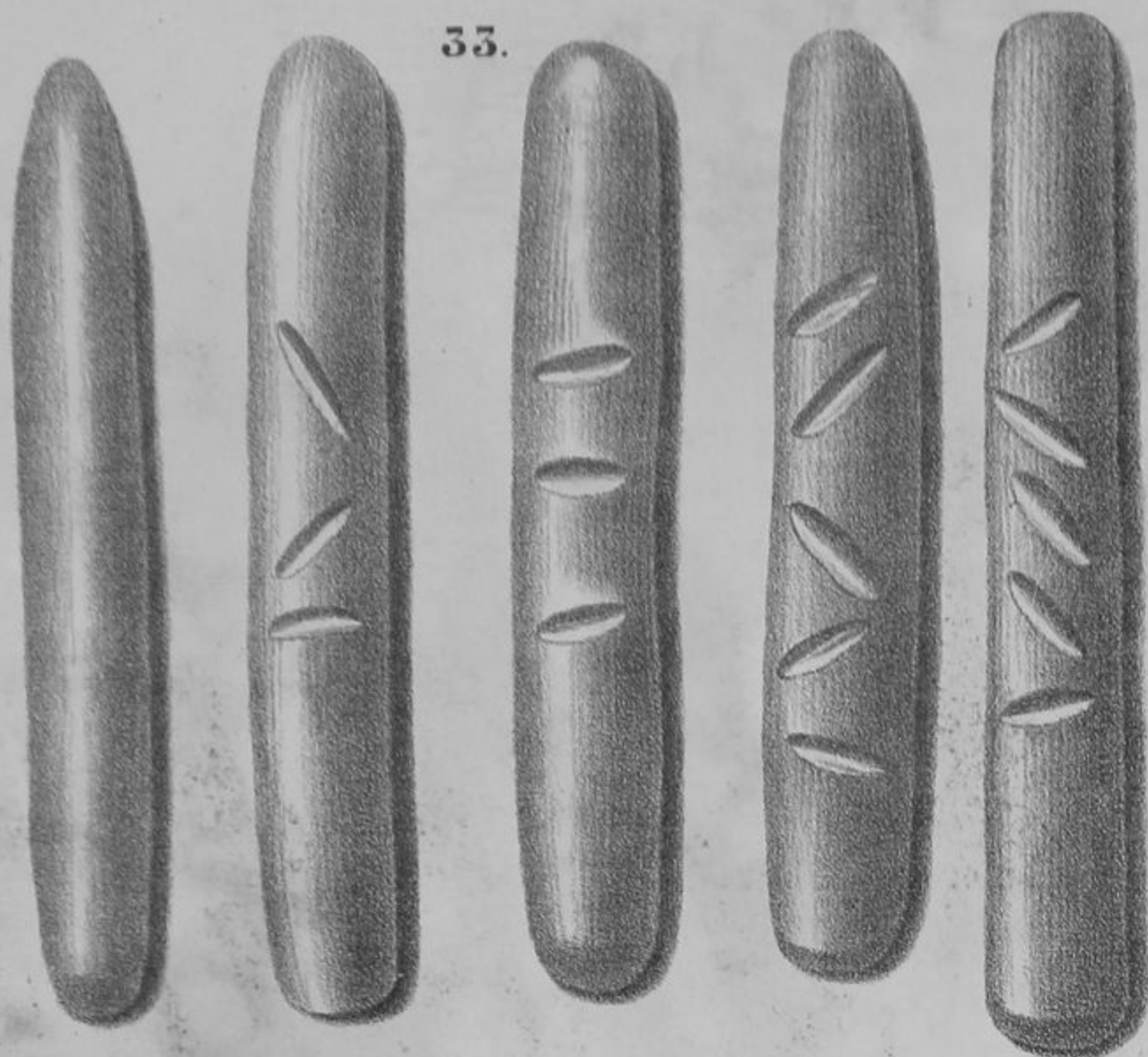

БИБЛИОТЕКА
НИИ культурно-просветительской
и физической работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ис-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Красседческой
и Музейной работы

стр.

2. Археологическая библиографія. Статья Дѣйств. Чл. **А. А. Котляревскаго** 183—188.

3. Археологическія находки при работахъ Ростовской-Таганрогской желѣзной дороги 188—190.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ. Статьи **Р. Г. Игнатьева**, **А. А. Котляревскаго** и **Графа А. С. Уварова** (съ 16-ю политипажамі). 17—56.

Отвѣтственное лицо Гр. А. С. Уваровъ.

Второй томъ Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества выйдетъ
въ 3-хъ выпускахъ, съ гравюрами и полиטיפажами.

~~Цѣна втораго выпуска 2 руб. сер.~~

Продается въ Москвѣ, въ книжныхъ лавкахъ Соловьева и Глазунова и въ
квартирѣ Общества, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Воейковой.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

